

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 4 (94)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2021

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Баишева Зиля Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданын Аноп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституци-

онного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, заместитель председателя Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего

профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник правового отделения Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Рес-

спублики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, врио заместителя начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мионов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Надгачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оператив-

но-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики

Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературные редакторы: Л. Р. Байдавлетова, Е. А. Ермолаева, Р. Р. Гафарова, Э. Р. Ишемгулова.

Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 10.12.2021. Дата выхода в свет: 15.12.2021.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 24,5. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 89. Цена свободная.

BULLETIN
№ 4 (94) 2021 **of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs**
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Avdeeva Olga Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of the Foreign Language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of

Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Gribunov Oleg Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for Research).

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Chairman of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Chair of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Ilyin Dmitry Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head

of the Chair of Russian Philology of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for Legal Work) – Head of the Legal Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic

of Bashkortostan, Chairperson of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Interim Deputy Head of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of English and Intercultural Communication, Department of Romance-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Training Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Chair of Organization of Operative-Detective Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation,

Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Civil Law, Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Russian Federation, Dean of the Law Department of Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolay Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for Research).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors: L. R. Baidavletova, E. A. Ermolaeva, R. R. Gafarova, E. R. Ishemgulova. Layout A. F. Chinyaeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 10.12.2021. Release date: 15.12.2021.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 24,5. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 89. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады	12
Теория и история государства и права.	
История учений о праве и государстве	
<i>Абзалова А. М.</i> Генезис федеральных территорий.....	12
<i>Ельчанинова О. Ю.</i> Методы изучения источников русского права XVII века: к вопросу о рациональности выбора и применения.....	18
<i>Самигуллин В. К.</i> О связанности государства правом	23
<i>Шаламова А. Н.</i> Реализация идей Эрхарда о социальном государстве	28
Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право.	
Международное частное право	
<i>Кулешова А. Н.</i> Проблемы определения правовой природы договора по передаче нефти в собственность с условием о ее транспортировке	33
<i>Радонова А. В.</i> Дискуссионные вопросы заключения, изменения и прекращения договора о реализации туристского продукта.....	38
<i>Семенов Е. Ю., Лысенко Е. С.</i> Проблемы правового регулирования автоматизированной обработки общедоступных персональных данных	44
Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право	
<i>Курсаев А. В.</i> Квалификация тяжких последствий в результате невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (часть 3 статьи 145.1 УК РФ).....	48
<i>Медведев Е. В.</i> Назначение и функциональный потенциал условного осуждения	56
<i>Савченко М. М.</i> Проблемы квалификации фиктивного банкротства по объективным и субъективным признакам состава преступления.....	61
<i>Хафизова А. М., Зарецкая С. А.</i> Современное законодательство Российской Федерации, регулирующее предупреждение преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием возможностей сети Интернет	67
Уголовный процесс	
<i>Богаткина Р. Ш.</i> Проблемы и перспективы правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации	72
<i>Григорьев В. Н., Терехов А. Ю.</i> О взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого.....	79
<i>Левченко О. В.</i> К вопросу о правовой природе частно-публичного уголовно-процессуального механизма привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.....	90
<i>Миргородская Э. Р.</i> О реализации принципа соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства в судебном контроле	95
Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.	
Оперативно-разыскная деятельность	
<i>Железняк Н. С.</i> Некоторые мысли о юридической технике формирования отдельных положений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».....	102
<i>Иванов П. И., Шитов А. С.</i> К вопросу об обнаружении оперативным путем налоговых преступлений на потребительском рынке	109
<i>Криворучкина Е. А.</i> Организация назначения судебно-ботанической экспертизы с применением методов дендрохронологии при рассмотрении сообщений о незаконной рубке лесных насаждений.....	114
<i>Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И.</i> Особенности психологического контакта с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими	121

Административное право. Административный процесс

<i>Беженцев А. А.</i> Административно-правовые запреты на продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: от истории к современности.....	126
<i>Будникова А. Б.</i> О понятии и содержании административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача.....	132
<i>Кузнецова К. А., Ткаченко Н. Н.</i> Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по противодействию незаконной миграции	138
<i>Морозов В. А.</i> Административно-правовой статус специального учреждения МВД России для временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации	144

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

<i>Арская А. М.</i> Концепт «drug offense» в американской лингвокультуре	148
<i>Атнагулова А. Д.</i> Изучение возвратных глаголов на занятиях по русскому языку как иностранному	155
<i>Гнездилова Е. В.</i> Особенности обучения навыкам русского жестового языка сотрудников полиции	161
<i>Шамсутдинова А. А.</i> Игры на занятиях по русскому языку как иностранному.....	168

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Теория и методика профессионального образования

<i>Кустов П. В., Силкин Н. Н., Дудчик В. И.</i> Формирование и развитие конфликтологической компетентности курсантов образовательных организаций МВД России.....	173
<i>Филипенко Е. В., Малолеткова А. В., Балахонский В. В., Журавлева, Т. Л., Старова Е. А.</i> Сравнительный анализ выраженности педагогических умений у преподавателей высшей школы с учетом наличия профильного образования и опыта педагогической работы.....	178
<i>Ходякова Н. В.</i> Личностно-ориентированные стратегии обучения сотрудников полиции....	189

Памятка	195
----------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Scientific articles and reports	12
Theory and History of State and Law.	
History of Law and State Teachings	
<i>Abzalova A. M.</i> Genesis of federal territories	12
<i>Elchaninova O. Yu.</i> Methods of studying sources of russian law of the XVII century: to the question of rationality of choice and application	18
<i>Samigullin V. K.</i> On the binding of the state by law	23
<i>Shalamova A. N.</i> Implementation of Erhard's ideas about the social state	28
Civil Law. Business Law.	
Family Law. International Private Law	
<i>Kuleshova A. N.</i> Problems of determining the legal nature of an agreement on the transfer of oil to ownership with the condition of its transportation	33
<i>Radonova A. V.</i> Controversial issues of concluding, amending and terminating a contract on the sale of a tourist product.....	38
<i>Semenov E. Y., Lysenko E. S.</i> Problems of legal regulation of automated processing of publicly available personal data.....	44
Criminal Law. Criminology. Penal Law	
<i>Kursaev A. V.</i> Qualification of serious consequences as a result of non-payment of wages, pensions, stipends, allowances and other payments (part 3 of article 1451 of the criminal code).....	48
<i>Medvedev E. V.</i> Purpose and functional potential of probation	56
<i>Savchenko M. M.</i> Problems of qualification of fictitious bankruptcy on objective and subjective signs of the corpus delicti.....	61
<i>Khafizova A. M., Zaretskaya S. A.</i> Modern legislation of the Russian Federation regulating the prevention of extremist crimes committed using the capabilities of the Internet.....	67
Criminal Procedure	
<i>Bogatkina R. Sh.</i> Problems and legal regulation development of international cooperation in criminal proceedings of the Russian Federation	72
<i>Grigoryev V. N., Terekhov A. Yu.</i> On the interconnection and relationship of the acts of exciting the criminal case and the involvement as the accused.....	79
<i>Levchenko O. V.</i> On the question of the legal nature of the private-public criminal rocedural mechanism of bringing to criminal responsibility for crimes in the sphere of economic activity.....	90
<i>Mirgorodskaya E. R.</i> On the implementation of the principle of compliance with a reasonable time of criminal proceedings in judicial control	95
Criminalistics. Forensic Activity.	
Operative Detective Activity	
<i>Zhelezniak N. S.</i> Some thoughts on the legal technique of formation of separate provisions of the federal law «On operational-seach activity»	102
<i>Ivanov P. I., Shitov A. S.</i> On the issue of the operational detection of tax crimes in the consumer market	109
<i>Krivoruchkina E. A.</i> Organization of appointment of a forensic botanical examination using dendrochronology methods when considering reports of illegal logging of forest plantations.....	114
<i>Makarenko I. A., Zainullin R. I.</i> Features of psychological contact with minor witnesses and victims.....	121

Administrative Law. Administrative Procedure

<i>Bezhentsev A. A.</i> Administrative and legal banks on sale of minors alcoholic products: from history to modernity	126
<i>Budnikova A. B.</i> On the concept and content of administrative responsibility for the consumption of narcotic drugs and psychotropic substances without a doctor's prescription	132
<i>Kuznetsova K. A., Tkachenko N. N.</i> Legal and institutional framework of the internal affairs bodies illegal migration	138
<i>Morozov V. A.</i> Administrative and legal status of the special institutions of the MIA of Russia for the temporary detention of foreign citizens and stateless persons subject to administrative expulsion from the Russian Federation	144

General Problems of Linguistics.

Language and Law. Legal Linguistics

<i>Arskaya M. A.</i> Concept «drug offence» in american linguistic and culture	148
<i>Atagulova A. D.</i> Learning reflexive verbs in russian as a foreign language classes	155
<i>Gnezdilova E. V.</i> Features of learning skills Russian sign language to police officers	161
<i>Shamsutdinova A. A.</i> Games in lessons in russian as a foreign language	168

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education.

Theory and Methods of Vocational Education

<i>Kustov P. V. Silkin N. N., Dudchik V. I.</i> Formation and development of conflictological competence of trainers of educational organizations of the MIA of Russia	173
<i>Filipenko E. V., Maloletkova A. V., Balakhonsky V. V., Zhuravleva T. L., Starova E. A.</i> Comparative analysis of the expression of pedagogical skills of higher school teachers, taking into account the presented education and experience of pedagogical work	178
<i>Khodyakova N. V.</i> Person-centered strategies for educating police officers	189

Instruction	195
--------------------------	-----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 342.24(100)(091)

А. М. АБЗАЛОВА, *адъюнкт Академии управления МВД России (г. Москва)*

A. M. ABZALOVA, *Postgraduate of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)*

ГЕНЕЗИС ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

GENESIS OF FEDERAL TERRITORIES

Аннотация. В статье представлен международный исторический опыт использования института федеральных территорий, описывающий многообразие причин и условий его создания, траектории развития в исторической ретроспективе. Изучение такого опыта с позиций российской конституционно-правовой доктрины и практики представляется необходимым для: гарантий того, что конституционно-правовая новация не оказалась «мертворожденной» нормой, и в будущем не было оснований для ее исключения из Конституции Российской Федерации; обеспечения соответствия инструментов и методов правового регулирования целям и задачам, поставленным государством и обществом; выбора наилучших элементов механизма правового регулирования федеральных территорий, апробированных многолетней практикой в зарубежных федеративных государствах.

Ключевые слова и словосочетания: федеральные территории, федеральный округ, федеративное устройство, состав территории.

Annotation. The article presents the international historical experience of using the institute of federal territories, describing the variety of reasons and conditions for its creation, the trajectory of development in historical retrospect. The study of such experience from the standpoint of the Russian constitutional and legal doctrine and practice seems necessary to: guarantee that the constitutional and legal innovation did not turn out to be a «stillborn» norm, and in the future there were no grounds for its exclusion from the Constitution of the Russian Federation; ensuring that the tools and methods of legal regulation correspond to the goals and objectives set by the state and society; selecting the best elements of the mechanism of legal regulation of federal territories, tested by long-term practice in foreign federal states.

Keywords and phrases: federal territories, federal district, federal structure, composition of the territory.

В соответствии с изменениями, внесенными Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1], в ч. 1 ст. 67 Конституции РФ представлена норма, согласно которой «на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным зако-

ном могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом» [2]. Автор рассматриваемой поправки – сенатор А. А. Клишас – в обоснование своего предложения проанализировал характерные черты территориального устройства в некоторых федеративных государствах (США, Канаде, Австралии, Индии, Малайзии), а также обо-

сновал особенности, присущие федеральным территориям указанных государств. Это, во-первых, особый порядок разграничения полномочий между федеральным центром и его составными частями, заключающийся в наличии возможности прямого или опосредованного управления федеральным центром. Во-вторых, эти территории имеют особый статус и специальный правовой режим [3].

Приведенные особенности федеральных территорий в различных федеративных государствах недостаточны в контексте общего осмысления федеральных территорий. И. В. Ирхин отмечает, что в конституционно-правовом статусе федеральных территорий также имеются существенные различия [4].

Хронологически первой федерацией по периоду возникновения, сохранившейся до настоящего времени, а также государством, впервые закрепившем на конституционном уровне возможность создания федеральных территорий, являются США. Вскоре после ее создания в составе федерации появляются и внутренние управляемые из центра и не относящиеся ни к одному штату территории. Многообразие способов приращения территории обусловило возникновение отличающихся между собой по статусу территорий: организованных, неорганизованных; инкорпорированных, неинкорпорированных. Такие различия заключались, например, в возможности иметь гражданство США, способах организации государственной власти и местного самоуправления, пределах действия Конституции США и др. Расширение границ США происходило посредством освоения земель Северной и Южной Америки, «в результате раздела территорий с враждующими государствами (Восточное Самоа, Гуам, Северные Марианские острова, Пуэрто-Рико), покупки у других государств (Американские Виргинские острова), открытия и/или аннексии (Уэйк, Мидуэй, Навасса и другие незаселенные острова и атоллы)» [5]. Образование первого штата Теннесси из состава Юго-Западной территории заложило конституционно-правовую традицию субъ-

ектообразования в США из федеральной территории [6]. В настоящее время в США имеются один федеральный округ (Округ Колумбия) и 16 зависимых территорий.

Таким образом, конституционно-правовой институт федеральных территорий в США был результатом территориальной эволюции, и данные территории носили преимущественно транзитивный характер в процессе перехода организации власти от подчиненной, аннексированной или приобретенной территории (группы земель) в организованные территории.

Округ Колумбия, на территории которого расположена столица США город Вашингтон, был учрежден в 1790 г. на основании Закона о резидентстве, в соответствии с которым устанавливалось постоянное место размещения американского правительства. Этому решению способствовало событие, произошедшее в июне 1783 г., именуемое «Филадельфийский мятеж» – антиправительственный протест, показавший неспособность американского руководства обеспечить собственную безопасность. Его значение в истории США велико, поскольку с него можно датировать первое решительное указание отцов-основателей США на постоянное место пребывания правительства, другими словами, необходимость создания национальной столицы, находящейся под единственным и исключительным контролем Конгресса и независимой от любого государственного управления и влияния [7; 8]. В отличие от федеральных территорий законодательством США не предусматривалась трансформация федерального округа в самостоятельный штат.

Важно подчеркнуть, что сама модель организации столичного федерального округа была заимствована рядом федеративных государств и в схожем виде была организована в Нигерии (1976 г.), Малайзии (1974 г.), Австралии (1911 г.), Бразилии (1889 г.), Венесуэле (1999 г.), Аргентине (1880 г.), Мексике (1824 г.), Индии (1992 г.), Пакистане (1967 г.), Бельгии (1989 г.).

Опыт США преобразования федеральных территорий в полноценные субъекты

федерации также был заимствован рядом федеративных государств. Например, вплоть до 1988 г. в составе Бразилии выделялись три федеральные территории:

– островной архипелаг Фернанду-ди-Норонья (штат Пернамбуку) – получил статус федеральной территории в 1942 г. с целью управления особой островной территорией, имеющей геостратегическое значение, на которой были расположены военные базы и федеральные тюрьмы;

– Амапа (штат Амапа) – в 1900 г. инкорпорирована в состав Бразилии по результатам разрешения международным арбитражем международного территориального спора с Францией и до 1943 г. была частью территории штата Пара, в ходе второй мировой войны образована в федеральную территорию по причине высочайшей значимости геополитического положения;

– Рорайма (штат Рорайма) – история преобразования в полноправный штат идентична Амапе: в 1943 г. выделен из состава территории штата Амазонас, а в 1988 г. преобразован в полноправный отдельный штат.

Образование федеральных территорий в Канаде не преследовало транзитивных целей, а в первую очередь было обусловлено соображениями организации автономного управления со значительной поддержкой и протекцией со стороны федерального центра в связи с территориальными, климатическими, экономическими и этнико-национальными особенностями.

Так, Северо-Западные территории Канады (из которых впоследствии выделились федеральные территории Юкон и Нунавут) вошли в состав Канады и получили статус федеральных территорий в 1870 г. Это преимущественно отдаленные и труднодоступные территории в субарктической и арктической зоне крайнего севера Канады (арктическая тундра) с минимальной плотностью населения, значительная часть которого представлена коренными народами. Конституционно-правовой статус федеральной территории позволяет обеспечивать приемлемую управляемость территорий, в том числе с учетом интересов коренных

народов. Разделение Северо-Западных территорий (Юкон, Нунавут) было связано преимущественно с формированием двух крупных очагов администрирования, а также преследовало идею формирования приблизительно равных по площади территорий.

В число федеральных территорий Австралии, помимо Австралийской столичной территории, также входят Территория Джервис-Бей и Северная территория. Территория Джервис-Бей имеет стратегическое значение, несмотря на крайне небольшую площадь в 73 кв. км. Ее развитие имело уникальную историю с позиций оснований возникновения федеральных территорий – она была выкуплена австралийским правительством у штата Новый Южный Уэльс в 1915 г. для цели обеспечения доступа к морю столицы Канберры (до 1989 г. территория не была самостоятельной, а входила в состав Австралийской столичной территории). Основанием же трансформации в самостоятельную федеральную территорию, помимо фактического отсутствия формальной необходимости гарантировать доступ столицы к морю, стали соображения поддержания и развития национального парка и ботанического сада Будери, занимающих основную территорию федерального округа.

Полная противоположность Территории Джервис-Бей по размерам – Северная Территория (1911 г.), занимающая площадь 1,35 млн. кв. км., была выделена из состава штата Южная Австралия. Является крайне малонаселенной (0,17 чел. на кв. км.). Основными причинами, способствующими выделению Северной Территории из состава территории штата Южная Австралия, послужили труднодоступность и неосвоенность территории. На Северной Территории имеются места компактного проживания коренных народов Австралии, что, хотя и не выступало изначальной причиной, в настоящее время является фактором сохранения за ней специального статуса федеральной территории.

Наконец, еще одним историческим и географическим кейсом создания и развития федеральных территорий выступает органи-

зация Союзных территорий Индии – особой разновидностью административно-территориальных единиц, не обладающих собственным правительством и напрямую управляемых федеральным правительством из Дели. Основания возникновения Союзных территорий в Индии (их в настоящее время существует восемь) были различными:

1. Национальный столичный округ Дели создан в 1991 г. как следствие мировой традиции создания специальных столичных округов в федеративных государствах. Однако между тем существование данного округа имеет преимущественно транзитивный характер с прицелом на дальнейшее преобразование в полноценный штат.

2. Андаманские и Никобарские острова – удаленные заморские территории, созданные в 1956 г. и не наделенные статусом штата преимущественно по геостратегическим соображениям.

3. Лакшадвип – удаленная островная территория, образованная в 1956 г., в состав которой входит более 50 больших и малых островов, лишь 11 из них обитаемы.

4. Союзная территория Чандигарх – де-факто город, являющийся столицей сразу двух индийских штатов Харьяна и Пенджаб, что и предопределило прямое союзное подчинение (сам город специально спроектирован и сооружен начиная с 1953 г.).

5. Дадра и Нагар-Хавели и Даман и Диу – образована лишь в январе 2020 года путем объединения двух одноименных территорий, аннексированных Индией вместе с территорией нынешнего штата Гоа в 1961 г., и имевших такую уникальную характеристику – они были не британскими, а португальскими колониями, суверенитет Индии над которыми был признан самой Португалией лишь в 1974 г.

6. Союзная территория Пондичерри – является наиболее территориально разобщенной (муниципалитеты находятся в четырех несмежных небольших областях на различных побережьях), возникла на местах бывших французских колоний.

7. Джамму и Кашмир – бывший штат, преобразованный в 2019 г. в федеральную

территорию для целей укрепления обороны и национальной безопасности (территории являются давним предметом споров с Пакистаном, неоднократно приводивших к вооруженным конфликтам).

8. Ладакх – образован в 2019 г. путем выделения из штата Джамму и Кашмир по стратегическим и этническим соображениям (будучи труднодоступным районом, замкнутым между двумя высокогорными системами, регион имеет наименьшую плотность населения, преимущественно заселен тибетцами-ладакхцами, многие из которых до сих пор ведут кочевой образ жизни).

Историческая ретроспектива оснований создания особо управляемых территорий в Индии представлена широкой палитрой, а устойчивое развитие Союзных территорий позволяет сделать вывод об успешности используемого института.

В соседнем с Индией Пакистане, помимо столичной территории, федеральными территориями являются также Гилгит-Балтистан (имеет с 2020 г. переходной статус, граничит с Джамму и Кашмиром и характеризуется активным сепаратистским движением, что обусловило наделение специальным административно-территориальным статусом), Азад-Кашмир (образован по соображениям национальной безопасности еще в 1948 г., имеет территориальные претензии со стороны Индии) и федерально управляемые племенные территории.

Наконец, еще одним государством, в состав которого входят федеральные территории, является Малайзия. Примечательно, что столичный регион Малайзии является федеральной территорией, помимо которой также имеются еще две федеральные территории: Путраджая (основана в 1995 г. и является квази-столичной – в нее перемещены административные здания правительства) и Лабуан (преобразование в федеральную территорию в 1984 г. впервые в мировой практике преследовало цель – обеспечение специального регулирования особой экономической зоны напрямую силами федерального правительства; статус территории позволил объявить ее свободной торговой

зоной и международной оффшорной территорией).

Создание федеральной территории «Сириус» на территории Российской Федерации в конце 2020 г. было обусловлено необходимостью создания условий и механизмов для развития ее инновационной научно-технологической деятельности, реализации масштабных инфраструктурных проектов и формирования инвестиционной привлекательности данной федеральной территории, расширения доступа граждан и юридических лиц к участию в перспективных образовательных, научных и научно-технических проектах [9].

В результате рассмотрения генезиса федеральных территорий в мировой практике представляется выделить следующие причины и условия создания федеральных территорий:

1) содействие транзиту между патронажем, инкорпорацией территорий и превращением их в полноценные субъекты федерации;

2) стремление асимметричных, территориально распространенных федераций к усилению контроля и обеспечению национальной безопасности за стратегически расположенными, труднодоступными, удаленными (в том числе заморскими), малонаселенными территориями, в том числе в период войн и в свете межгосударственной политической напряженности;

3) желание полинациональных федераций обеспечить сохранение и преумножение уникальных этносов и культурных традиций на определенных территориях, реализация других гуманистических соображений, а в некоторых случаях и достижение экономических целей;

4) необходимость обеспечения независимости в управлении столицей федеративного государства;

5) потребность урегулировать внутренние и внешние территориальные споры;

6) создание условий и механизмов для развития особых видов социально-экономической и инновационной деятельности, имеющих общегосударственное стратегическое значение.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить следующие базовые исторические траектории формирования и развития федеральных территорий:

1. Создание «исторических» федеральных территорий: развитие федерализма, постепенное осуществление государственного-правового строительства, в ходе которого имела необходимость прямого управления из федерального центра отдельными плохо освоенными или спорными территориями. Исторически данный процесс характеризовался последующим переходом значительной части таких территорий под контроль определенного субъекта федерации или создания на их основе самостоятельного субъекта федерации.

2. Создание федеральных территорий специального назначения: выделение из состава территории субъекта федерации специальных территорий и федеральных округов для осуществления специальных полномочий, прежде всего, столицы федерации, нередко как обратный процесс историческому формированию федеральных территорий (трансформации в самостоятельные субъекты федерации).

3. Создание «заморских» федеральных территорий: присоединение или трансформация конституционно-правового статуса удаленных зависимых (внешних, «заморских») территорий в целях сохранения контроля над внешними территориями, сохраняющими до настоящего времени высокую степень автономности и многочисленные признаки государственно-подобных образований и нередко претендующими на признание независимости и превращение в полноценные субъекты международного права. Нередко относится к периоду разрушения мирового колониализма. Между тем такие федерации, как США, изначально имели в своем составе заморские территории, которые не были инкорпорированы в состав федерации и не обладали правами ее субъектов (штатов).

Приведенный зарубежный опыт создания института федеральных территорий позволяет заключить о его широком исполь-

зовании в большинстве федеративных государств. Его заимствование если и возможно, то только лишь в части общего представления о федеральной территории с учетом различных особенностей федеративного государства: исторических, экономических, социально-культурных, политических, географических и др. Использование института федеральных территорий может иметь значительную пользу, в том числе:

- в обеспечении общего повышения управляемости федеративным государством;
- в формировании юридических основ для обеспечения приоритета применения федерального законодательства на определенных территориях без необходимости ослабления системы регионального нормотворчества в соответствии с установленным конституционным распределением регулятивных компетенций;
- в оказании реального содействия балансированию и развитию социально-экономического развития территорий государства;
- в упорядочении финансово-бюджетных отношений (обеспечение прямого финансирования проблемных регионов из средств федерального бюджета; распространение на определенные территории фискального права федерального уровня без осуществления социально-чувствительной процедуры пе-

ресмотра налогово-бюджетных полномочий субъектов федерации и др.);

– в предупреждении этнических конфликтов в отдельных полинациональных территориальных образованиях;

– в обеспечении приоритетных государственных интересов в сфере национальной безопасности, устойчивого развития и по другим частным аспектам, решение которых силами региональных властей может быть менее результативным, например, путем создания федеральных приграничных территорий и закрепления статуса федеральных территорий за природными заповедниками, территориями, важными для сохранения историко-культурного наследия, и прочее.

В этой связи представляется целесообразным констатировать, что конституционно-правовое закрепление статуса федеральных территорий и осуществление организационных, правовых мероприятий по их созданию в Российской Федерации выступает обоснованным с позиций исторического зарубежного опыта. Создание федеральных территорий призвано оказать универсальное содействие эффективному и результативному решению задач дальнейшего государственного строительства, включая формирование рационального механизма балансирования интересов субъектов федерации и федеральных властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ : Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14 марта 2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 4 июля 2020 г.
3. Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/113261/> (дата обращения: 18.07.2021).
4. Ирхин И. В. Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 30–37.
5. Ирхин И. В. Конституционно-правовой статус неинкорпорированных территорий США // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 484–500.
6. Чечелев С. В. Юго-Западный ордонанс 1790 г. и его значение в государственно-правовом развитии США // Вестник Омского Университета. Серия «Право». 2012. № 4 (33). С. 10–14.

7. Harvey W. Crew. Centennial History of the City of Washington, D. C. With Full Outline of the Natural Advantages, Accounts of the Indian Tribes, Selection of the Site, Founding of the City ... to the Present Time, 1892. URL: https://archive.org/details/bub_gb_5Q81AAAAIAAJ/page/n73/mode/1up (дата обращения: 06.06.2021).

8. Федералист : Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М. : Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. С. 290–291.

9. О федеральной территории «Сириус» : Пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051718-7#bh_notem (дата обращения: 06.07.2021).

© Абзалова А. М.

УДК 340.115:340.130(470)"16"

О. Ю. ЕЛЬЧАНИНОВА, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент (г. Москва)

O. YU. ELCHANINOVA, senior researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of historical sciences, associate professor (Moscow)

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ РУССКОГО ПРАВА XVII ВЕКА: К ВОПРОСУ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ ВЫБОРА И ПРИМЕНЕНИЯ

METHODS OF STUDYING SOURCES OF RUSSIAN LAW OF THE XVII CENTURY: TO THE QUESTION OF RATIONALITY OF CHOICE AND APPLICATION

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса об определении рациональности выбора и применения методов для изучения природы источников русского права XVII в. Автором показано, что критерием эффективности избрания этих методов является возможность с их помощью раскрыть сущностные особенности; ни один из методов и приемов в отдельности не может дать объективную картину системы источников права, этого можно достичь, используя их только в комплексе. К тому же каждый вид источников права требует использования определенного методологического набора. Рассмотренные в статье методы призваны оказать помощь в исследовании природы изучаемого предмета, в выявлении формы, содержания, сущности того или иного вида источника русского права XVII в. в отдельности и в системе в целом.

Ключевые слова и словосочетания: методы, способы, приемы, источники права, источники русского права XVII в., диалектический подход, формально-юридический метод, метод интерпретации правовых норм, метод ретроспективного анализа, системный метод, метод классификации.

Annotation. The article is devoted to the consideration of the issue of determining the rationality of choice and application of methods for studying the nature of the sources of Russian law of the 17th century. The author shows that the criterion for the effectiveness of the selection of these methods is the ability to use them to reveal the essential features. It is shown that none of the methods and techniques taken separately can give an objective picture of the system of sources of law, this can be achieved by using them only in combination. In addition, each type of sources of law requires the use of a certain methodological set. The methods considered in the article are designed to help in studying the nature of the subject under study, in identifying the form,

content, essence of one or another type of source of Russian law in the 17th century. separately and in the system as a whole.

Keywords and phrases: *methods, methods, techniques, sources of law, sources of Russian law of the 17th century, dialectical approach, formal legal method, method of interpreting legal norms, method of retrospective analysis, systemic method, method of classification.*

Состояние историко-правовой науки сегодня показывает, что введение в научный оборот новых источников права не позволяет в полной мере изменить качественным образом устоявшиеся представления о национальной правовой системе. В связи с этим очевидной является необходимость выработать обновленный методологический инструментарий, который расширит наше представление о правовой природе источников отечественного права. Эта необходимость определяет всплеск исследований, посвященных различным аспектам источников права, который наблюдается в России в последние годы. Поиск новых подходов к их дефиниции и классификации способствовал актуализации в рамках различных научных мероприятий дискуссии относительно сущностных характеристик этого понятия, отграничения источников права от смежных категорий в характеристике исторически существовавших форм права и источников наших знаний о праве, соотношения понятий «форма» и «источник» права и т. д. Например, Международная научно-практическая конференция «Источники и формы права: традиции и перспективы понимания», проведенная в Самаре 11 декабря 2020 г. Вместе с тем приходится констатировать, что наши представления о памятниках права сегодня носят пока ограниченный характер и не отражают всего разнообразия их правовой природы. Более того, многие исторические виды источников русского права до сих пор не получили своего изучения. А между тем раскрытие их сущностных характеристик и определение их места в системе русского права, несомненно, будут способствовать выявлению богатства и многообразия национальной правовой традиции. В рамках данной публикации мы бы хотели остановиться на проблеме рационального подхода

к выбору приемов, способов и методов изучения правовой природы источников русского права XVII века.

В научной литературе проблемы применения методов правового исследования были предметом изучения ряда ученых, в частности, этим занимались: Н. Г. Алексеев, Т. В. Гурова, М. В. Кузнецов, В. М. Сырых, В. А. Штоф и другие. Комплексного же анализа методов исследования источников права в целом и источников русского права XVII века в частности не проводилось.

Не ставя перед собой цель детального изучения метода как научной категории, все же отметим, что и по сей день не сложилось в науке однозначного ее толкования. Еще во времена Платона под методом понималось исследование, ведущее к истине. Исследователи также ассоциируют метод с теорией или учением, направленным на изучение окружающей реальности [1, с. 359; 2, с. 4]. Среди ученых есть и те, кто связывает эту категорию с целенаправленным процессом использования знаний для достижения цели [3, с. 23; 4, с. 6; 5, с. 322–323; 6, с. 123].

В нашем представлении под методом следует понимать сложную систему способов, приемов познания объекта и предмета конкретной отрасли науки, позволяющих раскрывать закономерности их развития. Полагаем, что это важнейший инструментарий, который помогает исследователю достигать цели с помощью методов или их совокупности путем выполнения целенаправленных действий, которыми являются способы и приемы [7, с. 7–9]. Методологические сложности при изучении природы источников русского права XVII века обусловлены нахождением их в поле зрения двух отраслей знания: исторической и юридической. В связи с этим в качестве методологической основы при их изучении нами выбраны методы этих наук [8; 9; 10].

Какой бы подход и метод в изучении источников права не применялся, крайне важно учитывать философскую мировоззренческую основу, которая выступает ядром любой отрасли научного знания. Обращение к взаимосвязанным подходам – логическому и историческому, позволяет нам определять последовательность формирования понятий, категорий, составляющих содержание правовой теории в целом и источников права в частности. В познании сущности источников права невозможно игнорировать законы и принципы диалектики, которая в течение продолжительного времени использовалась представителями материалистического направления в науке. Хотя у современных исследователей материалистическая концепция понимания права явно не пользуется уважением. Эта доктрина сегодня упорно игнорируется, а ее отрицательные оценки прочно укрепились в сознании нескольких поколений молодых ученых, которые даже не предпринимают попытки ознакомиться с ней и выявить в ней рациональное зерно. На смену материализму пришли иные теории в форме герменевтики, эклектики и синергии, которые, по нашему мнению, все же не смогли создать целостной методологической базы, призванной решать сегодня проблемы правоведения. Представляется, что абсолютное отрицание материалистических постулатов с точки зрения интересов объективной науки в малой степени может быть полезным, ведь на диалектическом учении строится метод творчески познающего правового мышления.

Изучая трансформацию системы источников права XVII века, отчетливо можно обнаружить как «работают» законы диалектики. Расширение сферы государственного регулирования приводит к увеличению количества источников позитивного права и, как следствие, к изменению соотношения видов источников права в пользу последних (закон перехода количественных изменений в качественные). В систему источников отечественного права XVII века входили источники, сформировавшиеся ранее (Судебники, Стоглав и др.), в свою очередь, они имели пролонгацию в последующих периодах,

например, Соборное уложение не утратило юридическую силу в XVIII веке (закон отрицания отрицания).

Интегральное значение в изучении источников права имеют и логические средства познания, которые тесным образом связаны с законами диалектики. Так, посредством анализа система источников права XVII века нами может быть разделена на отдельные составные части (правовые обычаи, судебные прецеденты, боярские приговоры, акты Земских соборов, источники канонического права, указы царя и т. д.), каждая из которых может быть рассмотрена самостоятельно, а затем с помощью синтеза все эти части во всем многообразии их специфики и целостном единстве соединяются в систему [9, с. 69].

Среди научных методов вполне заслуженно приоритетное место занимает историзм, применение которого позволяет исследователям государственно-правовой действительности рассматривать правовые явления в динамике, анализировать объекты и предметы исследования в контексте конкретно-исторических условий их существования. Кроме того, историзм подразумевает применение совместно, но не одновременно, двух подходов: историко-ретроспективного и историко-ситуационного. Как справедливо было замечено И. Д. Ковальченко, историко-ретроспективный подход позволяет раскрывать с определенной исторической дистанции суть и прогрессивность явлений прошлого, когда уже в той или иной мере обнаружались исторические результаты соответствующей деятельности в прошлом. Историко-ситуационный подход заключается в рассмотрении процессов и явлений прошлого в контексте соответствующей исторической ситуации. Основным здесь является выяснение того, в какой мере современники адекватно воспринимали историческую реальность и учитывали ее при определении целей и задач своей деятельности, с одной стороны, и соответствие этой деятельности объективным перспективам исторического развития – с другой [11, с. 29].

Для реализации цели изучения правовой природы источников русского права

XVII века важное значение имеет применение историко-ретроспективного подхода с упором на исторический, историко-сравнительный, историко-генетический методы. Например, исторический метод необходим для определения: времени, места издания отдельных источников права XVII века; особенностей функционирования субъектов, наделенных правом нормотворчества. Историко-сравнительный метод возможно применять в комплексе двух его противоположных форм: индивидуализирующей и синтетической. Индивидуализирующее сравнение позволяет выявить единичные и особенные черты отдельных источников права рассматриваемого периода. Синтетическое же сравнение дает возможность определять общие черты однотипных источников права, позволив обоснованно выстроить систему источников права XVII века, раскрыть механизмы взаимозависимости и взаимообусловленности отдельных элементов этой системы. Историко-генетический метод, предполагающий установление возникновения тех или иных явлений явлениями более ранними во времени, позволяет проследить влияние правовой традиции предшествующих исторических эпох на структуру и содержание источников права XVII века. Этот метод позволяет установить причинно-следственные связи усиления роли именного указа царя, ставшего в рассматриваемом столетии одним из основных источников права.

Непосредственное исследование конкретных источников права, определение закономерностей их развития в течение рассматриваемого периода, установление взаимосвязей между ними выявило необходимость использования определенной логической операции – деления объема понятия. Эта логическая операция, как известно, может реализовываться при помощи следующих приемов: деления понятия по видоизменению признака; дихотомии; классификации.

Использование приема «деление понятия по видоизменению признака» применительно к понятию «источник права» достаточно распространено в научной литературе. Наиболее очевидным критерием деления

правовых источников выступал критерий субъекта правотворчества, по которому, начиная с XVII века, выделялись правовой обычай и закон. Развитие учения об источниках права в последующие годы позволило выделить при помощи указанного критерия и другие источники права.

При исследовании правовой природы источников позитивного права XVII века сложно обойтись без применения формально-юридического метода, который помогает проанализировать исследуемый нормативный материал. Этот метод позволяет уяснить суть и значимость закона или иного нормативного акта, исходя из их собственного содержания, выявить формально-логические связи. И хотя этот метод имеет ограничения в применении, его значение в понимании содержания правовых конструкций не преувеличено.

Как выше было показано, в системе источников права XVII века правовые обычаи и судебная практика все больше вытесняются законодательными актами, а правовые нормы вместо традиционной казуальности все более приобретают черты абстрактности. Учитывая этот факт, для уяснения их содержания также не последнюю роль играет метод интерпретации текстов правовых норм. Именно этот метод побуждает исследователей к поиску тончайших юридических нюансов в текстах изучаемых норм, помогает находить согласования юридической догмы и постоянно меняющихся социальных условий, жизненных ситуаций.

Многообразии видов источников русского права XVII века невозможно изучить без проведения их классификации [9, с. 66–119]. Правильно составленная классификация отражает закономерности развития источников права в выбранной национальной системе в определенный исторический период, раскрывает связи между ними, помогает сориентироваться в их множестве, служит основой для определения места отдельного вида в системе источников права.

Поскольку в XVII веке существовало около ста видов актов светского и церковного, публично-правового и частноправового,

внутригосударственного и межгосударственного права, считаем вполне эффективным применение метода формулярного анализа при изучении их правовой природы. Этот метод помогает определить их видовую принадлежность, рассмотреть структуру и извлечь из них информацию, установить порядок, время и место создания. Кроме того, изучение формуляра правовых документов позволяет исследовать их комплексно, не отделяя отдельные клаузулы друг от друга. Вместе с тем этот метод дает возможность исследователю установить тот факт, что, кроме типовых формул, большинство актов содержат и уникальные формулы, которые больше нигде не встречаются, так как каждый правовой документ имеет свои условия возникновения и отражает разные грани эволюции правового положения различных социальных групп, их отношения между собой, между государством и обществом [10, с. 348].

Как было ранее отмечено, источники русского права XVII века, по-нашему мнению, уже можно представить относительно определенным образом упорядоченной

совокупностью источников права, поэтому вполне логично применение системного метода для их изучения [12, с. 299]. Он позволяет выяснить и полнее проанализировать взаимное влияние источников права, сделать вывод об эффективности функционирования системы источников отечественного права рассматриваемого периода.

Итак, в качестве резюме можно констатировать, что критерием эффективности выбора методов изучения источников русского права XVII века является возможность раскрыть их сущностные особенности. Ни один из этих методов и приемов в отдельности не может дать объективную картину системы источников права. Этого можно достичь, используя их только в комплексе. К тому же каждый источник права требует использования определенного методологического набора. Рассмотренные в статье методы позволяют нам проникать в природу изучаемого предмета, выявлять форму, содержание, сущность того или иного вида источника русского права XVII века в отдельности и в целостной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. 2-е изд., стер. М. : Юстицинформ, 2004. 528 с.
2. Штоф В. А. Введение в методологию научного познания: учебное пособие. Ленинград : ЛГУ, 1972. 191 с.
3. Алексеев Н. Г. Конструктивно-инновационный смысл методологии // Кентавр. 1996. № 2. С. 22–24.
4. Гурова Т. В. Актуальные проблемы теории источников права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 24 с.
5. Кузнецов М. В. Преемственность, единство, минимизация знания – фундаментальные черты научного метода // Материалистическая диалектика и методы естественных наук : сборник статей. М. : Наука, 1968. 608 с.
6. Лукич Р. Методология права. М. : Прогресс, 1981. 304 с.
7. Ельчанинова О. Ю. Источники русского права XVII века в отечественной историко-правовой доктрине (историографическое исследование) : монография. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. 134 с.
8. Ельчанинова О. Ю. Дореволюционная правовая доктрина о критериях универсальности, конкретности и классификационной структуры понятия «источник права» // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 47–52.
9. Ельчанинова О. Ю. Источники русского права XVII века : проблемы дефиниции и классификации // Юридические исследования. 2015. № 4. С. 66–119.
10. Ельчанинова О. Ю. Специфика применения формулярного анализа при исследовании правовой природы русских грамот XVII века // Право и политика. 2016. № 5. С. 642–648.

11. Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.

12. Кодан С. В. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 297–308.

© Ельчанинова О. Ю.

УДК 321.01:340.12

В. К. САМИГУЛЛИН, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

V. K. SAMIGULLIN, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Ufa)

О СВЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПРАВОМ

ON THE BINDING OF THE STATE BY LAW

Аннотация. Исходя из того, что в своей первосудности право – мера свободы, обремененная ответственностью, искусством добра и справедливости, автор полагает, что идея правового государства имеет право на существование и осуществление. Однако мысль о том, что у нее нет никакой альтернативы, на взгляд автора, может быть поставлена под сомнение, так как на самом деле существует целый ряд концепций, которые вполне могут составить ей конкуренцию. Автором также ставится под вопрос и идея о том, что уже в обозримом будущем все государства должны стать правовыми на том основании, что развитие социума, взятое в мировом и национальном измерениях, идет неравномерно. Понятие «государство» и «реальные государства» – это вовсе не одно и то же. Социальная практика такова, что идея правового государства на деле нередко извращается: тиражируются бюрократические и технократические структуры, формируются бесчеловечные режимы и системы управления. Главная цель развития общества и его государственности не правовое государство, а обеспечение в рамках всеобщего движения счастливой жизни всякому и каждому. Этому благоприятствует то развитие общества и его государственности, которое ориентируется на ценности, принципы и нормы гуманистического права и разумного государства.

Ключевые слова и словосочетания: право, государство, правовое государство, альтернатива, правосудие, гуманистическое право, разумное государство.

Annotation. Proceeding from the fact that, in its primacy, law is a measure of freedom burdened with responsibility, the art of goodness and justice, the author believes that the idea of a rule of law has the right to exist and be implemented. However, the idea that it has no alternative, in the author's opinion, can be questioned, since in fact there are a number of concepts that may well compete with it. The author also questions the idea that in the foreseeable future all states should become legal on the grounds that the development of society, taken in global and national dimensions, is uneven. The concept of "state" and "real states" is not the same thing at all. Social practice is such that the idea of the rule of law is often distorted in practice: bureaucratic and technocratic structures are replicated, inhuman regimes and management systems are formed. The main goal of the development of society and its statehood is not a rule-of-law state, but ensuring a happy life for everyone and everyone within the framework of the universal movement. This is favored by the develop-

ment of society and its statehood, which is guided by the values, principles and norms of humanistic law and a reasonable state.

Keywords and phrases: *law, state, legal state, alternative, justice, humanistic law, reasonable state.*

Право – мера свободы, обремененная ответственностью. Вместе с тем право – искусство, культура, наука добра и справедливости. В этих своих качествах оно (право), связывая государство, ограничивая властную деятельность государственных и муниципальных служащих, чиновников прочувственными и продуманными правовыми нормами (актами), способно умерить чрезмерные властные амбиции различного свойства. Отдельными авторами идея связанности государства правом, равно как и идея о правовом государстве, ставится под сомнение. Так, С. Б. Поляков считает, что связанность государства правом – фикция, т. е. заведомо ложное положение, на котором строится доказательство, как на истинном положении. Следовательно, фикция не может быть доводом [1]. Этот автор убежден, что «... не может быть в природе человеческого общества надежных гарантий против произвола властей, не может быть связанности государства правом, точно так же, как не может быть вечного двигателя, волшебной палочки и прочих чудес, как бы нам их не хотелось» [1, с. 39]. А Евгений Брониславович Пашуканис (1891–1937) писал: «Правовое государство – это мираж, но мираж весьма удобный для буржуазии, потому что он заменяет выветрившуюся религиозную идеологию, он заслоняет от масс факт господства буржуазии. Идеология правового государства удобней религиозной еще и потому, что она, не отражая полностью объективной действительности, все же опирается на нее. Власть, как «общая воля», как «власть права», поскольку реализуется в буржуазном обществе, поскольку последнее представляет собой рынок. С этой точки зрения и полицейский устав может выступать как воплощение идеи Канта о свободе, ограниченной свободой другого» [2, с. 9]. Заметим, конечно, полицейское государство – это не правовое государство. Но оно все же луч-

ше, чем то государство, в котором процветают субъективизм, волюнтаризм, произвол. Некоторые авторы полагают, что наиболее приемлемой концепцией надежного и эффективного решения этого вопроса является осуществление учения о формировании правового государства. Более того, на их взгляд, никакой альтернативы этому учению нет.

На самом же деле, существует множество учений о праве и государстве: божественное (теологическое) учение о праве и государстве; теория связанности государства учредительной властью; концепция народного суверенитета; учение о самоограничении власти; концепции о господстве права, верховенстве закона, конституционном государстве, правах и свободах человека; учения о государстве правды, нравственном государстве, разумном государстве, полицейском государстве и т. д. Все они вместе и в отдельности, образуя альтернативы теории правового государства, с теми или иными нюансами говорят о необходимости и важности связанности государства правом и об ограничении публичной власти правовыми способами и средствами.

Альтернативой концепции правового государства являются и государства народной демократии, а также Советская власть, в основе которой учение о диктатуре пролетариата – «полугосударстве», противоположном государствам диктатуры буржуазии. В Послании Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию, озвученному 21 апреля 2021 г., не сказано ни слова о правовом государстве. А вот в Политическом отчете Председателя КПрФ Геннадия Андреевича Зюганова XVIII съезду КПрФ, состоявшемуся 24 апреля 2021 г., ясно проведена мысль о том, что партия борется за социализм; добро, правду, справедливость; возрождение Советской власти и Союза ССР на всем постсоветском пространстве.

Но в этом учении отношение к праву, нередко отождествляемому любым законам, иной раз даже партийным директивам, противоречивое. Впрочем, вполне можно вести речь о партийном праве. Но оно значимо не для всякого и каждого, а, требуя партийной дисциплины и организованности, лишь для членов соответствующей партии. Не до конца прояснен здесь и вопрос о соотношении законности, целесообразности и справедливости; развития, дисциплины и порядка. Известной альтернативой концепции правового государства является и идея о социалистическом правовом государстве, но она у нас, в России, не получив должной поддержки, пришла в состояние застоя [3, с. 29].

Сергей Сергеевич Алексеев (1924 – 2013), известный ученый-юрист, активный поборник перестройки, писал: «Да, перестройка не может не состояться. Она обязательно состоится. Конечные цели и идеалы социализма непременно победят. Но все это произойдет, если будет создано социалистическое правовое государство!» [3; 4; 5, с. 175]. Вместе с тем он высказывал и опасение, что идею социалистического правового государства могут «заговорить», превратить в расхожую фразу, что в прошлом случилось с прекрасной по своей сути формулой о правовой основе государственной и общественной жизни [3, с. 4].

Хотя альтернатив концепции правового государства много, в современном мире, особенно в европейских странах, приверженных романо-германской правовой системе, концепция правового государства является наиболее популярной. А само правовое государство оценивается как демократический институт гражданского общества, развивающийся в традициях свободы и демократии. Рассуждая о социальном развитии, часто заводят речь о гражданском обществе и правовом государстве. При этом утверждают, что без гражданского общества нет правового государства, а без правового государства – гражданского общества. При таком подходе вольно или невольно общество и государство оказываются противопоставленными друг к другу. И в основе этого все еще преобладают

ций в общественном сознании взгляд, по которому государство – аппарат, организация, состоящая из государственных служащих, чиновников, слабо контролируемых народом. Отсюда – ожидания народа, что не сам народ должен предпринимать меры в направлении удовлетворения своих все возрастающих потребностей, а государство. Между тем, если принять логику, что государство – это совокупность граждан, то напрашивается мысль, что гражданское общество и есть государство, которое призвано решать злободневные задачи (ближние, средние и дальние) в соответствии с тем правом, которое общество само же и выработало, используя приемлемые правовые формы, методы и средства.

Согласно мнению кандидата философских наук Д. Г. Давлетшиной, «понятие «государственность» значительно шире и содержательней, чем понятие права. Оно отражает политическое своеобразие и духовно-культурную особенность прежде всего таких социальных феноменов, как государство и право, созданных и органично развивающихся в рамках известного общества, его духовно-культурного, социально-психического уклада. И, следовательно, конкретное государство институционально оформляется и развивается именно на данном фундаменте, представляя свой особый вид государства по форме, а также по содержанию. Данный идеал имеет универсальный характер; в результате оказывается, что практически не может существовать иной модели правового государства, которая бы не воспроизводила западноевропейскую логику формирования государства» [6, с. 4]. Если основательно вдуматься в этот текст, то можно понять, что понятие «государство» необходимо отличать от конкретных государств. Каждое конкретное государство является особым видом государства по содержанию и по форме. Следовательно, правовое государство тоже особая модель государства, которая характерна преимущественно для Западной Европы. Этот подход принципиально отличается от представлений тех авторов, которые рассматривают правовое государство в качестве особого типа государства, который

как будто является целью развития общества. С их точки зрения, в перспективе все государства должны стать правовыми уже в обозримом будущем.

Однако на данном этапе исторического развития человеческого общества это трудноразрешимая задача, так как в воплощении идеи правового государства наблюдаются несколько тенденций. Так, Ю. А. Тихомиров, известный ученый-юрист мирового уровня, отмечает, что в скандинавских странах, а также в Германии и во Франции, имеет место быть устойчивое эволюционное развитие и осуществление принципов правового государства. Вместе с тем в России и в некоторых постсоциалистических странах наблюдается «вялотекущее» развитие в том смысле, что после декларирования международных и конституционных принципов элементы правового государства развиваются медленно и противоречиво. Кроме того, во многих странах Азии внешнее признание принципов правового государства причудливо сочетается с религиозными принципами и нормами. Неравномерное развитие отдельных институтов правового государства при их чисто внешнем оформлении зачастую сопряжено с устойчивым отчуждением граждан от права. Кризисные явления и процессы часто ведут к тому, что принципы и институты правового государства утрачивают свое значение и заменяются силовыми или диктаторскими методами управления [7, с. 114–115].

Не исключено, что со временем будет выработана новая концепция, в которой совсем по-другому, чем сегодня, будет рассматриваться и решаться вопрос о роли права в отношении развития государства. Во всяком случае, сегодня, несмотря на все метаморфозы, все более влиятельным фактором социального развития становится международное право, основные источники которого не закон и указ, а обычай и договор. И здесь все более усиливается понимание того, что к решению вопросов социального развития необходимо подходить, по меньшей мере, с двух сторон. С одной стороны, с точки зрения самооценности человека как природного и социального феномена. А с другой – с по-

зиции того, что «общим домом» для всех и каждого является не одна только Европа или Азия, или Евразия, Америка, или Африка, или Австралия, а вся Земля как единственная планета Солнечной системы, где только и существуют благоприятные условия для жизни разумных существ – людей.

Мы считаем, что право получает наиболее полное воплощение в правосудии. Независимые, грамотные, справедливые, авторитетные, совестливые судьи способны надежно и эффективно умерить не только неразумных лиц и корпорации, но государства, ведущие себя агрессивно. Показателен Нюрнбергский процесс, где в соответствии с Уставом Международного (Нюрнбергского) военного трибунала был осужден фашизм (национал-социализм) и главные военные преступники европейских стран оси были приговорены к суровым мерам наказания. Вместе с тем, если несколько изменить взгляд на правосудие, то судьи могли бы не только наказывать провинившихся. А могли бы еще в некоторых исключительных случаях решать вопрос о поощрении тех, кто проявил себя в социальном развитии общества и его государственности положительно в том смысле, что выходит за пределы правомерного поведения в обычном его понимании.

Следовательно, чтобы государство как совокупность граждан действительно обеспечивало развитие человека и общества, надо бы не только развивать институты представительной (парламенты) и исполнительной власти (правительства), а нужно еще всемерно совершенствовать структуры правоохраны и правозащиты, возвышать справедливую судебную власть. Так, при всей важности институтов представительной власти и структур исполнительной власти едва ли правильно рассматривать их в одном ряду с судебной властью. Обобщая, она (судебная власть) выше и важнее их. По профессору Евгению Викторовичу Колесникову, «правовое государство – это по ряду смыслов «государство судей и адвокатов». «Однако, по его мнению, оно будет реальностью только в условиях многоукладной и эффективной рыночной экономики с ярко выра-

женной социальной направленностью. При этом существование зрелого гражданского общества и соблюдение конституционных и законодательных норм государственными и общественными институтами, гражданами – неперемные условия демократической правовой государственности» [8, с. 28–29].

Заслуживает внимания мысль, согласно которой слово «государство» производно от слова «суд». Заметим, если следовать древним текстам, то во главе первичных общин были вовсе не военные предводители, а старейшины, исполнявшие функции судей. У тюркских народов (например, у казахов) бии (беи) – это судьи (Не смешивать со словом «баи», что значит богатые, состоятельные люди). Причем, не назначаемые и не избираемые, а становящиеся таковыми в силу своих знаний, жизненного опыта, авторитета, ума и совестливости, мудрости.

Идея о необходимости развития в мировом масштабе и в разрезе отдельных стран гуманистического права и разумного государства, для которых (и для права, и для государства) нет выше цели, чем человек, и обеспечение безопасной и счастливой жизни всех людей на благодатной Земле до тех пор, пока она существует. В этом случае интересы отдельных национальных государств, не выходящие за пределы разумного, сохраняют свое значение, но кое в чем, не исключено, уйдут уже на второй и даже на третий план. Идея правового государства, которая, разумеется, имеет право на существование и осуществление, на практике нередко извращается: тиражируются бюрократические и технократические структуры, формируются бесчеловечные режимы и системы управления. Главная цель развития общества и его государственности – обеспечение в рамках нескончаемого всеобщего движения счастливой жизни всякому и каждому, а не правовое государство. Причем,

хотелось бы отметить, правовое государство вовсе не то государство, в котором никогда не нарушаются права и свободы человека и гражданина. На самом деле права и свободы, получившие закрепление в законодательстве, нарушаются регулярно. Например, работодателем, работниками торговой сферы. Правовое государство – то государство, где созданы механизмы восстановления нарушенных права и свобод. Иначе говоря, правовое государство – это то государство, в котором наряду с механизмами праворегуляции и правоохраны надежно и эффективно действует еще особый правозащитный регулятивный механизм.

Чрезвычайно актуализируется тема гражданина мира. Ведь, если основательно вдуматься, совокупность зрелых, добродетельных, социально активных граждан мира, озабоченных не только обустройством своей страны, а еще благополучным развитием жизни на Земле в целом, и образуют настоящее государство, взятое в мировом и национальном разрезе. С этой точки зрения исключительно интересна мысль философа права И. А. Ильина (1882 или 1883–1954): «Государство не есть какая-то отвлеченность, носящаяся над гражданами; или какой-то «я-вас-всех-давишь», вроде сказочного медведя, который садится на жителей домика и передавливает всех. Государство не «там где-то» вне нас (правительство, полиция, армия, налоговое ведомство, чиновничий аппарат); нет, оно живет в нас, в виде нас самих, ибо мы, живые человеческие личности, мы есьми его «части», или «члены», или «органы». В государство включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или наоборот разрушают его) – все свободные, частно-инициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан» [9, с. 40–41].

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков С. Б. Принципы законодательства Бентама против миража правового государства. Пермь, 1993.
2. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 2-е изд. М. : Коммунистическая академия, 1927.

3. Алексеев С. С. Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. М. : Юрид. лит., 1988.
4. Лазарев Б. М. Что такое правовое государство? М. : Знание, 1990.
5. Малицкий А. Советская Конституция. Харьков, 1925.
4. Давлетшина Д. Г. Социально-философский анализ права и государства : монография. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2011.
5. Тихомиров Ю. А. Государство : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
6. Колесников Е. В. Конституция Российской Федерации и становление правового государства: некоторые вопросы теории. // Ленинградский юридический журнал, 2014. № 2 (36). С. 28–29.
7. Ильин И. А. Об органическом понимании государства и демократии. В кн.: Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993.

© Самигуллин В. К.

УДК 321.01:330.35(430)

А. Н. ШАЛАМОВА, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск)

A. N. SHALAMOVA, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ ЭРХАРДА О СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

IMPLEMENTATION OF ERHARD'S IDEAS ABOUT THE SOCIAL STATE

Аннотация. Проблематика строительства в России социально ориентированной экономики, основанной на свободном рынке и конкуренции, в современный период крайне актуальна, и ее разработка выступает необходимым фактором устойчивого роста экономики и построения социального государства. Цель исследования состоит в анализе модели наиболее эффективного использования трудовых ресурсов, в частности, и человеческого капитала в целом. Задачи проведенной работы предполагают: исследование факторов, способных реализовать на практике идею социально ориентированного государства, а также анализ немецкой модели социально ориентированной экономики и применение в России теоретических наработок Л. Эрхарда. Методологическим базисом работы выступает системный и структурный методы, а также метод компаративистики. Анализируя немецкую модель социального государства, автор не отступал от принципов научной объективности и историзма.

Ключевые слова и словосочетания: социально ориентированная экономика, социальное государство, модернизация, демократизация, конкуренция, монополизм, права и свободы личности.

Annotation. The problems of building a socially oriented economy in Russia based on a free market and competition are extremely relevant in the modern period and its development is a necessary factor for sustainable economic growth and the construction of a welfare state. The purpose of the study is to analyze the model of the most efficient use of labor resources in particular, and human capital in general. The objectives of the work suggest: the study of factors capable of putting into practice the idea of a socially oriented state, as well

as the analysis of the German model of a socially oriented economy and the application in Russia of L. Erhard's theoretical developments. The methodological basis of the work is the system and structural methods, as well as the method of comparative studies. Analyzing the German model of the welfare state, the author did not deviate from the principles of scientific objectivity and historicism.

Keywords and phrases: *socially oriented economy, welfare state, modernization, democratization, competition, monopolism, individual rights and freedoms.*

Проблематика строительства в России социально ориентированной экономики, основанной на свободном рынке и конкуренции, в современный период крайне актуальна и ее разработка выступает необходимым фактором устойчивого роста экономики и общего благосостояния граждан. В современной России вот уже несколько десятилетий существует социальный запрос у населения на реализацию принципа социальной справедливости, который выражен в стремлении достичь минимально достойного уровня жизни населения [1, с. 345–366]. Стоит подчеркнуть, что без внедрения справедливого механизма распределения материальных благ между всеми гражданами России устойчивый рост экономики, развитие предпринимательской сферы, образовательного и научного кластера и т. д. в целом невозможны [2, с. 119]. В настоящее время можно констатировать, что существующий в России капитализм еще молод и находится на стадии первичного накопления капитала, он социально не ориентирован, а бизнес, в том числе и государственные корпорации, оторван от остальных граждан. В настоящее время ни государство, ни гражданское общество не осуществляет каких-либо внятных мер по выравниванию доходов населения, а данные о средних зарплатах по регионам не коррелируются с реальной действительностью.

Ведя речь об отсутствии социально ориентированной экономики в России необходимо понимать, что кроме стремления поднять уровень жизни населения существует насущная потребность в мощном поступательном экономическом развитии. Реализации указанных целей в равной мере препятствуют монополизм, костная правовая система, карательное правосудие, предвзятость и коррупционность проверяющих ве-

домств, мешающих ведению бизнеса, низкий кадровый потенциал [3, с. 34–37]. Стоит признать, что последняя составляющая выступает индикатором отсутствия возможности технологического прорыва в экономической сфере. В частности, модернизация экономики и государственного управления невозможна, если отсутствует квалифицированный работник нового типа и социально ориентированный предприниматель [4, с. 39–47]. Не разработанность механизмов, повышающих качество человеческого капитала, не позволяет развить необходимые компетенции и обеспечить конкурентные преимущества компаний, а низкое правосознание, вызванное бедностью населения и коррупцией должностных лиц, не дает возможности повысить этическую составляющую кадровых ресурсов [5, с. 63–68]. На фоне социального запроса связанного с социально ориентированной экономической политикой, остро стоит вопрос достижения консенсуса между различными социальными группами российского общества. Именно это состояние общественного согласия и должно обеспечить государство, стремящееся реализовать принцип социальной солидарности [6, с. 20–31].

На современном этапе в России благосостояние для всех не достигнуто. Мало того, установленный правительством минимальный размер оплаты труда вызывает крайнюю озабоченность. Несмотря на долгие десятилетия разгосударствления бизнеса, государство все еще выступает самым крупным работодателем, задавая «тон» низким зарплатам [7, с. 116–121]. Ориентируясь на оплату наемных работников госсектора, частный бизнес также не торопится ее повышать. В результате этого разрыв между богатыми и бедными в России увеличивается с каждым годом [8, с. 115]. В связи с

неэффективностью социальной политики государства в российском обществе ширится недовольство и протестные настроения. В свою очередь государство вместо того, чтобы упорядочить бюджетные расходы, побороть коррупцию и усилить сферу социального обеспечения, перекладывает обязанность по социальной защите на гражданское общество, и тезис «государство вам ничего не должно» все чаще звучит из уст должностных лиц [9, с. 39–45].

По нашему мнению, на сегодняшний день наиважнейшими задачами, которые способны стабилизировать общество и снизить степень его имущественного расслоения, выступают: улучшение системы хозяйствования, экономическая диверсификация, модернизация экономики параллельно с повышением ее конкурентоспособности [10, с. 248–254]. Все это будет способствовать достижению указанных задач, одновременно изменив парадигму развития основополагающих экономических институтов и социальную сферу российского общества.

Осуществляя попытку проанализировать проблематику общественного согласия и социально ориентированной экономики, нам трудно обойтись без фундаментальных исследований зарубежных экономистов, в частности трудов Л. Эрхарда. Указанный автор, формулируя тезис о возможности построения социального рыночного хозяйства, пытался совместить на первый взгляд разнопорядковые явления – свободный рынок и достойную жизнь для каждого [11].

Цель исследования заключается в анализе модели наиболее эффективного использования трудовых ресурсов, в частности, и человеческого капитала в целом на фоне модернизации экономики и попытке найти точки соприкосновения между государством, бизнесом и гражданским обществом [12, с. 257–262].

Концептуальной основой трудов Л. Эрхарда выступили идеи М. Вебера, А. Смита, Ф. Хайека и других видных экономистов. Особо стоит выделить взгляды Ф. Хайека, полагавшего частную собственность одной из основных составляющих концепции не-

отъемлемых прав и свобод человека и гражданина. Мало того, указанный мыслитель полагал в праве частной собственности некую социальную направленность и имманентную обязанность собственника перед обществом [13].

Сущность идей Л. Эрхарда берет свое начало из неолиберального учения Фрайбургской школы экономики, основанной в середине 1930-х гг. Указанный ученый, пользуясь достижениями В. Ойкена, Ф. Бема, В. Репке, А. Рюстова и др., развил собственную концепцию государства всеобщего благоденствия. В частности, труды В. Ойкена вывели формулу конкурентного порядка, который включал в себя трансформацию текущей экономики к такой экономической модели, когда государство учреждает лишь институциональный базис и правовое регулирование экономической деятельности. Основной функцией государства, по В. Ойкену, является конструирование особой экономической среды, где будут доминировать принципы конкуренции и борьбы с монополиями. В свою очередь, А. Рюстов анализировал проблематику конкуренции в экономике свободного рынка, связывая ее несовершенство с управленческими ошибками государственных органов, ответственных за указанное направление. Основную задачу государства А. Рюстов видел в осуществлении активных мероприятий в экономической сфере [14]. Ученый активно ищет «золотую середину», которая позволит избежать и дикого капитализма, и планово-административной экономики. В итоге А. Рюстов сформулировал тезис о необходимости претворения в жизнь принципов социально ориентированной рыночной экономики, которые и стал впоследствии разрабатывать Л. Эрхард.

В конце 1940-х гг. доктрина Л. Эрхарда была позитивно воспринята политическим руководством ФРГ и легла в основе программы социально-экономических преобразований, которая должна была повлиять на политическую структуру общества, создав предпосылки для его демократизации. Концептуальным базисом идеи трансформации

авторитаризма в демократию становится учреждение институтов новой социально-экономической системы, несшей в себе принципы социального рынка [15, с. 49–58]. Кроме того, указанные реформы предусматривали и изменение правосознания граждан, переосмысление принципов рыночной экономики. Стоит отметить, что центральной идеей программы Л. Эрхарда стала концепция свободной конкуренции. Воплощение в жизнь идей указанного экономиста повлекло институциональную реорганизацию промышленности и создание нормативной базы, существенно ограничивающей монополизацию экономики. Для малого и среднего бизнеса были выстроены механизмы их поощрения, что активно повлияло на создание масштабной конкурентной среды. В сфере экспорта также были заметные сдвиги, а его стимулирование увеличило объем вывозимой за рубеж готовой продукции до 80 % [16, с. 319].

В идеях Л. Эрхарда четко прослеживается тенденция ответственности государства в сфере экономической политики и обязанности государственных органов организовать равенство возможностей для всех субъектов экономических правоотношений. Доктрина Л. Эрхарда способствовала и повышению эффективности налоговой политики посредством поощрения предпринимательской деятельности. Экономист планомерно отстаивал тезис о том, что бизнес обладает правами требовать от государства исключить чрезмерное вмешательство в область свободы предпринимательской деятельности, а налоговые сборы не должны препятствовать предпринимателям осуществлять экономическую деятельность [16, с. 153].

В русле реализации программы Л. Эрхарда стали учреждаться органы самоуправления на предприятиях, где широко использовался принцип социальной солидарности, посредством привлечения наемных работников к управлению предприятием и получения корпоративной прибыли. Эти процессы создавали предпосылки для заинтересованности работников в результатах своего тру-

да и мотивировали их на дальнейшее совершенствование своих умений и навыков в трудовой деятельности. Нормативно было закреплено право голоса рабочих в наблюдательных советах и органах управления предприятий. В сфере социальной ориентированности бизнеса были приняты меры по социальному обеспечению, социальному страхованию и государственному регулированию трудовых правоотношений. Поэтапно формировалось общество, функционирующее на принципах справедливости и социальной солидарности. Безусловно, противоречия в обществе сохранялись, но основополагающий инструментальный социальный сотрудничества разнородных социальных групп позволил установить баланс интересов всех слоев общества. Кроме того, были созданы условия для претворения в жизнь политики социального рыночного хозяйства, где государство выступало в роли независимого арбитра при разрешении социальных противоречий.

Результатом указанных реформ стала возросшая покупательная способность большей части населения, а масштабный спрос создавал предпосылки для развития национальной экономики в целом и бизнеса в частности. В экономических реформах Л. Эрхарда пристальное внимание уделялось продвижению идеи открытого общества. В итоге спустя десятилетие в ФРГ были решены социальные проблемы, а страна вошла в число наиболее экономически развитых государств мира [17]. Примечательно, что бытовавший в то время термин «немецкое экономическое чудо» был не лишен оснований, так как в ФРГ среднегодовые темпы промышленного производства были примерно равны 10 %, а показатель уровня розничных цен был более чем на 10 % ниже дореформенного периода [16, с. 35].

В заключение необходимо отметить, что в XIX столетии концепция социально ориентированного государства Л. Эрхарда была положительно воспринята многими государствами Европы. В странах такого типа социальная защита развита настолько, что на нее расходуется более четверти ВВП. К

примеру, шведская экономическая модель демонстрирует стабильную экономику и уверенный рост ВВП в результате того, что в стране существует социально ориентированная экономика. Примечательно, что немецкий опыт социально ориентированного государства был положительно воспринят Норвегией, Швейцарией, Австралией, Финляндией, Новой Зеландией и др. В этих стра-

нах существуют хорошие условия для ведения предпринимательской деятельности, качество продуктов очень хорошее, есть институт льготного кредитования для получения образования [18]. Все это обеспечивает высокую горизонтальную и вертикальную мобильность населения, стабильный экономический рост и общее благосостояние населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 345–366.
2. Резник Ю. М. Социальная проблема как единица теоретического анализа и предмет деятельности социального государства (онтологический подход) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 3. 2019. С. 114–125.
3. Васильев А. М., Скаян С. М. Коррупция как составная часть преступности и ее криминологические особенности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3). С. 34–37.
4. Шаламова А. Н. Правовое регулирование социальной сферы как путь утверждения социальной государственности (на примере Республики Казахстан) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 39–47.
5. Грошев С. Н. Собственность и общественное разделение труда // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 63–68.
6. Шаламова А. Н. Правовая политика в социальной сфере // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 20–31.
7. Мосина С. В., Пермьяков А. Л. Некоторые особенности расследования незаконного предпринимательства // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3). С. 116–121.
8. Быстренко В. И., Ярославцев В. Г. Российская модель социального государства : основные черты и перспективы социально-экономического развития // ЦИТИСЭ. 2019. № 5 (22). С. 110–117.
9. Шаламова А. Н., Нарышкин П. А. Роль общественного контроля и его институтов в механизме противодействия коррупции // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 39–45.
10. Буньковский Д. В. Проект в промышленном предпринимательстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (2). С. 248–254.
11. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи / перевод с нем. М. : Наука, 1988. 603 с.
12. Ларионова Е. Ю. Моделирование как метод научного познания : часть I. Философские и исторические аспекты формирования физической картины мира // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 257–262.
13. Hayek F. A. Individualismus und wirtschaftliche Ordnung. Erlenbach-Zuerich, 1952.
14. Ruestow A. Die Kehrseite des Wirtschaftswunders. Hamburg, 1961. 313 p.
15. Васильева Н. В., Праскова С. В., Пятковская Ю. В. К вопросу о значении конституционного закрепления принципа свободы предпринимательской деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 49–58.
16. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М. : Дело, 2001. 332 с.
17. Lampert H. Die Wirtschafts und Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland. Munchen, 1990.
18. Нуреев Р. М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). М. : КноРус, 2017. 709 с.

УДК [347.451.031.2+347.763.3]-032.32(470)

А. Н. КУЛЕШОВА, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва)

A. N. KULESHOVA, adjunct of the faculty of training scientific-pedagogical and scientific personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow)

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРА
ПО ПЕРЕДАЧЕ НЕФТИ В СОБСТВЕННОСТЬ
С УСЛОВИЕМ О ЕЕ ТРАНСПОРТИРОВКЕ**

**PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE
OF AN AGREEMENT ON THE TRANSFER OF OIL TO OWNERSHIP
WITH THE CONDITION OF ITS TRANSPORTATION**

Аннотация. В статье исследована правовая природа трансформированных договорных отношений в сфере поставки и транспортировки нефти, изучены проблемы гражданского законодательства относительно отсутствия единого договора, регулирующего передачу товара (нефти) в собственность покупателю с последующей транспортировкой через присоединенную сеть. Представлены соответствующие выводы о необходимости использования смешанного договора и принятии отдельного правового акта, регулирующего данные отношения, а также о необходимости усилить положения ГК РФ о публичном договоре.

Ключевые слова и словосочетания: договор, правовая природа, договор передачи нефти, правовое регулирование, договор поставки, договор транспортировки, договор энергоснабжения.

Annotation. The article examines the legal nature of the transformed contractual relations in the field of oil supply and transportation, studies the problems of civil legislation regarding the absence of a single agreement regulating the transfer of goods (oil) into the ownership of the buyer with subsequent transportation through the connected network. Relevant conclusions are presented on the need to use a mixed contract and the adoption of a separate legal act regulating these relations, as well as on the need to strengthen the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on a public contract.

Keywords and phrases: contract, legal nature, oil transfer contract, legal regulation, supply contract, transportation contract, energy supply contract.

Трансформация договорных отношений в сфере поставки и транспортировки нефти, вызванная изменениями гражданского оборота, порождает необходимость исследования правовой природы возникших договорных отношений, а также изучение проблем, связанных с отсутствием в гражданском за-

конодательстве единого договора, имеющего своим предметом передачу товара (нефти) в собственность покупателю с условием ее транспортировки в место назначения через присоединенную сеть.

В СССР во времена плановой экономики отношения по обороту нефти и нефтепро-

дуктов основывались на последовательных договорах, в которых производственные объединения выполняли функции добычи, транспортировки и поставки нефти и нефтепродуктов. После распада Советского Союза данные положения были упразднены и на их смену пришло рыночное регулирование. В связи с этим Президентом РФ было принято решение приватизировать нефтегазовую сферу [1], а Правительство РФ учредило акционерную компанию по транспорту нефти «Транснефть» [2]. В результате таких преобразований произошли изменения законодательства, появился новый, ранее неизвестный договор транспортировки нефти по магистральному трубопроводу, а в процессе приватизации образовались новые субъекты – частные нефтедобывающие компании. В итоге компании приобрели гражданско-правовую самостоятельность, а в законодательстве отношения по снабжению нефтью стали регулироваться договором поставки и договором об оказании услуг по транспортировке нефти.

Однако данная модель имеет и свои недостатки, например, как правильно отмечает Е. А. Гаврилина, даже при наличии у производителя заключенного договора поставки нефти не гарантирует его транспортировку. Таким образом, ставится под вопрос непрерывность поставок и доступность рынка сбыта [3, с. 136].

На практике и в суде отношения по транспортировке трубопроводным транспортом и поставке нефти и нефтепродуктов различаются. Однако и в одном, и в другом договоре может участвовать в качестве третьей стороны транспортная организация. Гражданский кодекс Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ) с свою очередь такие отношения регламентирует посредством договора энергоснабжения (ст. 548). Полагаем такой подход небезупречным.

По проблеме о возможности использовать различные договорные конструкции при регулировании отношений по передаче в собственность с одновременной транспортировкой нефти через присоединенную сеть

в доктрине высказываются противоречивые мнения.

Одни авторы полагают, что существующие в ГК РФ виды договоров не могут решить проблему поставки и транспортировки нефти, поэтому необходимо внести отдельный параграф в ГК РФ, посвященный поставке нефти и нефтепродуктов [5, с. 65; 6, с. 88]. Другие авторы относят данные отношения к договорам энергоснабжения и считают правильным применять к ним параграф 6 гл. 30 ГК РФ [7, с. 586; 8, с. 164]. Законодатель, в свою очередь, идет по пути создания отдельных федеральных законов по транспортировке нефти и нефтепродуктов (проект Федерального закона «Об обороте нефти и нефтепродуктов в Российской Федерации», «О магистральном трубопроводном транспорте нефти и нефтепродуктов, а также о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Об особенностях оборота нефти и нефтепродуктов в Российской Федерации», «О добыче, переработке и транспортировке по магистральным трубопроводам нефти и продуктов ее переработки») [9; 10], однако при этом правовая природа возникающих правоотношений не определяется. Такой подход негативно отражается и на правоприменительной деятельности, что в свою очередь является основанием для нарушения сроков поставки и транспортировки нефти и, по сути, не защищает контрагентов договорных отношений.

Для того, чтобы разработать новый вид договора и внести отдельный параграф в ГК РФ, необходим основной квалифицирующий признак, позволяющий отграничить новый договор от существующих, который приобрел бы правовое значение. Если мы говорим о новом виде договора, то он должен отличаться по предмету от других договоров, то есть иметь в основе иное обязательство, чем передача товара в собственность. Однако нефть, как и нефтепродукты, передаются по данному договору в собственность. То есть различий в предмете нет. Если вносить такие изменения в главу ГК РФ, посвященную купле-продаже (именно там находятся

договоры поставки и энергоснабжения), то необходимо указать на специфику нового договора, отличающего его от существующих (здесь мы говорим не о новом виде, а о новом типе договора). Но в отношении по транспортировке нефти и нефтепродуктов его нет, таким образом, внести в ГК РФ специальный параграф представляется нецелесообразным, несмотря на такой специфический товар, как нефть и нефтепродукт. Полагаем, что, учитывая положения действующего гражданского законодательства о свободе договора и возможности заключения смешанных договоров, необходимо договор по передаче нефти в собственность с оказанием услуг по транспортировке рассматривать как смешанный. Предметом такого договора являются как отношения, направленные на передачу товара (нефти) в собственность, так и отношения, связанные с транспортировкой через присоединенную сеть. Также считаем, что в данном случае необходимо создать отдельный Федеральный закон, регулирующий отношения в полной мере и комплексно.

Если рассматривать вторую точку зрения, то можно сделать вывод, что относить договор поставки нефти и нефтепродуктов к договору энергоснабжения невозможно из-за ряда условий, например, договор поставки нефти и нефтепродуктов будет публичным, что в свою очередь поставит под вопрос рыночную стратегию, действующую в Российской Федерации (Энергетическую стратегию до 2035 года [11]), так как не будет конкуренции и тем самым произойдет ограничение гражданских прав независимых поставщиков нефти.

Таким образом, договор поставки нефти и нефтепродуктов нельзя соотносить с договором энергоснабжения, где покупателям нефти предоставляется больше гарантий, так как это публичный договор, в связи с чем будет происходить ущемление прав других субъектов, а именно поставщиков нефти, которые не занимают доминирующее положение по отношению к покупателям.

Кроме того, рынок нефти и нефтепродуктов является олигопольным, где крупные не-

фтекомпании занимают лидирующие положения и имеют наибольшую долю в обороте нефти и нефтепродуктов, в связи с чем более мелкие компании не могут в полном объеме реализовывать свои гражданские права, так как затруднен доступ к рынкам нефти и нефтепродуктам. Безусловно антимонопольное законодательство, направленное на защиту покупателей нефти и нефтепродуктов от злоупотреблений со стороны компаний, занимающих доминирующее положение, существует в России. Например, Федеральный закон «О защите конкуренции» [12], однако, несмотря на это, на практике трудно доказать факт злоупотребления таким правом, в связи с чем возникает ущемление в правах.

Федеральным законом РФ от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» [13] регулируется деятельность субъектов естественной монополии в разных сферах, в том числе и по транспортировке нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам. В связи с этим возникает вопрос: почему же возникают такие монополии? Это объясняется тем, что создавать каждому участнику предпринимательской деятельности свой собственный трубопровод для транспортировки нефти и нефтепродуктов не выгодно по объективным и субъективным причинам [14, с. 137], поэтому существует один трубопровод, через который можно транспортировать нефть и нефтепродукты. Более того, в ст. 3 вышеуказанного закона сказано, что эффективнее удовлетворять спрос на этом рынке при отсутствии конкуренции в силу технологических особенностей производства (так называемый критерий эффективности удовлетворения спроса). Как отмечает А. Я. Рыденков, такой подход не носит юридический характер, а является отсылкой к экономическим категориям, и с правовой точки зрения нет подтверждений того, что он подходит к указанным в п. 1 ст. 4 ФЗ «О естественных монополиях» сферам деятельности [15, с. 65].

Безусловно, в отношении по транспортировке нефти и нефтепродуктов по магистральному трубопроводу есть отличительные особенности по заключению такого

рода договора, в отличие от обычного порядка, установленного в ГК РФ. Так систему магистрального трубопровода можно рассматривать в качестве транспортной организации, которая перевозит нефть и нефтепродукты из одной точки в другую, в связи с чем государство должно осуществлять контроль и надзор за использованием этой системы в целом, а также предотвращать неправомерное ограничение или недопущение к данным сетям всех участников нефтяной сферы.

По своей сути такая система трубопроводов в России является естественной монополией, а так как она находится в государственной собственности, то должна соответствующим образом регулироваться уполномоченными органами. Например, при транспортировке нефти и нефтепродуктов по магистральному трубопроводу приоритет отдается более крупным компаниям, в связи с чем государственное регулирование необходимо, однако, с другой стороны, такое вмешательство государства в предпринимательскую деятельность компании может понизить ее стремление к инновации и повлиять на прибыль. В данном случае следует исходить из равенства всех участников в процессе транспортировки нефти и нефтепродуктов по магистральному трубопроводу, чтобы не допускать ущемления или ограничения в правах.

В сфере естественной монополии действует режим недискриминационного доступа к услугам по транспортировке нефти и нефтепродуктов. Это означает, что монополист обязан предоставить доступ к своему трубопроводу любому предпринимателю, изъявившему желание. Но на практике зачастую все происходит не так. Так, цены на услуги транспортировки завышают. Например, в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 16 января 2019 г. по делу № 303-ПЭК18, А40-249075/2016 было отмечено, что ООО «Приморский торговый порт», как естественный монополист, завысил цены по перевалке нефти, в связи с чем был признан нарушившим законодательство о защите конкуренции путем установления

и поддержания монопольно высоких цен на услуги по перевалке нефти [16].

В ст. 426 ГК РФ также предусмотрена норма, направленная на защиту от монополии на рынке, которая схожа по смыслу со ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции». В этих статьях сказано о том, что предпринимателю, занимающему доминирующее положение на рынке, нельзя ущемлять права других лиц, например, оказывать предпочтение одному лицу перед другим, завышать цену или занижать, навязывать невыгодные условия или отказывать в заключении договора и др.

Предполагается разумным более подробно детализировать в ГК РФ публичный договор, а именно включить норму относительно продавца, занимающего доминирующее положение на рынке, и его ключевых обязанностях, что, по нашему мнению, предотвратит ущемление прав добросовестного покупателя. Введение данной нормы освободит покупателя от необходимости доказывать факт злоупотребления со стороны продавца, занимающего доминирующее положение, как это необходимо делать в соответствии с ч. 3 ст. 37 вышеуказанного федерального закона. В свою очередь бремя доказывания своей добросовестности будет возложено на лицо, занимающее доминирующее положение.

В заключение следует сказать, что для регулирования отношений по передаче нефти в собственность с услугой по ее транспортировке необходимо использовать конструкцию смешанного договора. Предметом такого договора являются как отношения, направленные на передачу товара (нефти) в собственности, так и отношения, связанные с транспортировкой через присоединенную сеть. При этом необходимо принять отдельный нормативно-правовой акт, учитывающий специфику возникающих правоотношений и самого товара (нефти и нефтепродуктов). Также необходимо усилить положения ГК РФ о публичном договоре за счет включения в нее дополнительных обязанностей для лица, занимающего доминирующее положение на рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения : указ Президента РФ от 17 ноября 1992 г. № 1403 // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
2. Об учреждении акционерной компании по транспорту нефти «Транснефть» : постановление Совета Министров Правительства РФ от 14 августа 1993 г. № 810 // СЗ РФ. 1993. № 34. Ст. 3277.
3. Гаврилина Е. А. Система договорных связей на рынке нефти и нефтепродуктов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 244 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Логофет Д. Д. Договор транспортировки нефти по магистральным нефтепроводам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 168 с.
6. Галкина М. Н. Специфика предмета договора поставки нефти и нефтепродуктов / М.Н. Галкина // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 4. С. 87–90.
7. Сергеев А. П. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1. М. : Проспект, 2018. 1040 с.
8. Клейн Н. И. Актуальные вопросы применения норм Гражданского кодекса РФ о договоре купли-продажи. Гражданское право и современность : сборник статей. М. : Статут, 2013. 435 с.
9. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. URL: <https://fas.gov.ru>.
10. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru>.
11. Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г. : Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3847.
12. О защите конкуренции : федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
13. О естественных монополиях : федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 34 Ст. 3426.
14. Предпринимательское право России : итоги, тенденции и пути развития : монография / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. Е. П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019. 664 с.
15. Рыженков А. Я. Право и монополия в современной России : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 208 с.
16. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 января 2019 г. по делу № 303-ПЭК18, А40-249075/2016. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-16012019-po-delu-n-303-pek18-a40-2490752016/>.

© Кулешова А. Н.

А. В. РАДОНОВА, доцент кафедры гуманитарных дисциплин (внутреннее совместительство), начальник договорно-правового отдела Алтайского государственного института культуры, кандидат исторических наук, доцент (г. Барнаул)

A. V. RADONOVA, associate Professor Humanities (part-time domestic), head of legal Department Altai state University Institute of culture, candidate of Historical Sciences, associate Professor (Barnaul)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА CONTROVERSIAL ISSUES OF CONCLUDING, AMENDING AND TERMINATING A CONTRACT ON THE SALE OF A TOURIST PRODUCT

Аннотация. Сферу научных интересов автора представляет договор о реализации туристского продукта в Российской Федерации. В данной статье автором раскрываются особенности заключения, изменения и прекращения договора о реализации туристского продукта по законодательству Российской Федерации. Автором в совокупности применены методы научного познания, среди которых основные методы системности, анализа и сравнительно-правовой метод.

В статье обобщены сведения о специфике договорного регулирования отношений в туристской сфере Алтайского края, исследуется нормативно-правовая основа; характеризуются проблемы и достижения законотворческого процесса в этой области. При рассмотрении проблематики приводятся высказывания известных цивилистов, раскрываются современные подходы ученых к проблемам, с которыми сталкиваются туроператоры в процессе заключения, изменения и прекращения договора о реализации туристского продукта.

Автором делается вывод о возникновении насущной потребности в разработке четкого механизма искоренения коллизий правового регулирования договора о реализации туристского продукта.

Ключевые слова и словосочетания: туризм, туристские услуги, туроператор, турпутевка, турагент, туристская деятельность.

Annotation. The scope of the author's scientific interests is represented by the agreement on the sale of a tourist product in the Russian Federation. In this article, the author raises the specifics of the conclusion, modification and termination of the contract on the sale of a tourist product under the legislation of the Russian Federation. The author has collectively applied the methods of scientific cognition, including the main methods of consistency, analysis and the comparative legal method.

The article summarizes information about the specifics of contractual regulation of relations in the tourism sector of the Altai Territory, examines the regulatory framework; characterizes the problems and achievements of the legislative process in this area. When considering the issues, the statements of well-known civilists are given, modern approaches of scientists to the problems faced by tour operators in the process of concluding, changing and terminating a contract on the sale of a tourist product are considered.

The author concludes that there is an urgent need to develop a clear mechanism for eliminating conflicts of legal regulation of the contract on the sale of a tourist product.

Key words and phrases: tourism, tourist services, tour operator, travel agent, tourist activity.

Глава 39 ГК РФ не закрепляет особых требований к оформлению и алгоритму за-

ключения договора о реализации туристского продукта. Федеральный закон № 132-ФЗ

«Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. (с изм. 22 августа 2021 г.) в статье 10 устанавливает обязанность письменного оформления договора с добавлением турпутевки как неотделимой части договора. При этом толкование этой статьи не объясняет правовую природу указанных документов. Следовательно, возникает потребность в изучении специфики заключения договора о реализации туристского продукта [1; 2].

С нашей точки зрения, на этапе заключения договора о реализации туристского продукта следует выделить ряд самостоятельных стадий:

– первая – создание туроператором комплекса туристской услуги и согласование с контрагентами существенных условий отдельных элементов тура;

– вторая – осуществление туроператором и/или турагентом рекламных мероприятий для последующей реализации комплексной туристской услуги. В процессе рекламирования туроператор и турагент на основании Закона Российской Федерации № 2300-1 «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. (с изм. 1 июля 2021 г.) обязаны предоставлять всем заинтересованным лицам необходимую и достоверную информацию о предоставляемой туристской услуге [3];

– третья – официальное заключение договора на оказание туристских услуг с учетом требований действующего законодательства.

На основании п. 2 ст. 434 ГК РФ письменное оформление договора предполагает составление единого документа, подписанного сторонами в количестве экземпляров по числу участников. Однако на практике происходит подписание заказчиками стандартных (типовых) договорных форм. Обмен подписанными экземплярами может осуществляться посредством любых видов связи. На наш взгляд, заключенные таким способом соглашения нельзя считать безупречными, поскольку такая ситуация позволяет включить в текст соглашения ранее неоговоренных контрагентами условий и оговорок [1].

С. Е. Кузахметова и А. Е. Золотарева определяют несколько причин нарушения

интересов потребителей при использовании стандартных (типовых) форм договоров:

– незнание большинством потребителей условий своего договора в связи с отсутствием желания его прочитать;

– использование в договоре профессиональной терминологии и, как следствие, невозможность уяснить смысл прочитанного текста без специальной подготовки;

– уверенность заказчика в том, что события-основания привлечения подрядчика к ответственности не наступят ни при каких обстоятельствах;

– нереальность внесения изменений в шаблон договора, поскольку представитель исполнителя, с которым заказчик имеет непосредственную связь не уполномочен на это действие [4].

Наряду со сложностями современные цивилисты подчеркивают ряд преимуществ использования шаблонной формы договоров. В частности, применение типовых форм на этапе преддоговорных согласований экономит средства и время будущих контрагентов. По-нашему мнению, рациональным является использование типовых форм договоров, закрепленных изменениями в Федеральном законе № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности» от 24 ноября 1996 г. (с изм. 22 августа 2021 г.).

Федеральный закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. (с изм. 22 августа 2021 г.) в ст. 10 устанавливает обязанность исполнителя (туроператора или турагента) предоставить заказчику (туристу) путевку, содержащую условия и стоимость согласованной услуги. К тому же эта статья регламентирует содержание и правила заполнения турпутевки.

Принцип запрета на односторонний отказ от исполнения договорных обязательств закреплен в ст. 310 ГК РФ, за исключением предусмотренных законодательством обстоятельств. Однако отказ в одностороннем порядке от реализации предпринимательских обязательств и односторонняя корректировка обязательственных условий допускаются в случаях, предусмотренных

соглашением, если иное не предусмотрели законодатели» [5].

Другими словами, рискованные отношения в сфере предпринимательства выделяются законодателями в самостоятельную группу, что позволяет их участникам закрепить в договоре возможность отказа от исполнения.

С нашей точки зрения, указанные аспекты не затрагивают сферу предоставления туруслуг, так как ст. 783 ГК РФ закрепляет право участников договора о реализации туристского продукта на односторонний отказ от своих обязательств.

Рассмотрим специфику одностороннего отказа от предоставления и реализации туристского продукта. Так, п. 1 ст. 782 ГК РФ закрепляет одностороннее право заказчика на отказ от договора, как исключение из общего правила, требующего обращения в суд. Проще говоря, турист-заказчик для досрочного прекращения договора в одностороннем порядке не нуждается в судебном решении. Вдобавок, ГК РФ даже не характеризует ситуацию, при возникновении которой турист-заказчик получает право реализовать такую возможность. Поскольку туруслуги потребляются непосредственно при их предоставлении, большей частью они уже употреблены и речь идет об отказе от тех, которые будут предоставлены в будущем.

В связи с двусторонне обязывающим характером договора о реализации туристского продукта турист-заказчик, наряду с правами, имеет конкретные обязанности. Так, не является его обязанностью процедура принятия оказанных услуг, зато она одновременно выступает правом субъекта. Граждане Российской Федерации вольны реализовывать или отказаться от своих прав. Следовательно, отсутствует необходимость легального закрепления правомочия на отказ от законного права. А вот возможность игнорировать обязанность, на наш взгляд, должна иметь официальное подтверждение. Соответственно, п. 1 ст. 782 ГК РФ фиксирует не возможность туриста-заказчика отказаться от принятия услуг, а именно право на

отказ от исполнения своих обязательств по договору как полностью, так и частично [1].

Пункт 2 ст. 782 ГК РФ закрепляет право заказчика (туриста) не выполнять обязательства по договору в случае погашения фактически понесенных расходов или убытков исполнителю [1]. С нашей точки зрения, объяснение различия правовых последствий для его участников при отказе от договорных обязательств состоит в том, что для заказчика потребление туруслуги выступает правом, а для туроператора оказание туруслуги – обязанностью.

Вдобавок, возмущение вызывает практика включения в туристские договоры ответственности туриста за односторонний отказ от соглашения. Объем удержаний зависит от того, за какой период до начала туруслуги заказчик отказался от договора. Например, исходя из сложившейся практики в г. Барнауле предусмотрено удержание: 15 % от цены договора при отказе за 30–20 дней до открытия тура; 50 % – за 19–9 дней; 80 % – за 8–3 дня и 100 % общей стоимости – менее чем за 2 дня до начала путешествия [7].

Установившийся принцип удержаний нарушает правила ст. 782 ГК РФ, следовательно, в бесспорном порядке является ничтожным и применению не подлежит [1]. Статья 782 ГК РФ допускает не исполнение соглашения, не связанное с нарушением договорных обязательств. Причем период, в течение которого стороны отказываются от выполнения, не принципиален. Иными словами, односторонний отказ заказчика допускается в любой момент до начала и до завершения туруслуги.

Пункт 2 ст. 782 ГК РФ фиксирует право на односторонний отказ от исполнения соглашения туроператором (турагентом) только до начала его открытия и при условии полного возмещения убытков заказчику. Иначе исполнитель признается просрочившим должником и несет гражданско-правовую ответственность по ст. 401 ГК РФ и ст. 28 Закона РФ «О защите прав потребителей» [1; 2; 3].

Следовательно, при некачественно предоставленной туруслуге (например, при

пропуске срока оказания) ч. 2 ст. 782 ГК РФ не действует и туроператор не вправе по односторонней инициативе отказаться от исполнения договорных обязательств. Кроме того, выплата неустойки, погашение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязанностей (п. 1 ст. 396 ГК РФ) не освобождают исполнителя от выполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено договором. П. 3 ст. 13 Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. (с изм. 1 июля 2021 г.) закрепляет аналогичное положение: «покрытие штрафа, компенсация ущерба не снимают с исполнителя его обязанностей выполнения в натуре. Причем, в отличие от п. 1 ст. 396 ГК РФ, норма Закона РФ № 2300-1 носит императивный характер [1; 2; 3].

При досрочном расторжении договора о реализации туристского продукта в связи с виновными действиями исполнителя (например, при просрочке начала выполнения) туроператор (турагент) в соответствии с п. 4 ст. 28 Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» не вправе требовать погашения затрат и оплату фактически предоставленной услуги.

В своей монографии С. В. Завьялова утверждает, что использование исполнителем права на отказ от исполнения публичного договора о реализации туристского продукта (п. 2 ст. 782 ГК РФ) является дискуссионным. Причем обязательный характер заключения такого соглашения лишает исполнителя возможности отказаться от договорных обязательств, поскольку по настоянию туриста, туроператор (турагент) будет принужден заключить с ним соответствующее соглашение [6].

На наш взгляд, трудность проявляется в том, что закрепленные в ч. 1 и ч. 2 ст. 396 ГК РФ последствия невыполнения или некачественного выполнения обязанностей исполнителя носят диспозитивный характер, поэтому используются, если иное не предусмотрено законодателями или соглашением [5].

Дополнительных оснований отказа от договора для исполнителя законодатель не

предусмотрел, поскольку ст. 782 ГК РФ позволяет ему сделать это в любой момент. С нашей точки зрения, по ст. 782 ГК РФ нельзя квалифицировать такой отказ как одностороннюю инициативу, поскольку в этой ситуации турист (заказчик) будет принужден возместить исполнителю (туроператору) реально понесенные расходы, что незаслуженно в этих обстоятельствах. Отказ заказчика от возмещения является следствием на произошедшее правонарушение и не может повлечь для заказчика (туриста) никаких негативных последствий. В противном случае заказчик становится незащищенным перед недобросовестным исполнителем, и право на отказ от соглашения станет для туриста тяжелой повинностью.

При досрочном расторжении договора по ст. 450 ГК РФ по причине нарушения исполнителем своих обязанностей требуется соответствующее судебное решение. Для его получения турист (заказчик) будет вынужден подать исковое заявление в суд и представить доказательства халатности туроператора.

Предполагаем, что отказ заказчика от договора в связи с отсутствием возможности принять услугу определенные проблемы. Если отказ происходит по форс-мажорным причинам, турист обязан по п. 3 ст. 781 ГК РФ компенсировать туроператору расходы. Другими словами, досрочное окончание договора при этих обстоятельствах говорит не об отказе туриста, а прекращении соглашения в связи с невозможностью оказания услуги. Считаем рациональным для избежания конфликтов закрепить за туристом право передавать свои права по договору, в т. ч. и уступать право требования. Поскольку статьи 382–390 ГК РФ, учитывая специфику содержания договора о реализации туристского продукта, не подлежат использованию, предлагаем включить в Федеральный закон об основах турдеятельности в РФ возможность замены туриста третьим лицом при невозможности получения комплексной туристской услуги первоначальным заказчиком.

Таким образом, в возмездных туристских договорах стоит проблема фактически-

го исполнения субъективных обязательств. При неисполнении обязательства и выплате неустойки за его неисполнение диспозитивный п. 2 ст. 396 ГК РФ освобождает должника от выполнения обязательства в натуре. Считаем, что данная рекомендация подчеркивает необходимость ограничения возможности туроператора на отказ от исполнения своих обязательств.

В отдельных случаях законодательцы утвердили возможность исполнителя (туроператора) обменять досрочно прекращенный договор на новую сделку с другим заказчиком. Например, такое право предоставлено по ст. 524 ГК РФ участникам договора поставки. Мы считаем, что подобную возможность необходимо предоставить туристу как заказчику в договорах возмездного предоставления услуг. Это будет способствовать оперативному восстановлению интересов туриста без обращения в суд.

Характеризовав возможность защиты туриста, считаем логичным остановиться на вопросах изменения и досрочного прекращения туристских соглашений в интересах третьего лица. Составными элементами такого соглашения выступают:

- стороны – туроператор (турагент) и предприятие туристической индустрии;
- основная цель – предоставить комплексную туруслугу заказчику (туристу) на возмездной основе;
- подтверждающим документом является турпутевка или туристский ваучер.

Особенностью туристских соглашений являются гарантии прав заказчика-туриста (ст. 403 ГК РФ). Так, в частности исполнитель не вправе расторгнуть договор без предварительного с ним согласования, если иное не закреплено законодательством или договором. Кроме того, турагент не может требовать изменения и досрочного прекращения турдоговора в связи с повышением себестоимости услуг исполнителя, если таковые не относятся к категории существенных обстоятельств. К тому же по ст. 313 ГК РФ туроператор как исполнитель по договору вправе поручить исполнение обязательств дополнительному лицу и при-

нудить туриста принимать от него оговоренную услугу [5].

Впрочем, по ст. 10 Федерального закона об основах турдеятельности в РФ любая из его сторон может предложить корректировку или досрочное прекращение договора при значительном изменении обстоятельств заключения соглашения. К основаниям корректировки относятся:

- 1) ухудшение условий путешествия, отсрочка поездки;
- 2) некомплект минимального объема тургруппы, необходимого для поездки;
- 3) непредвиденное повышение транспортных тарифов;
- 4) введение новых или повышение размера существующих налогов и сборов;
- 5) девальвация.

Необходимо обратить внимание, что законодательцы не ограничивают приведенный перечень [2].

Трактовка существенного изменения обстоятельств закреплена в ст. 451 ГК РФ: такое изменение, которое субъекты, если бы и смогли предвидеть, то не заключали бы соглашения вообще либо заключили его, но иного содержания. Например:

- вступая в соглашение потенциальные участники не предполагали трансформации условий;
- причиной изменений были такие события, которые субъекты не смогли преодолеть;
- дальнейшее выполнение обязанностей без корректировки содержания договора повлечет такой ущерб, в результате которого одна из сторон лишится того, на что рассчитывала заключая сделку;
- ни суть подписанного договора, ни обычаи делового оборота не накладывают риск изменившихся условий только на одного из участников.

По-нашему мнению, в Федеральном законе № 132-ФЗ от 24 ноября 1996 г. необходимо закрепить механизм подписания соглашения в форме составления единого письменного документа в двух экземплярах, каждый из которых подписан и исполнителем-туроператором (турагентом), и заказчи-

ком-туристом. При этом турпутевку следует признать составной частью такого соглашения.

В связи с тем, что туристская путевка подтверждает оплату предстоящей услуги, следовательно, оформляется и выдается туристу после подписания соглашения, на наш взгляд, требуется исключить из Закона ее трактовку в качестве письменного согласия на предложение потенциального исполнителя.

Таким образом, возможность одностороннего отказа от договорных обязательств, хотя и является диспозитивной, практиче-

ски не применяется реально. Относительно туруслуг ситуация с односторонним отказом носит коллизийный характер, поскольку параллельно с правом одностороннего отказа легально закреплено положение о его недопустимости. Поэтому возникает насущная потребность в разработке четкого механизма искоренения такой коллизии.

С этой целью следует дополнить п. 2 ст. 782 ГК РФ: если иное не предусмотрено договором, исполнитель вправе не исполнять договорные обязательства при условии возмещения заказчику убытков в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. 8 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2021 г.).
2. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (в ред. 22 августа 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2021 г.).
3. О защите прав потребителей : закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (в ред. 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2021 г.).
4. Кузахметова С. Е., Золотарева А. Е. Правовая природа и существенные условия договора о реализации туристского продукта // Право и экономика. 2015. № 5. С. 20–25.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. 28 июня 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2021 г.).
6. Завьялова С. В. Проблемы гражданско-правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2016. 112 с.
7. Социологические исследования в туристической сферы. Барнаул : Издательство АлтГУ, 2019. 212 с.

© Радонова А. В.

Е. Ю. СЕМЕНОВ, доцент кафедры информационных технологий в деятельности ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (г. Орлов)

E. Y. SEMENOV, Associate Professor of the Department of Information Technologies in the Activities of the Department of Internal Affairs of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Law (Orlov)

Е. С. ЛЫСЕНКО, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. S. LYSENKO, Head of the Department of Management in the Internal Affairs Bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Law (Ufa)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ ОБЩЕДОСТУПНЫХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AUTOMATED PROCESSING OF PUBLICLY AVAILABLE PERSONAL DATA

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с правовым регулированием персональных данных, выложенных в общий доступ пользователями социальных сетей. Развитие современных информационных технологий позволяет анализировать массивы данных и получать огромное количество персональных данных. Правовое регулирование указанной деятельности в настоящее время является одним из важных направлений совершенствования текущего законодательства как в России, так и в зарубежных государствах.

Ключевые слова и аннотации: информационные технологии, персональные данные, открытые источники, социальные сети.

Annotation. This article discusses topical issues related to the legal regulation of personal data posted in the public domain by users of social networks. The development of modern information technologies makes it possible to analyze data arrays and obtain a huge amount of personal data. The legal regulation of this activity is currently one of the important areas for improving the current legislation both in Russia and in foreign countries.

Keywords and phrases: information technologies, personal data, open sources, social networks.

Одной из основных отличительных особенностей начала XXI века стало масштабное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, которые в свою очередь оказали большое влияние на фор-

мы и способы общения людей. Реализация крупных проектов по развитию сети Интернет сделала ее массово доступной, что привело к появлению социальных сетей, ставших одним из современных феноменов.

Основной парадигмой социальных сетей стала массовая доступность любых публикаций. До этого появление какой-либо информации о человеке в журнале, на радио или на телевидении всегда становилось для него важным событием, являлось большой редкостью и у многих ассоциировалось со значимостью и успешностью. Основным феноменом масштабного развития социальных сетей является возможность свободного размещения информации о себе, которая стала новым средством самовыражения для огромного количества пользователей сети Интернет, а также отмечать понравившиеся публикации (ставить «лайки»). Большая вовлеченность аудитории сделала социальные сети серьезным бизнесом, которым занялись крупные технологические компании. В результате в социальных сетях аккумулируются огромные массивы общедоступных данных, доступ к которым не ограничивается и практически не регулируется.

Параллельно с развитием социальных сетей во всем мире происходит совершенствование законодательства в области защиты персональных данных, которое регламентирует права и обязанности субъектов и операторов. С развитием технологий машинного обучения и больших данных (Big Data) социальные сети начинают внедрять рекомендательные системы, которые предлагают пользователю содержимое (контент), опираясь на его предпочтения. Для реализации данных функций применяются алгоритмы нового поколения, активно использующие возможности автоматизированной обработки информации, в том числе персональных данных. Анализ профилей в социальных сетях в настоящее время является наиболее информативным способом и для того, чтобы узнать увлечения и интересы человека, необходимо собрать всю информацию, выложенную в открытом доступе, перечень групп и сообществ, на которые он подписан [1]. Возможность использования общедоступных данных привела к появлению отдельных компаний, занимающихся сбором и автоматизированной обработкой таких сведений в основном с целью созда-

ния профилей пользователей и их последующего использования в рекламных целях.

На сегодняшний день многие страны принимают свои национальные законы о персональных данных, регламентируя также и способы их защиты. Кроме национального регулирования данный институт также регламентирован международными актами. Право на неприкосновенность частной жизни, персональных данных в том числе признано одним из основных человеческих прав и закреплено в актах Организации Объединенных Наций. В Российской Федерации регулирование персональных данных и их защита осуществляется как национальным законодательством (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»), так и международными актами.

Современное законодательство содержит необходимые нормы, регулирующие как обработку и распространение персональных данных, так и обязанность их накопления, систематизации и хранения с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации. Все российские операторы персональных данных обязаны соблюдать данные нормы и выполнять предъявляемые требования. Возникает вопрос, как обеспечить безопасность данных в случае их сбора и обработки субъектами, находящимися за пределами территории Российской Федерации.

Компании, находящиеся на территории Евросоюза также, как и любые другие компании, которые обрабатывают персональные данные его жителей, в своей работе руководствуются «Общим регламентом защиты персональных данных» (GDPR), принятым 27 апреля 2016 года и вступившим в силу 25 мая 2018 года, который фактически призван обеспечить контроль физическими лицами за своими персональными данными. Данный документ оказал значительное влияние на все крупные (в т. ч. и российские) компании, которые были вынуждены перестроить свою деятельность, чтобы соответствовать новому регламенту. Подобные документы сейчас разрабатываются

и принимаются во многих странах и будут направлены на обеспечение прав и свобод граждан.

Следует отметить и то, что некоторые виды информации могут двойственным образом являться персональными данными и не являться таковыми в зависимости от целей их сбора и использования. Более глубокое представление о сущности персональных данных можно получить, исходя из их классификации.

Интересной представляется классификация Р. Пермякова, который, анализируя Федеральный закон «О персональных данных», выделяет 5 видов персональных данных по основанию видов и целей их обработки:

- биометрические;
- данные, передаваемые трансгранично;
- данные, содержащиеся в государственных и муниципальных информационных системах;
- персональные данные при маркетинге товаров, работ, услуг, а также при политической агитации;
- персональные данные в ИС с решениями, принимаемыми исключительно автоматизированной обработкой.

Более емкой представляется классификация по критерию содержания персональных данных. Анализируя российское законодательство, правоприменительную практику и научную литературу, можно выделить три основных вида персональных данных по критерию их содержания: общие, специальные и биометрические.

В общую группу включают данные, посредством которых можно точно идентифицировать физическое лицо. Данная группа самая обширная, и с развитием цифровых технологий в ее перечень в перспективе могут включаться все новые и новые виды персональных данных. Кроме того, некоторые авторы предлагают выделить две подгруппы общих персональных данных: базовые и дополнительные. Первая объединяет данные, прямо относящиеся к определенному (определяемому) лицу: ФИО, дата и место рождения, паспортные сведения, место

регистрации и т. д. Во вторую входят данные, которые сами по себе не представляют надежного инструмента идентификации личности, но могут являться таковыми при условии достаточной совокупности таких данных либо в комплексе с общими базовыми данными. Сюда можно включить данные о составе семьи, льготах, членстве в разных объединениях, СНИЛС, профессии, семейном положении и др.

К группе специальных данных следует, очевидно, причислять те персональные данные, закрытый и достаточно ограниченный перечень которых дается в Федеральном законе «О персональных данных»: сведения о расовой, национальной принадлежности, политических, религиозных и философских взглядах, состоянии здоровья, интимной жизни. Необходимо отметить, что, выделяя специальные категории персональных данных в отдельную группу, законодатель хотел подчеркнуть чрезвычайность негативного исхода для субъекта таких данных при их противоправном использовании. Под таким исходом подразумеваются риски для жизни и здоровья, преследование по расовому, национальному, религиозному признаку, невозможность реализации основных конституционных прав на труд, образование, медицинскую помощь, свободу языковой, религиозной принадлежности и т. д.

Федеральный закон «О персональных данных» не дает перечня биометрических персональных данных, однако содержит их определение, согласно которому под такими данными следует понимать сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, полученные исключительно с его письменного согласия (кроме установленных законодательством случаев) и позволяющие идентифицировать его личность.

Биологические особенности человека, как понятие более широкое и включающее физиологические особенности, могут быть выделены в отдельные подгруппы. Так, в регламенте Евросоюза под термином «биометрические данные» понимаются персональные данные, способствующие

идентификации физического лица и касающиеся его «физических, физиологических или поведенческих характеристик». Кроме того, регламент выделяет категорию «генетических данных», к которым документ обязывает относить данные, связанные с «унаследованными или приобретенными генетическими характеристиками» человека, содержащие «уникальную информацию о физиологии или здоровье» и полученные при «анализе биологического образца соответствующего физического лица».

Включение в закон оснований, по которым те или иные биометрические или генетические сведения могут быть отнесены к персональным данным, станет еще одной преодоленной ступенью на пути совершенствования законодательства и унификации правоприменения. В настоящее время часть таких признаков, принадлежащих определенному субъекту, может быть автоматически извлечена из его профиля в социальной сети на основе анализа фото- или видеоматериалов, а также общедоступных публикаций. Если какие-либо устройства или датчики снимают и записывают биометрические данные, возможно обнаружение дополнительных признаков, с помощью которых идентифицируемое лицо может быть точно определено [2]. Это следует учитывать как при изменении законодательства, так и при его применении.

Достаточно длительное время деятельность по автоматизированной обработке персональных данных практически не регулировалась, но с 1 марта 2021 года утратил силу п. 10 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О персональных данных», позволявший осуществлять обработку данных, сделанных общедоступными субъектом. Все операторы персональных данных теперь должны будут получать согласие на распространение отдельно от согласия на обработку персональных данных. В случае с социальными сетями пользователю будет предоставлено соответствующее право дать согласие на обработку и распространение личных данных или удалить профиль, что практически не отразится на их рабо-

те, а компаниям, собирающим данные из открытых источников, придется вносить изменения в организацию своей деятельности. Так, в п. 2 ст. 10.1 этого же федерального закона указано, что в случае раскрытия персональных данных неопределенному кругу лиц самим субъектом персональных данных без предоставления оператору согласия, предусмотренного настоящей статьей, обязанность предоставить доказательства законности последующего распространения или иной обработки таких персональных данных лежит на каждом лице, осуществившем их распространение или иную обработку.

Данная норма регулирует деятельность операторов персональных данных, находящихся на территории Российской Федерации, но проблема возможности сбора и обработки таких данных резидентом любой другой страны, в которой подобная деятельность не запрещена, до сих пор остается открытой.

Таким образом, в настоящее время происходит развитие законодательства в области защиты персональных данных, принимаются последовательные шаги к повышению уровня государственного контроля за информационным пространством и защитой персональных данных, однако защита персональных данных постепенно перестает быть приоритетным направлением государственной политики, уступая интересам обеспечения критической информационной инфраструктуры. Помимо пробелов в законодательстве, носящих долгосрочный характер и не утративших своей актуальности, существует ряд проблем организационного характера, связанных с обеспечением надлежащего уровня защиты персональных данных. Решение данной проблемы из-за развития информационно-телекоммуникационных технологий выходит за рамки возможностей одного государства и носит глобальный масштаб. Необходимы новые подходы как для организации законной деятельности в данной области, так и для предотвращения возможных угроз и обеспечения безопасности субъектов персональных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Е. Ю., Казаков А. В. Современные методы и средства сбора и анализа данных о пользователях в сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 4 (77). С. 120–122.

2. Линьков В. В., Семенов Е. Ю. Правовые проблемы защиты персональных данных при интеграции Интернета вещей в повседневную жизнь // Закон и право. 2020. № 10. С. 193–195.

© Семенов Е. Ю.

© Лысенко Е. С.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.4:331.2(470)

А. В. КУРСАЕВ, главный эксперт-специалист
Договорно-правового департамента МВД Рос-
сии, кандидат юридических наук (г. Москва)

A. V. KURSAEV, chief expert-specialist of the
legal Department Ministry of internal Affairs of
Russia, candidate of law (Moscow)

КВАЛИФИКАЦИЯ ТЯЖКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПЕНСИЙ, СТИПЕНДИЙ, ПОСОБИЙ И ИНЫХ ВЫПЛАТ (ЧАСТЬ 3 СТАТЬИ 145¹ УК РФ)

QUALIFICATION OF SERIOUS CONSEQUENCES AS A RESULT OF NON-PAYMENT OF WAGES, PENSIONS, STIPENDS, ALLOWANCES AND OTHER PAYMENTS (PART 3 OF ARTICLE 145¹ OF THE CRIMINAL CODE)

***Аннотация.** В представленной статье рассматривается понятие тяжких последствий в результате невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. Указывается на то, что признак «тяжких последствий» является оценочным признаком, что требует уяснения его содержания путем толкования. Рассматривается сущность оценочного признака в уголовном праве. Проводится анализ признаков возможного преступного вреда, который может быть квалифицирован в качестве тяжких последствий по части 3 статьи 145¹ УК РФ. Делается вывод о многофакторности последствий, которые могут быть квалифицированы как тяжкий вред. Обращается внимание на виды вреда, относимого к тяжким последствиям в иных нормах Особенной части российского уголовного закона, свидетельствующего о возникновении общественной опасности, достаточной для квалификации совершенного деяния в качестве преступления. Формулируются предложения по совершенствованию части 3 статьи 145¹ УК РФ в указанной части.*

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовная ответственность, тяжкие последствия, невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, квалифицированный состав, оценочный признак.*

***Annotation.** The article deals with the concept of grave consequences as a result of non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments. It is pointed out that the sign of «grave consequences» is an evaluative sign, which requires clarification of its content by interpretation. The essence of the*

evaluation feature in criminal law is considered. The analysis of signs of possible criminal harm, which can be qualified as grave consequences under part 3 of Article 145¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, is carried out. The conclusion is made about the multifactorial nature of the consequences that can be qualified as serious harm. Attention is drawn to the types of harm attributed to grave consequences in other norms of the Special Part of the Russian Criminal Law, indicating the occurrence of a public danger sufficient to qualify the committed act as a crime. Proposals are formulated to improve Part 3 of Article 145¹ of the Criminal Code of the Russian Federation in this part.

Keywords and phrases: *criminal liability, grave consequences, non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments, qualified personnel, evaluation feature.*

Российским уголовным законом установлен квалифицированный состав за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, если это деяние повлекло наступление тяжких последствий (часть 3 статьи 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Ранее – до дифференциации ответственности за неуплату социальных платежей в зависимости от срока (полной или частичной такой неуплаты) – названный состав преступления был закреплен в части 2 данной нормы.

Для вменения в вину названного преступления помимо установления деяния, заключающегося в бездействии в виде полной или частичной невыплаты заработной платы, необходимо также доказать наличие элементов, необходимых для материального состава, в виде тяжких последствий и причинно-следственной связи между последствием и деянием. Понятие «тяжкие последствия» применительно к части 3 статьи 145¹ УК РФ нигде в тексте уголовного закона и в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ не раскрывается и является оценочным.

Конечно же использование оценочных понятий в уголовном законе не должно иметь чрезвычайно широкое распространение, так как уголовно-правовые нормы должны быть точными, конкретными и понятными неопределенному кругу лиц и исключать неоднозначное толкование. В то же время данное положение не может носить абсолютного характера, так как возможны случаи, когда без применения терминов оценочного характера невозможно сконструировать уголовно-правовой запрет.

Такую возможность прямо допускает в ряде своих решений и Конституционный Суд Российской Федерации, выработавший

правовую позицию о том, что требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (определения от 5 марта 2013 г. № 323-О, от 23 октября 2014 г. № 2521-О и иные). Исходя из этого само по себе использование при конструировании состава преступления оценочного признака не свидетельствует о дефекте уголовно-правовой нормы. Такой законотворческий прием вполне обычен для уголовного права.

Применение оценочного признака обусловлено в первую очередь тем, что его содержание не может быть лаконично и без ущерба для уяснения раскрыто в самом УК РФ. Согласно нашим расчетам, по состоянию на 1 октября 2021 года имеется 80 случаев применения законодателем термина «тяжкие последствия» в уголовном законе: в 2 случаях – в Общей части УК РФ (статья 27 и пункт «б» части 1 статьи 63) и в 78 – в Особенной части.

Однако использование оценочных признаков способно породить риск квалификационных ошибок. Оценочные понятия, в отличие от формально определенных, не могут в полной мере дать правоприменителю исчерпывающего и достаточного представления о признаках состава преступления. Определение их содержания в каждом конкретном случае требует по новому оценивать тяжесть наступивших последствий в целях констатации его наличия. Тот же самый признак «тяжкие последствия» имеет

разное смысловое наполнение применительно к невыплате заработной платы и иным составам преступлений, закрепленных в УК РФ (похищение человека, изнасилование, экологические преступления, злоупотребление должностными полномочиями). Практически работники не могут соотносить оценочный признак с неким более общим понятием в праве, вывести его суть путем дедуктивных умозаключений из некоторого уже известного им понятия. Наоборот, использование оценочного признака предполагает и требует от самого правоприменителя исходя из собственных представлений и правосознания наполнять данный признак сущностными чертами, необходимыми для квалификации рассматриваемого деяния как преступления.

Наличие в уголовном законодательстве оценочных признаков ставит перед доктринами задачу по изучению правоприменительной практики с тем, чтобы определить, какие случаи по своим свойствам относятся к данным признакам. Задача уголовно-правовой науки состоит в отборе наиболее типичных судебных решений и их анализе с тем, чтобы сформулировать рекомендации по повышению эффективности правозащитной юридической деятельности, скорректировать правоприменительную практику, а при необходимости и поставить вопрос о внесении изменений в правовую норму, содержащую оценочные признаки, в целях описания признаков состава преступления с большей определенностью. Поэтому в целях правильной квалификации невыплаты заработной платы и иных социальных платежей, повлекшей тяжкие последствия (ч. 3 ст. 145¹ УК РФ), необходимо обратиться к судебной практике по данному вопросу, а также мнению известных ученых – специалистов по уголовному праву.

К сожалению, судебная практика по данному вопросу не отличается репрезентативностью. Нам удалось выявить только одно судебное решение, где действия виновного лица были квалифицированы по ч. 3 ст. 145¹ УК РФ. В качестве таких тяжких последствий преступления следственными органами было вменено, и с этим согласил-

ся суд, самоубийство потерпевшего вследствие невыплаты ему заработной платы [1]. Фактически невыплата заработной платы работодателем способствовала доведению потерпевшего до самоубийства.

Отсутствие обширной судебной практики пытается компенсировать юридическая доктрина, конструируя различные случаи, которые могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 145¹ УК РФ. Анализ основных точек зрения позволяет прийти к выводу, что в качестве возможных тяжких последствий невыплаты заработной платы может рассматриваться физический, имущественный или неимущественный (моральный) вред в различных их комбинациях.

Во-первых, в качестве тяжких последствий предлагается квалифицировать физический вред. Под ним вслед за судебной практикой предлагают понимать самоубийство потерпевшего или его близких, а также иные формы физических последствий для личности потерпевшего: причинение тяжкого вреда здоровью или наступление психического расстройства [2, с. 610], возникновение заболевания [3, с. 424], инвалидность либо иная утрата трудоспособности у пострадавшего [4, с. 543].

Профессор А. В. Наумов перечень тяжких последствий по части 3 статьи 145¹ УК РФ ограничивает только физическим вредом, исключая возможность квалификации иных видов вреда в качестве тяжких последствий. Данный вывод следует из перечня тех последствий, которые он называет. В частности, по мнению указанного автора, к тяжким последствиям невыплаты заработной платы и иных социальных платежей следует отнести самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего, возникновение у него заболевания в результате невыплаты полагающегося платежа, иные последствия такого же порядка [5, с. 218].

Другие авторы наоборот, более широко подходят к трактовке тяжких последствий, допуская, что они могут состоять и в причинении имущественного вреда, находящегося в причинной связи с невыплатой заработной платы.

Перечень предлагаемых возможных имущественных последствий в этом случае характеризуется существенным разнообразием и включает в себя такие примеры как возникновение у потерпевшего состояния тяжелого материального положения, бродяжничество, попрошайничество [6, с. 339], выселение из жилого помещения за неуплату [3, с. 424], значительное ухудшение материального благосостояния [2, с. 610], нехватку денежных средств для покупки предметов первой необходимости, уплаты налогов и иных обязательных платежей, обслуживания жилого помещения, исключение из образовательной организации в связи с неуплатой стоимости обучения, обращение взыскания на жилье в результате невыполнения финансовых обязательств перед кредитором [7, с. 57], ухудшение медицинского состояния, вызванного отсутствием средств на оплату лекарств или оплату квалифицированной медицинской помощи [8, с. 11], голод потерпевшего и его близких.

Более того, предлагается к тяжким последствиям относить и уничтожение или повреждение имущества [4, с. 543], хотя сконструировать такие примеры в рамках развития причинной связи вряд ли возможно.

В научной литературе к пониманию тяжких последствий невыплаты заработной платы предлагается относиться более широко путем причисления сюда и различных последствий неимущественного характера, которые тесно связаны с нравственными переживаниями пострадавшего лица. Такие переживания, как указывают Н. Ю. Гронская, Н. А. Данилова и Е. П. Осипова, могут состоять в возникновении ощущения невозможности удовлетворения различных физиологических потребностей и потребностей, порожденных социальными и культурными условиями обычной жизни человека, наличия чувства унижения собственного достоинства, связанного с невозможностью обеспечения нормального и достойного уровня существования себя и своих близких, существовавшего до неуплаты [7, с. 58].

Следует признать, что анализируемый квалифицирующий признак на практи-

ке вменяется крайне редко, что связано со сложностями его доказывания и установления причинно-следственной связи между деянием в виде невыплаты заработной платы и наступившими тяжкими последствиями. Зачастую такая причинная связь носит опосредованный характер (например, как при самоубийстве потерпевшего), что еще более усложняет процесс доказывания, поэтому неудивительно, что возможные тяжкие последствия анализируются судом при индивидуализации наказания, а именно при выборе конкретного вида и размера наказания.

В частности, из анализа судебной практики следует, что суды, описывая совершенное деяние, дополнительно указывают на такие последствия как дискредитация сельскохозяйственного комплекса, создание невыносимых условий труда для работников общества, иные неблагоприятные социальные последствия, усиление напряженности в обществе, подрыв веры в государственные институты [9], значительный имущественный ущерб и нарушение права на вознаграждение за труд [10], направленность посягательства на общественные отношения, связанные с конституционным правом граждан на труд, защиту от безработицы и социальное обеспечение [11].

Рассматриваемые нами физические, имущественные и неимущественные (моральные) последствия невыплаты заработной платы затрагивают интересы только отдельных лиц. Однако возможные негативные последствия в результате невыплаты заработной платы могут касаться интересов не только отдельных частных лиц, но и их групп, социума в целом.

Нетрудно мысленно сконструировать ситуацию, при которой тяжкий вред по части 3 статьи 145¹ УК РФ может состоять в организационном дисбалансе сложившихся общественных отношений.

Так, потерпевший в результате невыплаты заработной платы может не выйти на работу (службу), имеющую высокую общественную значимость, что не позволяет обеспечить нормальное функционирование какого-либо предприятия, организации или

учреждения, важного для жизнеобеспечения. Как отмечается в юридической литературе, срыв запланированного научного исследования, имеющего большое социальное значение, значительное снижение боевой готовности воинской части или служебной готовности органа внутренних дел [12, с. 118–119], наличие публичных массовых акций со стороны общественности по поводу сложившейся неудовлетворительной ситуации [13, с. 328], совершение преступления, отличающегося значительным характером и степенью общественной опасности, из чувства мести за невыплату заработной платы (причинения вреда здоровью, хищения, акта вандализма), приостановка процесса производства продукции, значительное уменьшение показателей производительности труда [7, с. 58], совершение преступления по мотиву крайней нужды [14, с. 607] также представляют собой возможные формы тяжких последствий.

Российская действительность 90-х годов XX века указывает, что вышеназванные, на первый взгляд, весьма иллюзорные примеры, не столь далеки от действительности. Известны многочисленные факты забастовок среди учителей, врачей и других работников бюджетной сферы, перекрытие шахтерами железных дорог и иных путей сообщения. Данные действия, обусловленные долговременной невыплатой заработной платы, оправданные сами по себе, в то же время влекли и существенные негативные последствия в виде нарушения транспортного сообщения в Российской Федерации, дальнейшей разбалансированности хозяйственных связей и снижению производства, что влекло новый этап кризиса.

В данном случае тяжкие последствия проявляются в форме организационного вреда.

Таким образом, понятие тяжких последствий в части 3 статьи 145¹ УК РФ может носить комплексный характер и включать в себя различные последствия – как физические, имущественные, неимущественные (моральные), организационные, так и иные (например, экологические), в различной их

комбинации. Фактически термин «тяжкие последствия» является синонимом любого по характеру тяжкого вреда. Такие последствия существенно увеличивают степень общественной опасности совершенного преступления, что и позволяет их выделить в качестве отдельного квалифицирующего признака, влекущего более строгое наказание.

Исходя из этого происходит расширение объекта преступления за счет возможного выделения в нем дополнительного объекта – личность, общественный порядок. Может быть расширен и перечень потерпевших за счет отнесения к ним близких родственников, иных членов семьи, и также лиц, находящихся на иждивении гражданина, которому не была выплачена заработная плата.

Учитывая конструкцию состава части 3 статьи 145¹ УК РФ, данное преступление является оконченным в момент наступления общественно опасного вреда в виде тяжких последствий. В связи с этим данное преступление относится к материальным составам. При отсутствии тяжких последствий содеянное квалифицируется по части 1 или 2 статьи 145¹ УК РФ. Материальный характер состава преступления требует установления и причинно-следственной связи между фактом невыплаты и наступившими последствиями.

Субъект преступления по части 3 статьи 145¹ УК РФ какой-либо спецификой относительно общего состава невыплаты заработной платы какой-либо спецификой не обладает. Помимо наполнения содержания тяжких последствий наукой уголовного права, в отдельных случаях содержание тяжких последствий раскрывается Верховным Судом РФ путем дачи Пленумом руководящих разъяснений на основе анализа и обобщения судебной практики и наиболее распространенных вопросов, задаваемых судами, что приобрело уже характер устоявшейся практики. Например, такие разъяснения даны Верховным Судом РФ в пункте 13 постановления Пленума от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновен-

ности и половой свободы личности», пункте 10 постановления Пленума от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем».

К сожалению, в недавно принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)» отдельного разъяснения, касающегося перечня тяжких последствий для целей применения части 3 статьи 145¹ УК РФ, не сформулировано, что следует рассматривать, учитывая достаточно высокую распространенность случаев невыплаты социальных платежей и острую реакцию общества и представителей власти на них, в качестве пробела. Данная неопределенность требует дальнейшего изучения правоприменительной практики в целях формулирования и реализации на основании правового мониторинга соответствующих предложений.

Анализ статистических данных свидетельствует о незначительном количестве случаев возбуждения уголовных дел по части 3 статьи 145¹ УК РФ. Так, в 2010 г. было возбуждено 825 дел по основному составу невыплаты социальных платежей (в том числе в случае частичной или полной невыплаты заработной платы), из которых по квалифицированному составу – 17 дел, в 2011 г. – 690 и 14 дел, в 2012 г. – 624 и 18 дел, в 2013 г. – 578 и 12 дел, в 2014 г. – 613 и 17 дел, в 2015 г. – 914 и 15 дел, в 2016 г. – 1679 и 25 дел, в 2017 г. – 2332 и 25 дел, в 2018 г. – 2136 и 38 дел, в 2019 г. – 1846 и 17, в 2020 г. – 1819 и 15 соответственно. Приведенные данные указывают о крайне небольшом проценте случаев применения квалифицированного состава невыплаты заработной платы и иных социальных платежей. В связи с этим может возникнуть вполне обоснованный вопрос о целесообразности наличия та-

кого отдельного квалифицирующего состава преступления.

По нашему мнению, сама по себе возможность квалификации при наличии к этому соответствующих оснований действий виновного не по основному, а по квалифицированному составу статьи 145¹ УК РФ, влекущему более строгое наказание, несет в себе существенный превентивный эффект, сдерживая правонарушителя от наиболее тяжких случаев невыплаты заработной платы.

Представители юридической науки, учитывая редкое применение квалифицированного состава статьи 145¹ УК РФ, предлагают повысить его эффективность путем указания в нем и на иные квалифицирующие признаки, наличие которых, по их мнению, способно значительно повысить общественную опасность совершенного противоправного деяния. Спектр возможных предложений такого характера достаточно многообразен.

В частности, О. В. Панкратова полагает возможным отнести к числу квалифицирующих признаков преступления такой достаточно просто определяемый на практике элемент как размер невыплаты. Исходя из этого данный автор считает возможным дополнить часть 3 статьи 145¹ УК РФ дополнительными квалифицирующими признаками – причинение крупного и особо крупного ущерба гражданину в результате невыплаты заработной платы и иного социального платежа [15, с. 97–98].

Иного подхода к решению данного вопроса первоначально придерживался Д. Ю. Макаров. В качестве дополнительного квалифицирующего признака он предлагал использовать иной четко определенный критерий – длительный срок неосуществления предусмотренных законом выплат [16, с. 76].

Нам названные предложения представляются не вполне обоснованными. Во-первых, законодатель в частях 1 и 2 статьи 145¹ УК РФ уже частично использовал критерии размера и времени при характеристике невыплаты заработной платы (соответственная частичная невыплата на протяжении более трех месяцев и полная невыплата на

протяжении двух месяцев). Во-вторых, как показывает практика, злостность данных преступлений (связанная с длительностью и объемом неплатежей) со стороны виновного в значительной степени коррелирует с эффективностью деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов по пресечению случаев невыплаты заработной платы и с активной гражданской позицией самих пострадавших граждан по защите своих трудовых прав (путем обращения с иском в суд о взыскании заработной платы, направлении жалоб в компетентные органы государственной власти).

В то же время несогласие с ранее озвученными предложениями по совершенствованию части 3 статьи 145¹ УК РФ не означает, что действующая редакция данной уголовно-правовой нормы оптимальна и исключает любую неопределенность на практике.

В качестве очевидной сложности можно назвать вопрос о содержании субъективной стороны в части 3 статьи 145¹ УК РФ. Точное решение данной проблемы имеет существенное значение для определения границ преступности деяния.

В силу части 2 статьи 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. На основании буквального толкования приведенной правовой нормы можно прийти к выводу, что формы вины в преступлении, закрепленном в части 3 статьи 145¹ УК РФ, могут состоять как в косвенном умысле, так и в неосторожной форме вины в виде легкомыслия либо небрежности.

Анализ научной литературы подтверждает приведенную неопределенность. Например, А. В. Голикова указывает, что если «велика вероятность неблагоприятного материального положения и виновный не только осознает, но и точно знает о возможности наступления тяжких последствий (возможно, потерпевший сам поделится такого рода информацией), относится к их наступлению безразлично, то косвенный умысел вполне вписывается в теорию субъек-

ективного вменения» [14, с. 607]. В. И. Курилов и Н. Г. Иванов полагают, что субъективная сторона анализируемого деяния может характеризоваться лишь косвенным умыслом, указывающим на безразличное отношение к последствиям [2, с. 610].

Вопреки указанному мнению Н. Ю. Гронская, Н. А. Данилова и Е. П. Осипова при анализе уголовно наказуемых случаев невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат приходят к выводу о том, что вина по отношению к тяжким последствиям может заключаться не только в наличии умысла, но и в преступной неосторожности [7, с. 59].

Собственную точку зрения имеет и профессор Н. И. Пикуров, который полагает, что форма вины по части 3 статьи 145¹ УК РФ характеризуется двойной формой вины (статья 27 УК РФ): умыслом по отношению к факту невыплаты заработной платы, пенсии или иных платежей и неосторожностью по отношению к наступлению тяжких последствий. Содержание вины в этом случае состоит в том, что виновное лицо осознает, что задержка с выплатой продолжается более двух (трех) месяцев, тем не менее задерживает выплату, не предвидя возможности наступления тяжких последствий или предвидя такие последствия, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает их предотвратить. В целом преступление считается умышленным [17, с. 204]. Поддерживает его в названной позиции о субъективной стороне рассматриваемого преступления и А. В. Бриллиантов [4, с. 543].

Точку зрения Н. И. Пикурова и А. В. Бриллиантова мы полагаем наиболее верной и учитывающей как конструкцию состава преступления, предусмотренного частью 3 статьи 145¹ УК РФ, так и соотношение данного состава с иными преступлениями. Отношение к последствиям здесь может быть только неосторожным. Сам же квалифицированный состав в части 3 статьи 145¹ УК РФ характеризуется двойной формой вины (статья 27 УК РФ). Если же присутствует умышленное отношение к преступным последствиям, то оно влечет

дополнительную квалификацию по другим статьям УК РФ. В частности, при самоубийстве – по статьям 110 и 110¹ УК РФ.

Принимая во внимание вышеизложенное, в целях исключения излишней неопределенности части 3 статьи 145¹ УК РФ и повышения ее эффективности возможно указание в данной правовой норме примерного, ориентирующего для правоприменителей перечня последствий, которые могут быть отнесены к разряду тяжких. Практика указания такого примерного перечня в УК РФ имеется и достаточно широко используется законодателем (пункт «в» части 3 статьи 126, часть 3 статьи 127, пункт «а» части 3 статьи 127¹). Указанное свидетельствует о направленности законодателя на формализацию достаточно абстрактного понятия «тяжкие последствия» путем установления хотя бы примерного перечисления тех

обстоятельств, которые могут к ним относиться исходя их презумпции равенства их по степени общественной опасности. Такого подхода придерживаются и другие специалисты по проблемам криминальных неплательщиков заработной платы и иных социальных выплат [18, с. 119; 19, с. 66].

Считаем возможным и дополнительно конкретизировать форму вины к наступившим тяжким последствиям невыплаты заработной платы, что позволит исключить разночтения на практике. Возможная редакция части 3 статьи 145¹ УК РФ может выглядеть следующим образом:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека, дезорганизацию работы предприятия, учреждения или организации либо иные тяжкие последствия, – наказываются...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Приговор мирового судьи судебного участка № 31 Центрального округа г. Комсомольска-на-Амуре от 26 мая 2017 г. № 1-66/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру» : база судебных и нормативных актов (дата обращения: 17.10.2021).
2. Полный курс уголовного права. Т. II : Преступления против личности / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. 682 с.
3. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Э. Жалинского. М. : Эксмо, 2005. 1088 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Инфра-М, 2010. 1392 с.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Т. 2 : Особенная часть (главы I – X). М. : Информ-Право, 2016. 552 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Книжный мир, 2004. 888 с.
7. Гронская Н. Ю., Данилова Н. А., Осипова Е. П. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат (квалификация, расследование). СПб., 2009. 116 с.
8. Соктоева Е. И. Уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (по материалам судебной практики Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
9. Приговор мирового судьи судебного участка № 114 Абинского района Краснодарского края от 17 сентября 2004 г. № 1-18/2004 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру» : база судебных и нормативных актов (дата обращения: 17.10.2021).
10. Приговор мирового судьи судебного участка № 214 Гагаринского судебного района г. Москвы от 26 мая 2017 г. № 01-0013/214/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру» : база судебных и нормативных актов (дата обращения: 17.10.2021).
11. Приговор мирового судьи судебного участка № 70 Куйтунского района Иркутской области от 2 мая 2017 г. № 1-25/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру» : база судебных и нормативных актов (дата обращения: 17.10.2021).

12. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М. : Зерцало-М, 2002. 468 с.

13. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова. М. : Эксмо, 2004. 704 с.

14. Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. СПб. : Издание В. Б. Малинина, 2011. 951 с.

15. Панкратова О.В. Вопросы дифференциации ответственности при назначении наказания за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 1. С. 91 – 98.

16. Макаров Д. Ю. Квалифицирующие признаки невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных предусмотренных законом выплат // Новый юридический журнал. 2015. № 1. С. 73–77.

17. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации : комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева; отв. ред. А. В. Галахова. М. : Городец, 2009. 1168 с.

18. Макаров Д. Ю. Уголовно-правовая охрана прав, связанных с получением вознаграждения за труд и социальных выплат / под ред. Е. В. Кобзевой. М. : Юрлитинформ, 2021. 168 с.

19. Соктоев З. Б., Соктоева Е. И. Уклонение от уплаты социальных платежей. М. : Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. 102 с.

© Курсаев А. В.

УДК 343.281(470)

Е. В. МЕДВЕДЕВ, *заведующий кафедрой уголовного права Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Ульяновск)*

E. V. MEDVEDEV, *Head of a chair of criminal law of Ulyanovsk State University, Candidate of Law, docent (Ulyanovsk)*

НАЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

PURPOSE AND FUNCTIONAL POTENTIAL OF PROBATION

Аннотация. В работе раскрывается функциональное назначение норм, регламентирующих порядок применения условного осуждения, определяется их место в механизме реализации охранительной и восстановительной функций уголовного права. Само условное осуждение рассматривается прежде всего как средство (или инструмент) ресоциализации преступников, использование которого эффективно в отношении не всех осужденных, а только определенной категории лиц – признанных виновными в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. В результате анализа содержания названной меры уголовно-правового воздействия автор приходит к выводу о том, что главным показателем реализации функций испытания в рамках применения условного осуждения является то, что преступник перестает представлять опасность для общества. Индикатором этого выступает его законопослушное, социально ориентированное поведение, характеризующееся в том числе добросовестным соблюдением установленных судом требований к его поведению.

Ключевые слова и словосочетания: условное осуждение, испытание, испытательный срок, уголовно-правовое воздействие, ресоциализация преступников, исправление осужденного, возмещение причиненного ущерба.

Annotation. *The paper reveals the functional purpose of the norms regulating the procedure for applying a suspended conviction, determines their place in the mechanism of implementing the protective and restorative functions of criminal law. The suspended conviction itself is considered primarily as a means (or tool) of resocialization of criminals, using of which is effective against not all convicted persons, but only a certain category of persons-found guilty of committing crimes of small and medium gravity. As a result of the analysis of probation content, the author comes to the conclusion that the main indicator of the implementation of the functions of probation in the framework of the application of a suspended conviction is that the criminal ceases to pose a danger to society. An indicator of this is his law-abiding, socially oriented behavior; characterized, among other things, by conscientious compliance with the requirements established by the court for his behavior.*

Key words and phrases: *probation, probation period, criminal law impact, resocialization of criminals, correction of the convicted person, restoration of damage is caused by crime.*

Условное осуждение – сложный комплексный уголовно-правовой феномен, который сочетает в себе черты сразу нескольких средств уголовно-правового воздействия. Его правоограничительный арсенал включает довольно широкий набор разнообразных инструментов восстановительного, корректирующего и даже карательного характера, в связи с чем может создаться впечатление, что это мультифункциональная мера. Однако такое впечатление обманчиво. Если отталкиваться от заложенного в основу его предназначения «испытания» лица, совершившего преступление, на предмет возможности законопослушного и социально-продуктивного поведения без применения к нему мер репрессии, то главной его задачей видится создание стимулов и возможностей для социализации личности оступившегося преступника, эффективной интеграции его в социально ориентированную среду.

Поэтому условное осуждение должно применяться избирательно [1, с. 12]. Его как не имеющего репрессивной направленности целесообразно оставить лишь для той категории преступников, исправление которых по свойству совершенного деяния (то есть в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести) и личности возможно и без применения мер репрессии [2, с. 122]. Виновные в тяжких и особо тяжких преступлениях такого варианта «полупрощения» не заслуживают, и в большинстве своем их поступки требуют назначения реального наказания. Конечно, бывают исключения, когда посягательство формально относится к категории тяжких преступлений,

но фактически не несет в себе серьезной опасности – но на такие случаи механизм реализации уголовной ответственности предусматривает возможность перевода совершенного деяния судом в категорию менее тяжкого порядка в пределах одного шага.

В иных случаях применение условного осуждения необоснованно. Более того, многими преступниками, признанными виновными в тяжких и особо тяжких посягательствах, его назначение может быть интерпретировано как проявление слабости со стороны государства и воспринято как безнаказанность. Неоправданное доверие к лицам с устойчивой антисоциальной направленностью может спровоцировать совершение ими повторных преступлений. Как показывает практика, такое случается нередко. Конечно, по статистике применение условного осуждения к виновным в особо тяжких деяниях – единичные случаи. Но довольно большой процент (15 %) преступлений, совершаемых осужденными в период испытания, – деяния лиц, находящихся на испытательном сроке по условному осуждению за тяжкие преступления.

В контексте сказанного определенный научный и практический интерес представляет вопрос о возможности и целесообразности назначения условного осуждения в отношении лиц, привлекаемых к ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений в соучастии. Особенно если это касается второстепенных участников преступления, к примеру, пособников, роль которых в достижении преступного результата не слишком велика.

Отвечая на него, думается, нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают, что «если роль лица в совершении особо тяжкого преступления является второстепенной и незначительной (например, в форме пособничества), то суд имеет возможность смягчить наказание, не прибегая к ст. 73 УК РФ. Статья 64 УК РФ позволяет назначить наказание ниже низшего предела или выбрать более мягкий вид наказания, чем предусмотрено законом» [3, с. 69].

Поэтому представляется целесообразным изменить редакцию положений УК РФ о реализации условного осуждения, которые устанавливают основания назначения условного наказания и применения испытания с закреплением в них следующей примерной формулировки в ст. 73 УК РФ: «лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, суд может назначить условное наказание и установить испытательный срок ... и т. д.».

Еще один существенный вопрос – об основаниях применения условного осуждения, который в силу предусмотренных уголовным законом конструктивных особенностей механизма применения условного осуждения в большей степени затрагивает порядок реализации наказания, нежели применения мер испытания. Имеется в виду вопрос о том, какие виды наказаний могут быть условными. В литературе на данном моменте, как правило, не заостряется особого внимания, хотя он имеет важное теоретическое и практическое значение.

При ответе на него нужно учитывать ряд обстоятельств и исходить не только из принципов справедливости, целесообразности применения уголовно-правовых средств, а также их взаимной совместимости, но и функционального потенциала каждого из видов наказания. Думается, что применение условного осуждения будет справедливым, если будет распространяться на все виды основных наказаний, и целесообразным, если будет соответствовать сущности назначенного наказания при условии, что срок его действия будет соразмерным длительности испытательного срока, устанавливаемого в

рамках испытания. Последнее, как представляется, обеспечивает и их совместимость. С учетом всех трех позиций в роли условного наказания могут выступать исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы – собственно, те меры репрессии, которые и предусмотрены на сегодняшний день УК РФ.

Содержание исследуемой меры уголовно-правового характера заключается в установлении ограничений поведения осужденного, суть которых заключается в возложении круга обязанностей на последнего, которые он должен соблюдать в течении испытательного срока, и тем самым доказывать свое исправление. Из того как законодатель сформулировал ст. 73 УК РФ, следует, что испытание может как сопровождаться принуждением виновного к выполнению конкретных общественно полезных поступков или воздержанию от совершения нежелательных действий, так и не предусматривать каких-либо правил поведения, требующих неукоснительного их исполнения. Этот вопрос отдается на усмотрение суда. При его решении как раз и приобретает особое значение учет особенностей личности виновного, которые многие авторы относят к числу основных критериев применения условного осуждения [4, с. 12; 5, с. 27].

Указанное положение уголовного закона представляется нам вполне оправданным со всех точек зрения. Во-первых, совершенно справедливо то, что вопрос об установлении правоограничений, касающихся поведения осужденного, отдан на усмотрение суда. Это именно тот случай, когда УК РФ объективно не может предусмотреть все возможные обстоятельства индивидуализации уголовной ответственности, учитывая всю многогранность и неоднозначность категории «личность». В подобной ситуации выбор инструментов уголовно-правового принуждения в отношении осужденного требует четкого подхода, учитывающего как положительные, так и отрицательные качества индивида, его отношение к социальным ценностям, готовность к прохождению программ ресо-

циализации. Думается, в этом плане никто, кроме суда, непосредственно разбирающего конкретное уголовное дело, не сможет более точно выявить особенности личности преступника и более компетентно решить вопрос о том, какие правоограничения следует в отношении него устанавливать.

Во-вторых, вполне очевидно, что в некоторых случаях может и не возникнуть необходимости в коррекции поведения осужденного, скажем, когда это касается лица, для которого совершение преступления стало исключением из правил и из его обычного, соответствующего всем канонам человеческого общежития, поведения.

На практике такое встречается не редко. Например, случайным преступником может стать примерный семьянин, хорошо зарекомендовавший себя на производстве труженик, активный общественный деятель и т. д., по небрежности которого произошло дорожно-транспортное происшествие, повлекшее тяжкие последствия. Впоследствии виновный активно содействовал раскрытию преступления, оказывал реальную помощь потерпевшему и до вынесения приговора добровольно предпринял все необходимые меры для возмещения причиненного ущерба.

Для такого типа условно осужденных порой достаточно проведения одной воспитательной работы в рамках отношений, регулируемых уголовно-исполнительным правом, то есть в ходе исполнения приговора. При этом с позиции уголовного права подтверждением исправления преступника может стать его не просто законопослушное, а социально ориентированное поведение, демонстрируемое в течение испытательного срока, которое уже само по себе, без возложения указанных выше обязанностей имеет немалое воспитательное значение.

Что касается перечня обязанностей, возлагаемых судом на виновного, то, по нашему мнению, их круг законодатель описал достаточно удачно. Большинство этих требований заимствовано из предыдущих аналогичных положений УК РФ, в том числе касающихся и отсрочки исполнения приговора как раз-

новидности условного осуждения к лишению свободы (ст. 46-1 УК РСФСР 1960 г.). Их эффективность подтверждена многолетним опытным путем и потому не вызывает каких-либо сомнений ни у теоретиков, ни у практиков [6, с. 78].

Правильно, на наш взгляд, разработчики УК РФ поступили и в том, что оставили указанный перечень открытым. С одной стороны, довольно трудно предусмотреть исчерпывающий список рассматриваемых обязанностей, охватывающий все виды жизнедеятельности человека и грани его проявления, в которых бы поведение осужденного следовало ограничить. С другой стороны, иногда особенности личности виновного могут потребовать принятия и нестандартного решения, например, установления ограничения на общение с конкретным лицом во избежание оказания на него неблагоприятного психического воздействия или запрета на приближение к жертве насилия и его родственникам и т. д.

Что касается испытательного срока, назначаемого в рамках рассматриваемой меры уголовно-правового характера, то по поводу его содержания и основных параметров в литературе возникает довольно большое количество вопросов. Один из них – о его законодательной формулировке. В ч. 3 ст. 73 УК РФ говорится: «При назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление». Приведенное выражение законодателя не совсем корректно, хотя смысл его вполне очевиден. Словосочетание «доказать свое исправление» представляется слишком неопределенным и сложным с точки зрения достижения этой задачи на практике, касается больше области внутреннего состояния человека, его психики.

Думается, в рамках того должного поведения, которое предусматривает уголовный закон и устанавливает суд, довольно непросто проследить, как изменяется сознание человека. Соблюдение подобного рода правил не всегда является свидетельством изменения внутреннего мира человека в по-

ложительную сторону. Преступник может выполнять указанные требования и из одного страха перед реальным применением наказания.

Между тем из смысла анализируемых норм уголовного закона следует, что фактическим доказательством исправления выступает правомерное поведение осужденного и надлежащее исполнение возложенных на него обязанностей. Стало быть, как справедливо отмечают некоторые авторы, испытательный срок – это, прежде всего, «установленный законодателем определенный отрезок времени, в течение которого осуществляется испытание лица, совершившего преступление, проверяется возможность достижения превенции при освобождении виновного от реального отбывания назначенного наказания» [7, с. 54].

Надо заметить, что именно об этом, а не об исправлении осужденного говорилось и прежних УК нашей страны. Ранее действующие кодексы видели предназначение испытательного срока в том, чтобы, с одной стороны, осужденный не совершил нового

преступления, а с другой – примерным поведением и честным трудом оправдал оказанное ему доверие.

Приведенная выше позиция, по нашему мнению, выглядит более верной. Полагаем, что основной задачей назначения условного наказания и установления испытания является предупреждение совершения осужденным новых преступлений. При этом важнейшим критерием назначения условного наказания, выступающим одновременно и индикатором эффективности его применения, является, на наш взгляд, тот факт, что осужденный перестает представлять опасность для общества. Поэтому более целесообразным, на наш взгляд, было бы использование вместо нынешней законодательной формулировки указания в соответствующей статье УК РФ, например, на «установление испытательного срока, в течении которого осужденный своим поведением должен доказать, что не представляет опасности для общества». Такое положение, думается, будет более точно соответствовать реалиям объективной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Расторопов С. В. Условное осуждение к лишению свободы : законодательная регламентация, практика применения и исполнения / С. В. Расторопов, А. В. Звонов, Э. В. Лядов [и др.]; под общей редакцией С. В. Расторопова. Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2017. 460 с.
2. Уголовная ответственность и наказание : учебное пособие для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственный редактор А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. Москва : Издательство Юрайт, 2021. 130 с.
3. Новиков В. А. Условное осуждение : современные тенденции и пути совершенствования закона // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 67–70.
4. Расторопов С. В., Звонов А. В. Об универсальности института условного осуждения как меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 12–16.
5. Лаптев Д. Б. О критериях социально-правовой обусловленности иных мер уголовно-правового характера // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 2. С. 26–31.
6. Ткачевский Ю. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Законодательство. 2004. № 8. С. 76–83.
7. Саркисова Э. Я. Воспитательная роль условного осуждения. Минск, 1971. 112 с.

© Медведев Е. В.

М. М. САВЧЕНКО, доцент кафедры экономической безопасности Калининградского государственного технического университета, кандидат экономических наук (г. Калининград)

M. M. SAVCHENKO, Associate Professor of the Department of Economic Security of the Kaliningrad State Technical University, Candidate of Economic Sciences (Kaliningrad)

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА
ПО ОБЪЕКТИВНЫМ И СУБЪЕКТИВНЫМ ПРИЗНАКАМ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FICTITIOUS BANKRUPTCY ON
OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIGNS OF THE CORPUS DELICTI**

Аннотация. В статье анализируются проблемы квалификации фиктивного банкротства по объективным и субъективным признакам состава преступления. На основе анализа сформулирован вывод о том, что к объективным признакам фиктивного банкротства следует отнести обращение субъекта преступления (руководителя организации или гражданина) к неопределенному кругу лиц с сообщением о неспособности выполнить в полном объеме денежные требования контрагентов и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей при том, что он располагает возможностью в достаточном объеме выполнить все свои обязательства. Автором отмечено, что простое обращение через прессу, радио, телевидение или ресурсы сети Интернет к неопределенному кругу лиц с заявлением о несостоятельности лица, совершенное без соблюдения законодательно определенных процедур, не образует признаков преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ. В ходе анализа научной литературы, нормативных источников и правоприменительной практики сформулирован вывод о том, что в интересах повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с криминальными банкротствами целесообразно включить в диспозицию 197 УК РФ расширенные признаки субъектов данного деяния, указав это в примечании к данной статье.

Ключевые слова и словосочетания: квалификация, фиктивное банкротство, объективные признаки состава, субъективные признаки состава, несостоятельность, арбитражный суд.

Annotation. The article analyzes the problems of qualifying fictitious bankruptcy on objective and subjective grounds of the corpus delicti. Based on the analysis, it was concluded that the objective signs of fictitious bankruptcy should include the appeal of the subject of the crime (the head of the organization or citizen) to an indefinite circle of persons with a message about the inability to fully fulfill the monetary requirements of counterparties, and (or) fulfill the obligation to pay mandatory payments, provided that he has the opportunity to sufficiently fulfill all his obligations. The author noted that a simple appeal through the press, radio, television or Internet resources to an indefinite circle of persons with a statement of insolvency of a person, committed without observing legally defined procedures, does not form signs of a crime under Art. 197 of the Criminal Code. In the course of analysis of scientific literature, regulatory sources and law enforcement practice, it was concluded that in the interests of improving the effectiveness of the criminal legal fight against criminal bankruptcy, it is advisable to include in the disposition 197 of the Criminal Code of the Russian Federation extended features of the subjects of this act, indicating this in the note to this article.

Key words and phrases: qualification, fictitious bankruptcy, objective signs of composition, subjective signs of composition, insolvency, arbitration court.

Российская Конституция [1] в статье восьмой гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономи-

ческой деятельности. В интересах эффективной правовой охраны добросовестных субъектов экономики в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] была, в частности, включена статья 197, со-

держащая положения об ответственности за заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб (фиктивное банкротство).

В уголовно-правовой науке существуют разные представления о том, какими именно деяниями виновный может совершить заведомо ложное сообщение о несостоятельности организации или физического лица. Многие юристы, учитывая сущность и цели рассматриваемого преступления, делают вывод о том, что предусмотренные ст. 197 УК РФ действия образуют состав оконченного преступления только при публичном, с соблюдением установленной законодательством процедуры, объявлении о несостоятельности с рассмотрением соответствующего дела по существу арбитражным судом [3, с. 22].

В этой связи сомнительно утверждение об «общественных отношениях в сфере уголовно-правовой охраны законодательно определенного порядка дифференциации конкурсной массы как об обязательном признаке объекта преступления, ответственность за которое предусматривает ст. 197 УК РФ» [4].

В диспозиции статьи 197 УК РФ «Фиктивное банкротство» содержатся признаки ряда составов преступлений, отличающихся исключительно субъектами совершения деяний. По виду диспозиции статья носит бланкетный характер, то есть при ее использовании правоприменителю надлежит обращаться к нормативным правовым актам, которые определяют правовые основания и процедуру банкротства. Общественно опасные последствия, которые выражены в причинении крупного ущерба, указанного в статье (сумма свыше 2 млн 250 тысяч рублей), характеризуют состав преступления как материальный.

Рассматривая элементы состава данного преступления, можно выделить комплекс следующих его признаков.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные от-

ношения в сфере обеспечения нормальной реализации предусмотренного законом порядка признания юридического или физического лица банкротом, а также погашения последним требований и претензий со стороны кредиторов.

Внешняя характеристика признаков преступления, то есть объективная сторона данного состава, выражена четырьмя обязательными признаками. Первым из них выступает общественно опасное действие, а именно – публичное заведомо ложное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данной организации, либо физическим лицом (в частности, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя) о неспособности удовлетворить требования кредиторов. Второй признак: общественно опасные последствия в виде материального ущерба, размер которого в соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ должен составлять больше 2 млн 250 тыс рублей. В связи с тем что рассматриваемое преступление имеет материальный состав обязательным признаком объективной стороны, третьим признаком выступает причинная связь между действиями лица, совершившего преступление, и причиненным ущербом. Неотъемлемым признаком вышеуказанного элемента состава преступления является и способ его совершения. В диспозиции анализируемой нормы указывается, что действие лица по заведомо ложному объявлению о своей несостоятельности должно носить публичный характер. Раскрывая термин «публичность», некоторые ученые характеризуют его как совершенное любым способом, в том числе с использованием электронных коммуникационных систем, обращение к неограниченному числу лиц, с которыми субъект преступления не обязательно состоит в договорных и иных правовых отношениях [5].

Уголовная ответственность за фиктивное банкротство наступает в случае указанного официального сообщения (публикации, сделанной в установленном порядке). Заслуживает внимания точка зрения, согласно которой сообщение о несостоятельности

может быть выражено и в размещении соответствующей информации в общедоступных и профессиональных средствах массовой информации, и в обращении лица в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом. Однако с точки зрения систематического и грамматического подходов к толкованию уголовного закона выглядит обоснованным мнение о том, что общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 197 УК РФ, выражается только в совершении юридически значимых, процессуально закрепленных действий, соответствующих нормам законодательства о несостоятельности [6], а сообщение о несостоятельности [6], а сообщение о несостоятельности, форма которого не соответствовала требованиям законодательства, не образует признака фиктивного банкротства, но может при наличии необходимых элементов образовать состав другого преступления [7].

По мнению В. И. Морозова и С. Л. Цыганкова, фиктивность применительно к банкротству стоит понимать только как способ утаивания подконтрольного виновному имущества и (или) имущественных прав. Стоит отметить, что, по их мнению, этот способ сам по себе еще не определяет противоправность объявления о несостоятельности юридического или физического лица [7]. В случаях, если отсутствует фактическое сокрытие имущества лица, либо имущество у лица отсутствует как таковое, «фиктивность» не представляет общественной опасности [8]. Также указанные специалисты полагают, что диспозиция, содержащаяся в статье «Фиктивное банкротство», не соответствует современным экономическим реалиям, поскольку в момент ее введения в УК РФ она основывалась на ныне утратившем силу Законе РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19 ноября 1992 г. № 3929-1, в котором определялся процесс признания несостоятельности организации. Предусмотренная действующим законодательством процедура признания несостоятельности юридических и физических лиц ставит под сомнение возможность квалифицировать соответствующее деяние лица как преступление. В связи с этим в научных кругах периодически даже возникает вопрос о целесообразности нахож-

дения данной нормы в перечне запрещенных уголовным законом преступных деяний [9]. По крайне спорному, с нашей точки зрения, мнению, данная статья является архаизмом, в связи с чем следовало бы исключить ее из уголовного закона.

Современное законодательство, обеспечивающее возможность выявления признаков заведомо ложного, преднамеренного, фиктивного банкротства, требует анализа и изменения имеющихся методик по обнаружению замаскированных противоправных действий со стороны лиц, замысливающих фиктивное банкротство [10]. Усовершенствованная методика позволила бы более точно установить факт совершения преступления, выявить и задокументировать признаки его состава, прежде всего, установить алгоритм действий по причинению ущерба, а также причинно-следственную связь между деянием и последствиями.

Полагаем, что для установления наличия или отсутствия фактов ложного банкротства целесообразно определять обеспеченность краткосрочных обязательств должника через активы, которые находятся в его ведении. Состояние краткосрочных обязательств лица по отношению к его оборотным активам описывается как отношение размера задействованных денежных средств, за исключением НДС (налога на добавочную стоимость) по приобретенным средствам производства к размеру краткосрочных пассивов, то есть обстоятельств, которые приносят убытки или не влекут за собой извлечение выгоды (не являющиеся эффективными), однако при рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать, что в данные обстоятельства не входят доходы от хозяйственной деятельности в будущих периодах, фондов потребления и резервов предстоящих расходов и платежей.

На основании вышеизложенного, полагаем, при рассмотрении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за фиктивное банкротство уделять внимание установленному размеру обеспеченности краткосрочных обязательств лица, подлежащего признанию несостоятельным, его оборотными активами.

Таким образом, в случаях, когда величина обеспеченности краткосрочных обязательств лица его оборотными активами равна или больше единицы, в действиях такого лица присутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ. Соответственно, признаки данного преступления отсутствуют при обеспеченности краткосрочных обязательств должника его оборотными активами меньше единицы.

Недостаточный объем судебных решений по соответствующим уголовным делам [11] до сих пор осложняет задачу определения круга признаков, указывающих на то, что должник не в состоянии в положенный срок погасить свои задолженности перед частными контрагентами и выполнить обязанности по уплате обязательных платежей [12].

Часто злоумышленники выводят активы организации помимо тех расчетных счетов в банках, которые в общем случае должны использоваться при процедуре признания несостоятельности. При этом могут реализовываться: получение через кассу денежных средств подконтрольными лицами с фиктивной целью закупки сырья, деталей механизмов, упаковочных материалов и т. д.; производство с использованием «давальческого» сырья; хозяйственные договоры о бартерном обмене товара на товар; покупка с последующей реализацией высоколиквидных ценных бумаг; заключение гражданско-правовых договоров уступки права требования (цессия) [13].

В результате такой схемы преступных действий еще одна организация, имеющая в активе неликвидное имущество, а в пассиве – безнадежную кредиторскую задолженность (в том числе по расчетам с бюджетом и внебюджетными фондами), оказывается неспособна расплатиться с долгами [14, с. 160].

Одновременно с этим может реализовываться выборочное погашение тех долгов «важным» контрагентам и работникам, которые лицо считает лично для себя обязательным погасить (происходит по сути «селекционная реструктуризация»). Далее «недобросовестная» организация официально требует процедуры банкротства в отношении организации-должника [15].

Последний этап реализации преступного умысла включает в себя официальную процедуру конкурсного производства, в результате которой инициатор фиктивного банкротства получит возможность на формально законных основаниях уклониться от выплаты большей части своих долгов (или вообще не платить) при сохранении в своем распоряжении подавляющего объема свободных активов прежнего должника [13].

Итак, по смыслу законодательной диспозиции, фиктивное банкротство представляет собой заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно физическим лицом (в том числе имеющим статус индивидуального предпринимателя) – о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Е. Н. Разыграевой было предложено расширить перечень лиц, способных быть субъектами криминальных банкротств [16], в связи с тем, что реальной возможностью совершения анализируемых деяний располагают и арбитражные управляющие, руководители ликвидационных комиссий (ликвидаторов), и руководители временной администрации кредитной организации.

По смыслу действующего законодательства арбитражные управляющие не относятся к специальным субъектам составов криминальных банкротств. В то же время арбитражный управляющий фактически имеет полномочия руководителя организации-должника и несет всю полноту ответственности, предусмотренной нормативными правовыми актами России для руководителя такого уровня.

Представляется, в связи с этим, что в случаях прямого указания закона о возложении на арбитражных управляющих полномочий руководителей организаций, действие ст. 197 УК РФ должно распространяться и на них. В Законе о банкротстве [17] такое положение содержится применительно к процедурам внешнего управления (абз. 2, 4 п. 1 ст. 94) и конкурсного производства (п. 1 ст. 129).

К лицам, обладающим свойствами субъекта преступления, предусмотренного ст.

197 УК РФ, следует отнести и руководителя временной администрации организации, который, получив распорядительные функции в связи с отстранением от должности предыдущего ее руководителя, имеет реальную возможность по совершению действий, нарушающих интересы не только кредиторов, но и самой данной организации. Возможности по совершению действий, подпадающих под признаки рассматриваемых преступлений, имеют также руководители ликвидационных комиссий (ликвидаторов) и бухгалтеры, однако в судебной практике просматривается тенденция относить к контролирующим лицам только тех, кто лично влияет на заключение сделок и на их существенные условия, признавая главного бухгалтера только техническим исполнителем документов, который не мог определять действия должника. Примером может служить Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 февраля 2019 г. № А56-68090/2014 [18].

По мнению Е. Н. Разыграевой, целесообразно расширить в диспозиции 197 УК РФ перечень возможных субъектов фиктивного банкротства [16]. Например, определить их как «лиц, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия», указав в примечании к данной статье, кто именно относится к данной категории субъектов (в том числе лиц, уполномоченных на совершение юридически значимых действий, руководителем организации).

Следует отметить, что при технико-юридическом конструировании нормы следует указывать термины, которые будут единообразно восприниматься правоприменителем, в связи с чем возникает необходимость в изложении ясного, четко сформулированного смысла понятий, используемых в нормах права [19, с. 88].

Также представляется, что ущерб при фиктивном банкротстве можно считать причиненным с момента выполнения соответствующего решения суда, принятого в процессе конкурсного производства, которое на формально законных основаниях дало должнику льготы по возврату задолженности, в том числе в связи с исполнением заключенного сторонами мирового соглашения. При этом признаком, определяющим фиктивность банкротства, является наличие у должника на момент подачи в арбитражный суд заявления о признании его несостоятельным необходимых хозяйственных возможностей и денежных средств для выполнения своих обязательств [20, с. 130].

Таким образом, буквальное толкование рассматриваемой уголовно-правовой нормы позволяет определить объективную сторону предусмотренного ей преступления как обращение субъекта преступления (руководителя организации или гражданина) к неопределенному кругу лиц с сообщением о неспособности выполнить в полном объеме денежные требования контрагентов и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей при том, что он располагает возможностью в достаточном объеме выполнить все свои обязательства [21]. При этом важно отметить, что простое обращение через прессу, радио, телевидение или ресурсы сети Интернет к неопределенному кругу лиц с заявлением о несостоятельности лица, совершенное без соблюдения законодательно определенных процедур, не образует признаков преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ. В дополнение отметим, что в интересах повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с криминальными банкротствами целесообразно включить в диспозицию 197 УК РФ расширенные признаки субъектов данного деяния, указав в примечании к данной статье, кто именно к ним относится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС Консультант-

Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=100016%2C0#c5GbJmSbOOFIIf16> (дата обращения: 01.10.2021).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=8A2AA531E6F158D239A439B163CE990C&base=LAW&n=389325&cacheid=998FA1EB2C3E03F19D75AE9AAEC8A991&mode=rubr#T9YcJmSeiSBJ6Vtb2> (дата обращения: 01.10.2021).

3. Шафалович Я. И. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 5. С. 21–25.

4. Кубанцев С. П. Уголовно-правовая характеристика объекта преступления в сфере банкротства // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 88–92.

5. Осокин Р. Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.

6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

7. Морозов В. И., Цыганков С. Л. Генезис и особенности квалификации фиктивного банкротства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (34). С. 42–49.

8. Трунцевский Ю. В., Чесноков А. А. Некоторые проблемы использования источников информации о злоупотреблениях в процедурах банкротства // Алтайский юридический вестник. 2015. № 2 (10). С. 111–114.

9. Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности : административная преюдиция в действии : монография / М. А. Лапина и др.; под ред. д-ра юрид. наук, профессора М. А. Лапина. М. : Юстиция, 2016. 222 с.

10. Осокин Р. Б., Чирков Е. В. Уголовно правовой инструментарий в системе валютного регулирования и контроля Российской Федерации : развитие на перепутье // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 120–125.

11. Трунцевский Ю. В., Карпович О. Г. Теория и современные практики комплаенса. Модели противодействия криминальным угрозам. М. : ЮНИТИДАНА : Закон и право, 2016. 407 с.

12. Абдуллаев А. А. Проблемы выявления фиктивного банкротства в России // Стратегии бизнеса. 2018. № 3 (5). С. 6–9.

13. Барткова Н. Н., Саков А. С. Нормативно-правовые основы выявления признаков преднамеренного (фиктивного) банкротства организации // Бухгалтер и закон. 2013. № 4. С. 21–23.

14. Единые Государственные стандарты по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов Российской Федерации / В. И. Авдийский, В. М. Безденежных, В. А. Дадалко и др.; под ред. В. И. Авдийского. СПб. : СоветникЪ, 2014.

15. Осокин Р. Б., Немтинов Д. В. К вопросу признаков преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 121–128.

16. Разыграева Е. Н. Криминальные банкротства : вопросы определения субъектного состава // Вестник КемГУ. 2015. № 4-2 (64). С. 240–245.

17. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

18. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).

19. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. К вопросу о доказывании преступлений против собственности, совершенных с причинением значительного ущерба : проблемы и пути их решения // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : сборник научных статей / отв. ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадников. М. : ИД «Юриспруденция», Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020.

20. Назаренко А. Е., Примаков А. М. Определение признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 4 (4). С. 130.

21. Осокин Р. Б. Организационно правовые проблемы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и роль органов прокуратуры в их решении // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 133–144.

УДК 343.85:[343.301:004.77](470)

А. М. ХАФИЗОВА, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Казань)

A. M. KHAFIZOVA, associate professor at the department of criminal law Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (Kazan)

С. А. ЗАРЕЦКАЯ, адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (г. Казань)

S. A. ZARETSKAYA, Adjunct of the Department of Criminology and Criminal Executive Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Kazan)

**СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**MODERN LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION REGULATING
THE PREVENTION OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED USING
THE CAPABILITIES OF THE INTERNET**

Аннотация. В статье проводится анализ современного законодательства Российской Федерации в области противодействия и предупреждения преступности, связанной с совершением действий, направленных на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, равно принадлежности к какой-либо социальной группе, а также на индукцию ненависти и вражды, совершенных посредством сети Интернет. На основе действующего законодательства и анализа метаданных исследуемого вопроса обозначены направления развития методов информационного противодействия идеологии экстремизма в сети Интернет и предложены рекомендации по эффективной реализации комплексных мер по предупреждению и противодействию преступности экстремистской направленности с участием всех правоохранительных органов совместно с иными государственными, муниципальными органами.

Ключевые слова и словосочетания: экстремизм, информационные технологии, сеть Интернет, информационно-телекоммуникационные сети, компьютерная информация, законодательство, противодействие экстремизму.

Annotation. The article analyzes the modern legislation of the Russian Federation in the field of combating and preventing crime associated with the commission of actions aimed at humiliating the dignity of a person or a group of persons based on gender, race, nationality, language, origin, attitude to religion, as well as belonging to any social group committed through the Internet. On the basis of the current legislation and the analysis of the metadata of the issue under study, directions for the development of methods of information counteraction to the ideology of extremism on the Internet are outlined and recommendations are proposed for the effective implementation of comprehensive measures to prevent and counteract extremist crime, with the participation of all law enforcement agencies in conjunction with other state and municipal bodies.

Key words and phrases: extremism, information technologies, Internet networks, information and telecommunication networks, computer information, legislation, countering extremism.

В современном мире глобальная сеть Интернет аккумулирует значительные объемы экстремистской информации, которая зачастую представляет интерес для обычных пользователей, в том числе подростковой аудитории. В условиях стремительного развития технологий большая часть человечества является интернет-зависимыми в многочисленных сферах. В этом ключе значительный рост и распространение новых информационных технологий затрудняют процесс своевременного реагирования со стороны правоохранительных органов [1, с. 9].

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., важным принципом является обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационно-телекоммуникационной среде [1, с. 13]. В настоящее время, основным способом массового общения и самореализации для значительной части населения стали форумы, блоги и социальные сети. Непрерывный процесс роста численности пользователей сети Интернет закономерно порождает их зависимость от информационного сообщества и уязвимость от разного рода киберпосягательств, также возрастает вероятность стать жертвой от подобных преступлений.

В свою очередь, нельзя не отметить криминогенную ситуацию на современном этапе, особенностью которой является стремительный рост преступности экстремистской направленности совместно с совершением противоправных деяний с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий (социальных сетей, платежных систем и др.). Необходимо отметить, что рассматриваемые виды преступлений, отличаются высоколатентностью в силу того что, при пользовании сетью Интернет, как правило, используются средства анонимности, что является препятствием при установлении личности пользователя.

Кроме того, на основе приведенных статистических данных (динамика пре-

ступлений рассматриваемой категории за 2018–2020 гг.), Интернет-пространство является основной средой коммуникации для экстремистских организаций. Так, например, в 2018 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 1265 преступлений экстремистской направленности, в том числе 1015 [2, с. 11] – с использованием возможностей сети Интернет. Удельный вес преступлений, непосредственно совершенных посредством возможностей сети Интернет, составил 80,2 %. В 2019 г. было зафиксировано 585 рассматриваемых преступлений, 310 из которых – с использованием сети Интернет (их удельный вес 53 %).

Тенденция роста рассматриваемых преступлений в 2020 г. (по сравнению с 2019 г.) доказывает необходимость оптимизации форм, методов и средств профилактики рассматриваемых преступных деяний, в первую очередь совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет.

В 2020 г. в России зарегистрировано 833 преступления экстремистской направленности, 473 из которых совершены с использованием сети Интернет (удельный вес составил 56,8 %). В связи с этим отмечается причинно-следственная связь между качеством структуры преступности экстремистской направленности и количеством видов современных информационных технологий.

Таким образом, необходимость и значимость анализа настоящего законодательства Российской Федерации по предупреждению преступлений экстремистской направленности обусловлены необходимостью своевременного повышения эффективности мер противодействия рассматриваемых преступлений в соответствии с неудержимо быстрым развитием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе возможностей сети Интернет, а также тенденций роста интернет-зависимости граждан различного возраста, в большинстве своем молодежного контингента. Кроме

того, совершенствование законодательства Российской Федерации в рассматриваемой сфере в части, касающейся пресечения производства и дальнейшего распространения экстремистских материалов с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сети Интернет, является наиболее значимым мероприятием.

Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2020 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» на сегодня является основным нормативно-правовым актом, который определяет структуру защиты конституционного строя Российской Федерации от противоправных посягательств экстремистской направленности. Однако в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом указано понятие экстремизма как «какого-либо деяния, направленного на насильственный захват власти или удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

В связи с этим, отмечаются основные признаки, характеризующие экстремистскую деятельность:

– применение (либо угроза применения) насилия для достижения предъявляемых требований или выдвигаемых целей;

– манипулирование сознанием общества или отдельных его членов, предложение более упрощенных вариантов решения, возникающих на определенном этапе общественных проблем;

– наличие различных видов идеологии: национальной, расовой, социально-политической, а также религиозной ненависти или вражды.

В Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» даются многочисленные понятия экстремизма, согласно которым под экстремизмом следует понимать все проявления

политической, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, кроме того наличие признака выбора насилия в качестве средства достижения целей, а также терроризм в любых его проявлениях.

При исследовании признаков, характеризующих преступность экстремистской направленности, в особенности совершаемых на стадии подготовки и осуществления преступных действий по дестабилизации социально-политической обстановки, необходимо выделить в качестве методов совершений рассматриваемых деяний призывы. В соответствии с Уголовным кодексом РФ публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) – это также деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе возможностей сети Интернет (ч. 2 ст. 280 УК РФ).

Как известно, призывы классифицируются на «прямые» и «косвенные». Прямые призывы отличаются от косвенных наличием признака открытой коммуникации, последние в свою очередь представляют собой возможность скрыть цель высказывания, нередко применяя ложные утверждения и косвенную провокацию. На основе анализа судебной практики косвенные призывы не влекут уголовной ответственности, что объясняется неопределенностью их формулировок и трудностями в доказывании. В соответствии с уголовно-правовой наукой обязательным признаком объективной стороны является способ распространения призывов – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). В ч. 1 и в ч. 2 диспозиции рассматриваемой статьи имеется формулировка: «в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Изменения, внесенные в указанную статью в 2018 г. (Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ), коснулись в большей части так называемых «репостов», что повлияло в дальнейшем на динамику

преступлений экстремисткой направленности и высокую степень латентности исследуемой категории преступлений.

Возбуждающей признается информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической, расовой, конфессиональной группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них. Комментарий постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в пункте 8 гласит: «не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных и иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе».

Стоит отметить, что современное общество характеризуется высокой степенью информатизации. В этой связи одним из значимых субъектов предупреждения преступлений экстремистской направленности можно выделить средства массовой информации (далее – СМИ). Именно СМИ являются эффективным инструментом для формирования массового сознания общества, целью которого, как правило, является осуществление национальных, экономических, политических и иных задач, в том числе как с положительным, так и с отрицательным оказываемым влиянием.

При этом преимущественно преступления экстремистской направленности совершаются посредством размещения в сети Интернет информации, содержащей в себе призывы к совершению деяний, исключительно основанных на индукции нетерпимости по признаку расы, национальности, религии и т. д. В этой связи при формирова-

нии эффективного комплекса мер предупредительного воздействия на преступления экстремистского характера особое внимание стоит уделить электронным, телекоммуникационным ресурсам, основу которых составляет сеть Интернет. И выделить в качестве эффективной меры предупреждения преступлений экстремистской направленности применение цензуры в отношении средств массовой информации со стороны государственных органов и общественных организаций [3, с. 34]. Например, направление в адрес провайдеров интернет сайтов, содержащих информацию противоправной направленности, актов прокурорского реагирования (представлений) с заключениями соответствующих специалистов о наличии оснований к ограничению доступа конкретных сайтов.

В ходе данного исследования нельзя не отметить специфику мер специально-криминологического предупреждения экстремизма. Например, необходимость мер оптимизации информационной политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в рамках предупредительного воздействия на экстремизм (специальные рекламные акции об опасности идеологии экстремизма и публикации их в средствах массовой информации), эффективное взаимодействие подразделений органов внутренних дел с населением в вопросах предупреждения экстремизма, в том числе приобщение граждан к активному участию в подобной деятельности [4, с. 30].

На современном этапе уже имеются результаты работы по совершенствованию законодательства в рамках «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», а именно предложения изменить и дополнить ст. 13 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и ст. 5 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2005 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» следующими поправками: «наделить федеральные органы государственной власти полномочиями осуществлять информацион-

но-психологическую, информационно-техническую профилактическую работу воспитательного и пропагандистского характера в целях противодействия экстремистской деятельности». При этом предлагается предоставить право органам внутренних дел на реализацию вышеуказанных мер.

В этой связи одной из приоритетных предупредительных мер преступности в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации является создание и совершенствование нормативно правовой базы по взаимодействию между ведомствами в вопросах борьбы с киберпреступностью, в частности, связанной с экстремистской деятельностью. На данный момент законодательная база в сфере межведомственного взаимодействия по вопросам киберпреступности, а также о совместной работе с организациями, предоставляющими доступ к телекоммуникационным сетям и сетям Интернет отсутствует. Кроме того, действующее законодательство в настоящее время не регламентирует организацию и проведение специальных мероприятий правоохранительными органами, направленных на информирование общества, целью которых являются информационное воздействие на участников экстремистских группировок и организаций, а также на лиц, содействующих им. Однако определяет одним из приоритетных направлений профилактики распространения идеологии экстремизма через непосредственную работу с лицами, легко поддающимися влиянию, а также предусматривает меры противодействия распространению экстремистских взглядов в сети Интернет (включая социальные сети).

Таким образом, представляется необходимым принятие нормативного правового документа, регламентирующего пробелы взаимодействия по рассматриваемым вопросам. В силу того, что преступления в сфере высоких технологий в основном своем объеме расследуют органы внутренних дел, а преступления террористической и экстремистской направленности – Федеральная служба безопасности России [5, с. 112], целесообразно создать, например, координационный совет из межведомственных следственных групп для расследования кибертерроризма и киберэкстремизма.

Приведенный выше комплекс мер поможет правоохранительным органам охватить многочисленную аудиторию граждан, тем самым повысить их осведомленность и бдительность в вопросах опасности идеологии экстремизма, а также, в свою очередь, сможет выступить гарантом принятия соответствующих целевых программ на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В заключение следует отметить, что правоохранительные органы Российской Федерации на современном этапе рассматривают противодействие экстремизма как одно из приоритетных направлений деятельности, однако эффективное предупредительное воздействие на преступность экстремистской направленности возможно при оптимальной реализации правовых и предупредительных мер комплексного характера совместно с правоохранительными, иными государственными, общественными и муниципальными органами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаталов А. С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 9–15.
2. Форма федерального статистического наблюдения № 1-ФЭТ (код 256) «Сведения о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности» (за 2018 год), утвержденная приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 3 июля 2018 г. № 393 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-ФЭТ».
3. Петрянин А. В. Криминологическая характеристика преступлений экстремистской направленности: методические рекомендации. Н. Новгород, 2015.

4. Борисов С. В., Беляева Т. Н. Оптимизация деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов по обеспечению конституционных прав человека и гражданина в сфере противодействия экстремизму // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 28–30.

5. Баранов В. В., Алексеров В. И. Телекоммуникация и киберпространство как средство преступления экстремистской и террористической направленности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С.110–112.

© Хафизова А. М.

© Зарецкая С. А.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1(470):341.492

Р. Ш. БОГАТКИНА, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Казань)

R. SH. BOGATKINA, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (Kazan)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS AND LEGAL REGULATION DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Автор исследует три основных уровня правового регулирования уголовного судопроизводства: международные договоры и соглашения; национальное законодательство; ведомственные нормативно-правовые акты. В статье выявлены проблемы и особенности осуществления международного сотрудничества правоохранительных органов, названы основные причины несоответствия внутригосударственного законодательства нормам международного права. На основании проведенного исследования предложены основные направления дальнейшего развития международного сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: международная правовая помощь, международный договор, иностранное законодательство, уголовное судопроизводство, кодификация.

Annotation. The author has studied three main levels of legal regulation of criminal proceedings: international treaties and agreements; national legislation; departmental normative legal acts. The article identifies problems and main features of the implementation of international cooperation of law between foreign countries. The author called the main reasons for the non-compliance of domestic legislation with the norms of international law. On the basis of the study, we proposed the main directions of further development of international cooperation in this field.

Key words and phrases: international legal assistance, international treaty, foreign legislation, criminal criminal justice, codification.

Актуальность правового регулирования осуществления международного сотрудничества между Российской Федерацией и иностранными государствами трудно переоценить. Всеобщая глобализация, расширение торговых, экономических, культурных и политических отношений между странами в публично-правовой сфере, а также возможность практически беспрепятственно пересекать государственные границы, развитие туризма и укрепление брачно-семейных отношений в частно-правовой сфере диктуют необходимость обеспечения безопасности государств и его субъектов. Обеспечение защиты и предоставление правовых гарантий гражданам различных государств возможны путем тесного сотрудничества между правоохранительными органами зарубежных стран. В свою очередь, взаимодействие различных государственных органов может быть осуществлено только при условии формирования прочной нормативно-правовой базы как на международном уровне, так и в рамках национально-правовой системы.

Сегодняшняя национальная правовая система не может развиваться изолированно от международного права, ее односторонность и ограниченность не может адекватно отвечать современным реалиям. Российская Федерация в лице официальных лиц неоднократно подчеркивала свою приверженность международному праву, знанию соблюдения принципа добросовестного выполнения международных обязательств. Эффективное законодательство является важным фактором повышения социально-политической культуры, экономического развития, улучшения общественной жизни. Вместе с тем законодательство одновременно должно иметь и критическую, и практическую направленность.

Эффективность правового регулирования зависит не только от международного права, скорее, от комплексного использования достижений национального и международного законодательства. К сожалению, текущее положение дел не отвечает современным требованиям. Обращают на себя внимание два негативных момента.

Первый – это разобщенность, компартиментализация правовых систем разных стран. Даже близкие друг другу правовые системы развиваются изолированно. Второй – правовые системы остаются в значительной степени национально ограниченными. Законодательным органам необходимо обращать внимание на мировые тенденции, учитывать опыт зарубежных стран, активнее привлекать юристов-международников.

Статистические данные, приводимые Генеральной прокуратурой Российской Федерации, подтверждают необходимость пристального внимания к данному вопросу. Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 38 598 преступлений, из которых 34 323 – гражданами государств-участников СНГ, что составило 88,9 % от всех преступлений, совершенных негражданами России. Количество преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, за анализируемый период возросло на 7,7 % и составило 15 816 преступлений [1] за январь–декабрь 2018 г., за аналогичный период 2019 г.: иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 34 917 преступлений, из которых 31 019 – гражданами государств-участников СНГ, что составило 88,8 % от всех преступлений, совершенных негражданами России. Количество преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, за анализируемый период возросло на 6,3 % и составило 16 810 преступлений [2].

В Генеральную прокуратуру Российской Федерации поступает более 10 000 документов о выдаче преступников в правоохранительные органы иностранных государств ежегодно. Поступающие материалы в сфере уголовного судопроизводства затрагивают любые вопросы, касающиеся компетенции Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам. Генеральная прокуратура Российской Федерации, в свою очередь, направляет около 40 запросов о выдаче лиц в

уполномоченные правоохранительные органы иностранных государств, а самостоятельно рассматривает свыше 1 500 аналогичных иностранных запросов. Развитие международного права имеет длительную историю, международные договоры не проходят через значительные изменения в отличие от внутригосударственных норм, общественные отношения в международно-правовой сфере не подвергнуты постоянной динамике, тем не менее у преступников сохраняется возможность избежать уголовной ответственности в государствах, с которыми отсутствует официальное сотрудничество в уголовно-правовой сфере. Предотвратить угрозу распространения организованной преступности в международных масштабах как для российского государства, так и для международного сообщества возможно путем консолидации усилий мирового сообщества и международных организаций.

Международное сотрудничество в уголовно-правовой области – это официально закрепленные и согласованные действия государств в лице уполномоченных государственных органов, направленные на оказание правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства. Оно осуществляется посредством совместного уголовного преследования, разрешения уголовных дел, признания судебного приговора, а также исполнения отдельных запросов о международной правовой помощи по уголовным делам.

Правовая регламентация данного вопроса подчиняется трем основным уровням правового регулирования: 1) международно-правовые акты; 2) федеральное законодательство; 3) ведомственные нормативно-правовые акты.

Международно-правовые акты, регламентирующие правовую помощь по уголовным делам, носят комплексный характер, поскольку своим регулированием могут охватывать целый пласт общественных отношений, традиционно относящихся и к правовой помощи по уголовным делам, и к смежным отраслям права. Их основная задача – детализировать универсальные нормы,

повысить эффективность сотрудничества правоохранительных органов разных стран. Смежный характер международно-правовых актов обуславливает их субсидиарное воздействие на уголовно-процессуальные отношения [3; 4; 5; 6; 7]. В СНГ в 1993 г. была заключена Минская конвенция о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (далее – Минская конвенция) [8].

Следует обратить внимание на то, что сотрудничество государств в уголовно-правовой сфере, учитывая специфику данной категории отношений, предполагает более высокую результативность при наличии двусторонних соглашений и договоров. Двусторонние договоры наделяют государства конкретными обязательствами, детально регламентируют данную сферу отношений, нередко содержат конкретный механизм реализации полномочий и письменно фиксируют намерения государств. В настоящее время Россией заключено около восьмидесяти двусторонних соглашений об оказании правовой помощи по уголовным делам. К ним относятся договоры со следующими странами: Республикой Кыргызстан (1992 г.), Азербайджанской Республикой (1992 г. и 1994 г.), Социалистической Республикой Вьетнам (1981 г.), Греческой Республикой (1981 г.), Республикой Кореей (1999 г.), Республикой Кубой (1984 г.), Эстонской Республикой (1993 г.) и др. Двусторонние соглашения способствуют более тесному сотрудничеству государств, удостоверяют взаимность при реализации процессуальных решений, подробно регламентируют обязательства компетентных правоохранительных органов, ответственных за реализацию норм о правовой помощи.

Как было отмечено выше, борьба с преступностью в большей степени внутреннее дело государства, поэтому основная доля законодательных актов в борьбе с преступностью приходится на национальные законы. Однако это не означает «изолированность» национального законодательства от международных стандартов и правил. В противном случае, мы будем вынуждены конста-

тировать снижение эффективности работы по противодействию транснациональной преступности. Несмотря на наличие в новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2002 г. [10] части 5, которая включает различные аспекты международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, данная область не лишена недостатков и нуждается в комплексном и согласованном улучшении.

И, наконец, к третьей сфере правового регулирования относятся ведомственные нормативные правовые акты, которые более подробно регламентируют порядок оказания правовой помощи по уголовным делам. Например, приказ МВД России от 1 июля 2011 г. № 780 «Об утверждении Положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изм. от 14 февраля 2020 г. приказом МВД № 67) [11]. Одной из задач специализированных ведомственных департаментов является предоставление информации о действующем или утратившем силу законодательстве запрашиваемого иностранного государства.

В России функционирует Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в состав которого вошли управление экстрадиции, управление правовой помощи и управление международного права. В составе Главного управления международно-правового сотрудничества создан отдел международного сотрудничества по особо важным делам. В управлении правовой помощи Главного управления международно-правового сотрудничества образован отдел правовой помощи и приграничного сотрудничества с государствами Восточной Азии.

К сожалению, деятельность специализированных правоохранительных органов в сфере международного уголовного судопроизводства не всегда отвечает современным реалиям. Это связано не с отсутствием должной компетенции сотрудников, а, скорее всего, их немногочисленным числом в рамках отдельного государства. Однако выход из

сложившейся ситуации видится отнюдь не в количественном увеличении, а в большей степени в профессиональной подготовке и повышении квалификации действующих сотрудников. Не секрет, что судьи, следователи, дознаватели не обязаны применять нормы иностранного права, более того, их профессиональная компетенция не предъявляет обязательное знание этих норм. В случае появления необходимости применения нормы иностранного права судья может обратиться с запросом в Министерство юстиции за соответствующим разъяснением. Система образования Российской Федерации должна быть направлена на подготовку специалистов, соответствующих требованиям современной жизни. Общеизвестно, что учебный план в вузах подразумевает небольшое количество часов, отводимое изучению международного права. Было бы разумным введение отдельных спецкурсов в сфере международного уголовного судопроизводства, оказания правовой помощи по уголовным делам, изучения зарубежного уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Помимо повышения правовой культуры и общего кругозора будущих сотрудников внутренних дел, юристов-правоведов, судей, погружение в такие спецкурсы способствует и расширению практических навыков применения норм зарубежного права.

Принцип взаимности выполняет важную роль в межгосударственных отношениях. Данная сфера сотрудничества не является исключением. В случаях возникновения необходимости оказания правовой помощи по уголовным делам и одновременного отсутствия международного соглашения между заинтересованными государствами официальные отношения между ними возможны на условиях взаимности. К официальным отношениям в данном случае можно отнести: выполнение следственных действий на территории иностранного государства; принятие промежуточных и итоговых процессуальных решений; выдача лица для уголовного преследования; исполнение приговора.

Генеральная прокуратура Российской Федерации определена центральным органом по реализации положений о сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам, содержащимся, соответственно, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [12], Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [13], Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [14] и Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. [15].

Несмотря на широкое разнообразие нормативных правовых актов, участвующих в регулировании международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, проблемы в правовом регулировании в рассматриваемой сфере по-прежнему существуют. К их числу можно отнести ситуации, когда государства неодинаково толкуют и применяют положения международных договоров. Необходимо согласованное, единообразное применение международных правовых актов на территориях заинтересованных государств. Разночтение в трактовке законодательных актов, безусловно, негативно сказывается и на правоприменительной практике.

Согласимся с мнением Л. А. Лазутина, который отмечает: «в проблеме несогласованности внутригосударственных и международно-правовых норм можно отметить как явные противоречия конкретных решений, так и менее ощутимые различия формулировок, способные породить неоднозначное толкование и применение таких норм» [16, с. 99–103]. В качестве примера он называет несоответствие одного из положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. Статья 464 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [17], ст. 64

Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1996 года [18]) противоречат положениям Минской конвенции.

Следующей проблемой правового регулирования данной области отношений является несогласованность в вопросе приоритета внутригосударственного и международного законодательства. Специфика уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений обусловлена тем, что они затрагивают публично-правовую сферу деятельности государства. Исходя из этого, несмотря на наличие конституционной нормы, которая подтверждает приоритет международного права, противоречия неизбежны. Более того, законодатель нередко подчеркивает и указывает на необходимость применения нормы российского уголовного права/процесса, несмотря на их противоречие международному договору. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство». Данная формулировка подчеркивает специфику регулирования уголовно-правовой сферы, отдающую приоритет нормам национального права, при этом признавая за нормами международного права, закрепленными в международных договорах, бланкетный характер, предусматривающий их трансформацию в национальное уголовное законодательство.

Рассматривая проблемы правового регулирования исследуемой сферы, нельзя обойти вниманием и законодательные пробелы в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, которые требуют немедленного восполнения. А именно:

- отсутствуют конкретные сроки исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам;
- не регламентирован правовой статус и механизм участия переводчика при ока-

зании международной правовой помощи по уголовным делам (порядок его привлечения, права и обязанности, ответственность);

– не определено место правовой помощи в системе международного права (отсутствие законодательно регламентированного термина «правовая помощь» приводит к неоднозначному толкованию запросов о правовой помощи при осуществлении международного сотрудничества);

– не разработан четкий механизм и алгоритм действий правоохранительных органов при возникновении необходимости проведения следственных действий за пределами Российской Федерации, а также на территории Российской Федерации с участием представителей иностранных правоохранительных органов.

Таким образом, назрела острая необходимость усиления процесса кодификации взаимной правовой помощи. Кодификационный процесс, с одной стороны, будет способствовать устранению существующих противоречий между законодательствами разных стран, с другой стороны, позволит создать единый нормативно-правовой акт, позволяющей выработать общий сбалансированный подход к законодательному регулированию всех видов международной правовой помощи. Безусловно, кодификация – это длительный и сложный процесс, при проведении которого необходимо учитывать как национальные интересы госу-

дарства, так и местные традиции и обычаи, менталитет населения и политические взаимоотношения государств.

Внутригосударственная кодификация возможна путем принятия специального закона или внесения поправок в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. На наш взгляд, первый вариант является более предпочтительным для нашей страны. Задача повышения эффективности международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства требует приведения национального законодательства в соответствие с существующими общественными отношениями. Успех кодификации норм о международной правовой помощи в рамках соответствующих отраслей законодательства во многом зависит от того, насколько согласованно она будет проводиться. Специальные научные исследования призваны обеспечить поиски оптимальных путей и методов такой кодификации. Своевременное принятие правовой базы, создание комплексной концепции осуществления международного сотрудничества правоохранительных органов, разработка четкого механизма взаимодействия государства, в конечном итоге формулирование международной позиции государства по вопросам уголовно-правового сотрудничества имеет существенное значение для эффективности внешней политики Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации : официальный сайт. URL: // <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 17.02.2021).
2. Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации : официальный сайт. URL: // <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 17.02.2021).
3. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1989 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.03.2021).
4. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.03.2021).
5. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2021).
6. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2021).

7. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.06.2021).
8. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.06.2021).
9. Минская конвенция о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.06.2021).
10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ : федеральный закон № 174-ФЗ (редакция от 24 апреля 2020 г.) : [принят Государственной думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г.] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2021).
11. Об утверждении Положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 июля 2011 г. № 780 (редакция от 14 февраля 2020 г. приказом МВД № 67) // СПС Гарант (дата обращения: 21.06.2021).
12. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.06.2021).
13. Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.08.2021).
14. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.08.2021).
15. Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.08.2021).
16. Лазутин Л. А. К проблеме несогласованности внутригосударственных и международно-правовых норм (на примере правовой помощи по уголовным делам) // Современное право. 2018. № 2. С. 99–103.
17. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче 1995 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.08.2021).
18. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1996 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.09.2021).

© Богаткина Р. Ш.

УДК 342.123:343.133(470)

В. Н. ГРИГОРЬЕВ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИИ России, профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

V. N. GRIGORYEV, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. YA. Kikotya, Doctor of Law, Professor (Moscow)

А. Ю. ТЕРЕХОВ, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

A. YU. TEREKHOV, Deputy Head of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Ufa)

О ВЗАИМОСВЯЗИ И СООТНОШЕНИИ АКТОВ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

ON THE INTERCONNECTION AND RELATIONSHIP OF THE ACTS OF EXCITING THE CRIMINAL CASE AND THE INVOLVEMENT AS THE ACCUSED

Аннотация. Продолжая начатые ранее исследования о начальном этапе уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве, авторы обращают внимание на тот факт, что установленный в УПК РФ законодательный алгоритм производства по уголовному делу не предусматривает конкретных норм, непосредственно определяющих взаимосвязь и соотношение актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого. Между тем в реальности возможен ряд вариантов как совпадения указанных актов по предмету уголовного преследования, так и их расхождения по этому предмету. Из-за отсутствия прямого разрешения такой ситуации в законе на практике возникают проблемы, не всегда имеющие очевидный выход. На основе анализа следственной и судебной практики, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации формулируются основы взаимосвязи и соотношения актов уголовного преследования на досудебном производстве и на этой базе предлагаются дополнения в закон.

Ключевые слова и словосочетания: производство по уголовным делам, рамки производства по уголовным делам, возбуждение уголовного дела, возбуждение уголовного преследования, привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения, прекращение уголовного преследования.

Annotation. Continuing the previously begun research on the initial stage of criminal prosecution in Russian criminal proceedings, the authors draw attention to the fact that the legislative algorithm for criminal proceedings established in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not provide for specific rules that directly determine the relationship and correlation of acts of initiating a criminal case and the accused. Meanwhile, in reality, a number of options are possible, both the coincidence of these acts on the subject of criminal prosecution, and their discrepancies on this subject. Due to the lack of a direct resolution of such a situation in the law, in practice problems arise that do not always have an obvious way out. Based

on the analysis of investigative and judicial practice, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the foundations of the relationship and correlation of acts of criminal prosecution in pre-trial proceedings are formulated, and on this basis, amendments to the law are proposed.

Key words and phrases: *criminal proceedings, the framework of criminal proceedings, initiation of a criminal case, initiation of criminal prosecution, prosecution as an accused, indictment, termination of criminal prosecution.*

Структура статьи. Предлагаемая уважаемому читателю статья, посвященная взаимосвязи и соотношению актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого, поделена на восемь рубрик, среди которых:

1. К постановке проблемы.

2. Типичная ситуация взаимосвязи и соотношения актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого в практике прежних лет.

3. Допустимость привлечения лица в качестве обвиняемого в совершении преступления без возбуждения по признакам состава этого преступления уголовного дела.

4. Необходимость принятия следователем отдельного процессуального решения в связи с отказом от уголовного преследования по факту, по которому было возбуждено уголовное дело, и тем более в случае его возбуждения в отношении конкретного лица.

5. Правовое значение «Уведомления о переквалификации действий».

6. Противоречие следственной практики последних лет правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого.

7. Самая свежая судебная практика о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого.

8. Выводы.

Первая часть статьи размещена в данном номере журнала. Она содержит первые четыре рубрики.

Вторая часть статьи будет размещена в следующем номере журнала под названием «Возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого». Она будет содержать последующие рубрики, с пятой по восьмую, начиная с правового значения

«Уведомления о переквалификации действий».

1. К постановке проблемы. Продолжая начатые ранее исследования о начальном этапе уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве [1, с. 4–44; 2, с. 188–194; 3, с. 116–122; 4, с. 55–61; 5, с. 92–98; 6, с. 9–14; 7, с. 59–71 и др.], авторы обращают внимание на тот факт, что в УПК РФ равно в деталях регламентированы и возбуждение уголовного дела, и привлечение в качестве обвиняемого.

В частности, в соответствии со ст. 146 УПК РФ при наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 УПК РФ, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах установленной компетенции возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление. В этом постановлении указываются: 1) дата, время и место его вынесения; 2) кем оно вынесено; 3) повод и основание для возбуждения уголовного дела; 4) пункт, часть, статья УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело. Уголовное дело может быть возбуждено как в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 1 ст. 46, ч. 5 ст. 146 УПК РФ), так и по факту совершения преступления, если сведения о лице, совершившем преступление, на этот момент отсутствуют.

В ч. 3 ст. 140 УПК РФ специально указано, что не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации,

в ч. 4 той же статьи УПК РФ – что не может служить основанием для возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 228.1 и 228.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в части незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, сам факт нахождения лица в состоянии наркотического опьянения или обнаружения в теле человека наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в отсутствие достаточных данных, указывающих на факт их передачи в нарушение положений Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

При наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь в соответствии со ст. 171 УПК РФ выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. В постановлении должны быть указаны: 1) дата и место его составления; 2) кем составлено постановление; 3) фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого; число, месяц, год и место его рождения; 4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ; 5) пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление; 6) решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по расследуемому уголовному делу. При обвинении лица в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, в постановлении о привлечении

его в качестве обвиняемого должно быть указано, какие деяния вменяются ему по каждой из этих норм уголовного закона. При привлечении по одному уголовному делу в качестве обвиняемых нескольких лиц постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится в отношении каждого из них.

По логике вещей в ситуации, когда действительно совершено преступление, органы уголовного преследования выявили это преступление, установили его действительные обстоятельства, собрали достаточные доказательства, дающие основания для обвинения лица в совершении преступления, алгоритм производства по уголовному делу предусматривает его последовательное движение от стадии к стадии вплоть до вынесения обвинительного приговора.

На досудебных стадиях уголовного судопроизводства в такой ситуации, исходя из назначения уголовного судопроизводства, состоящего в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), возбуждается уголовное дело и уголовное преследование, собираются доказательства, лицу предъявляется обвинение, по завершении производства по уголовному делу всех следственных действий об этом уведомляется обвиняемый, защитник, другие предусмотренные законом участники уголовного процесса, им предъявляются в установленном порядке материалы уголовного дела для ознакомления, составляется обвинительное заключение, после чего уголовное дело направляется прокурору для утверждения обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд.

Однако такое последовательное движение производства по уголовному делу может меняться под воздействием различных обстоятельств. Тогда по делу складываются другие ситуации, алгоритм для которых также установлен законом. В частности, исходя из назначения уголовного судопроизводства, состоящего в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (п. 2 ч. 1

ст. 6 УПК РФ), в случае отсутствия события преступления, отсутствия в деянии состава преступления, истечения сроков давности уголовного преследования и при других предусмотренных в законе обстоятельствах уголовное дело и уголовное преследование подлежат прекращению.

В соответствии со ст. 175 УПК РФ если в ходе предварительного следствия появятся основания для изменения предъявленного обвинения, то следователь в соответствии со ст. 171 УПК РФ выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявляет его обвиняемому в прежнем порядке (ст. 172 УПК РФ). Если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, а также прокурора.

Следует при этом отметить, что законодательный алгоритм производства по уголовному делу, установленный в УПК РФ, не предусматривает конкретных норм, определяющих взаимосвязь и соотношение актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого. Между тем, в реальности здесь возможен ряд вариантов как совпадения указанных актов по предмету уголовного преследования, так и их расхождения по этому предмету. Из-за отсутствия прямого разрешения такой ситуации в законе на практике возникают проблемы, не всегда имеющие очевидный выход, а при своевольном обращении с процессуальной формой порой получающие комичные и откровенно незаконные варианты разрешения.

2. Типичная ситуация взаимосвязи и соотношения актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого в практике прежних лет. Обратимся к одной из типичных ситуаций нелинейной взаимосвязи и соотношения актов возбуждения уголовного дела и при-

влечения в качестве обвиняемого, которые были характерны для практики прежних лет.

15 июля 2013 г. заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации возбудил уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, в отношении Листочкина¹ по признакам использования лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации в целях извлечения выгод и преимуществ для других лиц, повлекшее причинение существенного вреда законным интересам государства. В последующем этому делу был присвоен номер 813840. Данное уголовное дело направлено руководителю следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Центральному федеральному округу для организации предварительного следствия.

25 октября 2013 г. руководитель Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ярославской области возбудил уголовное дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ в отношении того же Листочкина по признакам получения должностным лицом – главой органа местного самоуправления через посредника взятки в виде денег, сопряженной с вымогательством, в особо крупном размере за совершение действий, входящих в его служебные полномочия, и в силу должностного положения могущего способствовать таким действиям, а равно общее покровительство. В последующем этому делу был присвоен номер 837513.

30 октября 2013 г. Листочкину в рамках производства по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, предъявлено обвинение в получении через посредника взятки в виде денег, сопряженной с вымогательством, в особо крупном размере за совершение действий, входящих в его служебные полномочия и в силу должностного положения, могущего способствовать таким

¹ Здесь и далее фамилии фигурантов уголовного судопроизводства изменены.

действиям, а равно общее покровительство, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ.

23 марта 2014 г. руководитель следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Центральному федеральному округу, рассмотрев материалы указанных уголовных дел № 813840 и 837513, соединил их в одном производстве, присвоив объединенному уголовному делу № 813840.

21 ноября 2014 г. следователь по особо важным делам первого следственного управления Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации направил следственно-арестованному Листочкину уведомление, в котором сообщил, что в ходе предварительного следствия по уголовному делу № 813840 действия обвиняемого Листочкина переквалифицированы с ч. 1 ст. 201 на ч. 4 ст. 160 УК РФ (по эпизоду причинения материального ущерба ОАО «НПО «Сатурн»).

24 ноября 2014 г. следователь по особо важным делам четвертого следственного отдела первого следственного управления Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации в рамках производства по уголовному делу № 813840 привлек Листочкина в качестве обвиняемого по уголовному делу, предъявив ему обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 и ч. 6 ст. 290 УК РФ. Данное обвинение является окончательным и на момент предъявления обвиняемому и его защитникам материалов уголовного дела в соответствии со ст. 117 УПК РФ для ознакомления больше не изменялось.

Таким образом, при производстве предварительного следствия уполномоченными органами государственного обвинения в отношении Листочкина:

– возбуждено уголовное преследование и предъявлено обвинение по признакам преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ;

– возбуждено уголовное преследование по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ;

– предъявлено обвинение по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ.

Следовательно, по одному составу преступления возбужденное уголовное преследование завершилось привлечением Листочкина в качестве обвиняемого и предъявлением ему обвинения, по другому – возбужденное уголовное преследование не получило процессуального завершения в рамках производства по уголовному делу, по третьему – уголовное преследование, выразившееся в привлечении Листочкина в качестве обвиняемого и предъявлении ему обвинения, осуществлялось без отдельного возбуждения уголовного дела по данному составу преступления.

Таким образом, в производстве по уголовному делу в отношении Ю. В. Ласточкина сложились три отмеченные выше ситуации.

Первая ситуация, связанная с обвинением Листочкина в получении взятки при отягчающих обстоятельствах (ч. 6 ст. 290 УК РФ), вписывается в обычный законодательный алгоритм «успешного» производства по уголовному делу: по признакам данного состава преступления было возбуждено уголовное дело и начато уголовное преследование, по этому же составу предъявлено обвинение, которое в основе своей не претерпело изменений к моменту завершения производства по уголовному делу всех следственных действий и уведомления об этом обвиняемого и его защитников.

Менее очевидной является правильность алгоритма действия органов предварительного следствия во второй и в третьей ситуациях, когда в одной возбужденное уголовное преследование не получило своего завершения в установленном законом порядке, а в другой – было предъявлено обвинение в совершении такого преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось.

К этим двум неочевидным ситуациям относится вопрос о том, допустимо ли привлечение лица в качестве обвиняемого в совершении преступления без возбуждения по

признакам состава этого преступления уголовного дела.

3. Допустимость привлечения лица в качестве обвиняемого в совершении преступления без возбуждения по признакам состава этого преступления уголовного дела. В судебной практике наблюдаются различные позиции по данному вопросу, которые с течением времени претерпели определенные изменения.

В частности, Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях, основанных на нормах УПК РСФСР 1960 г., а в последующем и УПК РФ 2001 г., дает положительный ответ на этот вопрос: УПК РФ не предусматривает обязанности органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. В подобных случаях этим лицам может быть предъявлено обвинение и без вынесения дополнительного постановления о возбуждении уголовного дела.

Так, в Определении Верховного Суда РФ от 25 сентября 2006 г. № 14-о06-29 записано, что «...согласно ч. 1 ст. 149 УПК РФ проведение предварительного следствия возможно лишь после возбуждения уголовного дела. Однако ни ст. 140, ни ст. 146, ни ст. 149 УПК РФ не предусматривают обязанности органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. В подобных случаях этим лицам может быть предъявлено обвинение и без вынесения дополнительного постановления о возбуждении уголовного дела» [8].

Подобная позиция зафиксирована и в других решениях Верховного Суда РФ, среди которых, например:

– Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 1998 г.: «Следователь не обязан выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случае,

когда по делу будет установлено другое причастное к преступлению лицо» [9];

– Определение Верховного Суда РФ от 20 января 2004 г. № 6-073/03 «Постановление о прекращении уголовного дела за непричастностью лиц к совершению преступлений отменено в связи с нарушением судом уголовно-процессуального закона, выразившимся в неправильном толковании норм УПК РСФСР» [10].

Однако Конституционный Суд Российской Федерации занял по этому вопросу несколько иную позицию, указав, что уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось.

Наиболее детально такая позиция прописана в Определении Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 года № 600-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пивоварова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [11], в котором, в частности, сказано: «Конституционным Судом Российской Федерации в ряде своих постановлений (от 14 января 2000 г. № 1-П, от 23 марта 1999 г. № 5-П и от 27 июня 2000 г. № 11-П) сформулированы правовые позиции, согласно которым стадия возбуждения уголовного дела является обязательной; актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда, и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность.

Данные правовые позиции были конкретизированы в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от

18 июля 2006 г. № 343-О и от 21 декабря 2006 г. № 533-О применительно к содержанию статей 171 и 175 УПК РФ, регламентирующих привлечение лица в качестве обвиняемого и изменение и дополнение ранее предъявленного обвинения. Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось».

Аналогичная позиция зафиксирована и в других Определениях Конституционного Суда Российской Федерации, в числе которых упомянутые определения от 18 июля 2006 г. № 343-О и от 21 декабря 2006 г. № 533-О, а также определения: от 5 февраля 2009 г. № 249-О-О, от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О, от 25 ноября 2010 г. № 1488-О-О, от 14 июля 2011 г. № 962-О-О, от 22 марта 2012 г. № 588-О-О и от 23 апреля 2013 г. № 625-О и др.

Одно из последних известных решений на эту тему – Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2475-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сомова Станислава Владиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 91, 92, частью первой статьи 108, статьями 171 и 172 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [12], в котором записано:

«Положения статей 46, 91, 92, 108, 171 и 172 УПК Российской Федерации определяют процессуальный статус подозреваемого, основания и порядок задержания подозреваемого, порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу, а также привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления обвинения. Основания же и порядок возбуждения уголовного дела публичного обвинения, к которому относится и уголовное дело о разбое, закреплены в статьях 140 и 146 того же Кодекса, по смыслу

которых такое уголовное дело может быть возбуждено как по факту совершения преступления, так и в отношении конкретных лиц, если они к моменту принятия соответствующего решения известны органам предварительного расследования.

Перечисленные нормы не предполагают возможность привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого и применения в отношении него меры пресечения в связи с совершением им преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось, и, таким образом, не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы заявителя (Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О, от 21 декабря 2006 г. № 533-О, от 21 октября 2008 г. № 600-О-О, от 5 февраля 2009 г. № 249-О-О, от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О, от 25 ноября 2010 г. № 1488-О-О, от 14 июля 2011 г. № 962-О-О, от 22 марта 2012 г. № 588-О-О и от 23 апреля 2013 г. № 625-О)».

При сопоставлении двух приведенных позиций (Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ) по вопросу о допустимости привлечения лица в качестве обвиняемого в совершении преступления без возбуждения по признакам состава этого преступления уголовного дела приоритет в силу конституционно-правового статуса принадлежит нормативно-правовым предписаниям Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которыми не допустимо привлечение лица в качестве обвиняемого в совершении преступления без возбуждения по признакам состава этого преступления уголовного дела.

По существу этого вопроса можно добавить, что его решение связано с конституционно-правовым смыслом акта возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих постановлений, указанных выше, сформулировал правовые позиции, согласно которым стадия возбуждения уголовного дела является обязательной; актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное пре-

следование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность. Это соответствует международно-признанному праву данного лица «быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения», которое здесь понимается в широком конституционно-правовом смысле, охватывающем и подозрение в совершении преступления (подпункт «а» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [13]).

Таким образом, возбуждение дела понимается как процедура официального начала предварительного расследования. Актом возбуждения дела создается условие для производства принудительных процессуальных действий и обеспечиваются права заинтересованных лиц: заявителя – будущего потерпевшего и подозреваемого.

Начало расследования закон связывает с определенными основаниями, которые отражают наличие фактических предпосылок уголовного преследования, составляющих условие движения уголовного дела. Этим условием является установленность события преступления, а обычно на более поздних стадиях – и совершение его определенным лицом. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что актом возбуждения уголовного дела определяются пределы дальнейшего производства: 1) по кругу фактов и частично; 2) по кругу лиц.

По смыслу статей 171 и 175 УПК РФ привлечение лица в качестве обвиняемого, изменение и дополнение ранее предъявленного обвинения допускается лишь по тем преступлениям, по признакам которых возбуждалось уголовное дело (Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О и от 21 декабря 2006 г. № 533-О). Иными сло-

вами, в рамках уголовного дела, возбужденного по одному событию преступления, нельзя привлечь лицо в качестве обвиняемого за совершение других преступлений без того, чтобы не возбудить по ним новые уголовные дела и не соединить их с данным уголовным делом.

Наличие постановления о возбуждении дела по каждому преступлению, определяя пространственно-временные пределы его расследования, обеспечивает реализацию конституционного принципа недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации). Регистрация повода для возбуждения уголовного дела требует проведения проверки и принятия решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Возбужденное уголовное дело может быть в дальнейшем прекращено. Решение об отказе в возбуждении дела или о прекращении дела препятствует повторному уголовному преследованию тех же лиц за совершение тех же деяний. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается при наличии в его отношении неотмененного постановления о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Если же признать, что выявление в ходе предварительного расследования признаков нового преступления не требует вынесения отдельного решения о возбуждении дела или об отказе в этом, то расследование нового преступления будет производиться в рамках прежнего уголовного дела. Соответственно, даже при установлении оснований для прекращения производства по новому преступлению или для отказа в возбуждении дела по новому эпизоду не потребуются принимать об этом отдельного решения в срок, установленный статьей 144 УПК РФ. В таком случае п. 5 ст. 27 УПК РФ не будет применен своевременно, что не исключает в рамках расследования «основного» уголовного дела попытки неоднократного

уголовного преследования за одни и те же дополнительные эпизоды преступной деятельности [14, с. 5–8].

Таким образом, решение о возбуждении уголовного дела ограничивает пределы дальнейшего производства тем кругом фактов – событий преступлений, по признакам которых оно возбуждалось. Большое значение акта возбуждения уголовного дела служит причиной того, что проведение предварительного расследования без возбуждения дела считается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, могущем повлечь отмену приговора суда на основании статьи 389-17 УПК РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что выявление в процессе расследования по основному делу признаков нового преступного события, в том числе совершенного тем же подозреваемым или обвиняемым, влечет необходимость решения вопроса о возбуждении нового уголовного дела.

При этом следует учесть, что вынесение отдельного постановления о возбуждении дела не требуется, если вновь обнаруженное преступное деяние является составной частью преступлений, по которым ранее уже было возбуждено уголовное дело.

Конституционный Суд РФ в Определении от 21 октября 2008 г. № 600-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пивоварова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [11] записал, что «определение того, является ли вновь обнаруженное преступное деяние составной частью события преступления, по которому ранее уже было уголовное дело возбуждено, или оно образует самостоятельное событие преступления, по признакам которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к компетенции правоприменительных органов».

В этой связи возникает вопрос, как определить, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступле-

ния, по поводу которого было возбуждено основное уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело. С этой целью в Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации рекомендуется для решения вопроса о тождественности или различии деяний учитывать их локализацию в пространстве и во времени, общность родового объекта посягательства, круг пострадавших, настаивающих на отдельном рассмотрении их заявлений о совершении преступлений [15, п. 9 комм. к ст. 146]. В научной литературе показывается использование этих критериев на примере конкретных уголовных дел, рассмотренных Верховным Судом Российской Федерации [14, с. 5–8; 16, с. 112–117].

Применительно к ситуации уголовного преследования Листочкина следствие посчитало, что возбуждение уголовного преследования по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, позволяет привлечь подозреваемого к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, предъявив ему соответствующее обвинение. Однако сравнение данных составов и фактических обстоятельств вмененных преступлений, как они описаны в процессуальных документах, свидетельствует о том, что они не вписываются в отмеченные выше критерии, что особенно наглядно применительно к критерию общности родового объекта посягательства. Применительно к составу преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, родовым объектом посягательства являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование коммерческих и иных организаций, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, муниципальными и государственными учреждениями, в то время как для преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, родовым объектом являются общественные отношения собственности [17, с. 595, 468; 18, с. 330, 149]. Не случайно эти составы рас-

положены в разных главах УК РФ: соответственно в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и в главе 21 «Преступления против собственности».

Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о недопустимости привлечения лица в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, без возбуждения уголовного дела по признакам состава этого преступления.

Выясняя вопрос о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого, необходимо определить также его другую сторону – **4. Необходимость принятия следователем отдельного процессуального решения в связи с отказом от уголовного преследования по факту, по которому было возбуждено уголовное дело, и тем более в случае его возбуждения в отношении конкретного лица.**

Очевидное различие составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 201 и ч. 4 ст. 160 УК РФ, по родовому объекту посягательства и другим признакам диктует необходимость самостоятельного комплекса процессуальных действий по уголовному преследованию за их совершение. Этот комплекс включает в себя как минимум возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, составление обвинительного заключения и направление дела в суд: нельзя направить уголовное дело в суд по обвинению в совершении какого-то преступления без предварительного привлечения лица в качестве обвиняемого в совершении этого преступления; нельзя привлечь лицо в качестве обвиняемого в совершении преступления, не возбудив предварительно уголовного дела по признакам этого преступления.

Выше было обосновано, что привлечение лица в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, без возбуждения уголовного дела по признакам состава этого преступления недопустимо. Наличие возбужденных

дел по иным составам преступлений, в частности, по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, не устраняет такого запрета. Следовательно, уголовное преследование в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, начатое в форме возбуждения уголовного дела по признакам состава этого преступления, не перетекает автоматически в уголовное преследование за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. Последнее осуществляется и оформляется автономно. Из этого выходит, что уголовное преследование и за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, должно осуществляться и оформляться автономно, включая в себя комплекс соответствующих действий.

Уголовное преследование за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, начатое в форме возбуждения уголовного дела по признакам состава этого преступления, по мере сбора достаточной совокупности доказательств должно быть продолжено в форме привлечения лица в качестве обвиняемого с последующим составлением обвинительного заключения и направлением уголовного дела в суд. Если в ходе производства по уголовному делу установлены основания для прекращения уголовного дела (гл. 4 УПК РФ), возбужденное дело подлежит прекращению. Как вытекает из ч. 5 ст. 213 УПК РФ, если основания прекращения уголовного преследования относятся не ко всем подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу или не ко всем эпизодам уголовного преследования, то следователь должен в соответствии со статьей 27 УПК РФ вынести постановление о прекращении уголовного преследования в отношении конкретного лица или в части осуществлявшегося уголовного преследования. При этом производство по уголовному делу при наличии иных оснований для уголовного преследования продолжается.

Таким образом, в случае отказа от уголовного преследования, начатого в форме возбуждения уголовного дела в отношении

конкретного лица, требуется принятие следователем отдельного процессуального решения о прекращении данного уголовного дела либо прекращении уголовного пресле-

дования по этим основаниям с продолжением производства по уголовному делу при наличии других оснований для уголовного преследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В. Н. Привлечение в качестве обвиняемого : учебное пособие / В. Н. Григорьев, Е. А. Прохорова, А. В. Селютин. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006. 56 с.
2. Григорьев В. Н. Уведомление о переквалификации действий : новая процессуальная форма? // Организация деятельности органов расследования преступлений : управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : Международная научно-практическая конференция 23–24 апреля 2015 г. : в 2-х ч. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2015. С. 188–194.
3. Григорьев В. Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 116–122.
4. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Научный анализ некоторых практических явлений (об уведомлении о переквалификации действий) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 55–61.
5. Григорьев В. Н. Смена научной задачи как средство совершенствования правовой действительности (на примере стадии возбуждения уголовного дела) // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 19 апреля 2017 г. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. С. 92–98.
6. Андреева О. И., Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Трубникова Т. В. Стадия возбуждения уголовного дела : созданы ли достаточные гарантии от злоупотребления правом? // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 9–14.
7. Велиев И. В., Григорьев В. Н. К вопросу о рамках производства по уголовным делам о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта и связанных с ними других преступлениях // Вестник Юридического института МИИТ. 2018. № 2 (22). С. 59–71.
8. Определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2006 г. № 14-о06-29 «Дело о разбойном нападении, умышленном уничтожении чужого имущества, покушении на убийство направлено на новое судебное рассмотрение со стадии предварительного слушания, поскольку вывод суда о возвращении дела прокурору для устранения недостатков, препятствующих его рассмотрению, не может быть признан законным и обоснованным» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 11.10.2021).
9. Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3.
10. Определение Верховного Суда РФ от 20 января 2004 г. № 6-073/03 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 11.10.2021).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 600-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пивоварова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 11.10.2021).
12. Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2475-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сомова Станислава Владиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 91, 92, частью первой статьи 108, статьями 171 и 172 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 11.10.2021).
13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.). Начало действия редакции (за исключением изменений, внесенных Протоколом № 11 от 11 мая 1994 г.) – 1 сентября 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

14. Калиновский К. Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Российский следователь. 2009. № 6. С. 5–8.

15. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Подготовлен для системы Консультант-Плюс, 2012. Пункт 9 комментария к ст. 146.

16. Арсенова Н. В., Козлов В. В. О необходимости вынесения постановления о возбуждении уголовного дела при обнаружении в ходе расследования нового преступления // Алтайский юридический вестник. № 3 (15). 2016. С. 112–117.

17. Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть : учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» / под общ. ред. доктора юридических наук, проф. Н. Г. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2013. 944 с.

18. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общ. ред. Л. М. Прокументова. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 844 с.

© Григорьев В. Н.

© Терехов А. Ю.

УДК 343.13:343.7(470)

О. В. ЛЕВЧЕНКО, прокурор Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы, кандидат юридических наук (г. Москва)

O. V. LEVCHENKO, Prosecutor of the Troitsk and Novomoskovsk administrative districts of the city of Moscow, candidate of legal sciences (Moscow)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF THE PRIVATE-PUBLIC CRIMINAL PROCEDURAL MECHANISM OF BRINGING TO CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Аннотация. В уголовно-процессуальном механизме привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности законодатель сделал попытку найти баланс частного и публичного начал. Сделано это было на основе следственной формы частного-публичного обвинения и доказывания. Диалектика частного и публичного начал проявляются в таких следственных категориях, как повод, основание возбуждения уголовного дела. Дальнейшее развитие этого уголовно-процессуального механизма предполагает усиление процессуальной самостоятельности потерпевшего в форме субсидиарного обвинения и прекращение публичного уголовного преследования вследствие отказа потерпевшего-обвинителя от обвинения и возмещения ущерба от преступления.

Ключевые слова и словосочетания: частно-публичное обвинение, повод, основание, доказывание, уголовное преследование, преступления в сфере экономической деятельности.

Annotation. In the criminal procedure mechanism of bringing to criminal responsibility for crimes in the sphere of economic activity, the legislator made an attempt to find a balance between private and public

principles. This was done on the basis of an investigative form of private-public accusation and evidence. The dialectic of private and public principles is manifested in such investigative categories as the reason, the basis for initiating a criminal case. Further development of this criminal procedural mechanism presupposes strengthening of the procedural independence of the victim in the form of subsidiary accusation and the termination of public criminal prosecution due to the victim-prosecutor's refusal to prosecute and compensation for damage from the crime.

Keywords and phrases: *private-public accusation, reason, ground, proof, criminal prosecution, crimes in the sphere of economic activity.*

Мы исходим из факта признания в российском уголовном процессе особого уголовно-процессуального механизма привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих преступления против правомерного ведения бизнеса. Относительно природы этого правового механизма сложились различные мнения [1, с. 40–56; 2, с. 157–162; 3, с. 8, 9–10]. Но исследователи сходятся во мнении о том, что ключевой деталью этого механизма является обвинение, частно-публичный характер которого, то есть комбинированный, смешанный из частного и публичного начал, и определяет специфическую природу.

Данное уголовно-процессуальное сотрудничество призвано обеспечить совместные действия публичной власти и частных лиц как в обвинении, так и в доказывании обвинения. Кроме того, авторы отмечают институциональное значение для анализируемого процессуального механизма таких категорий, как «законный повод» (в виде заявления потерпевшего) и «достаточное основание» для возбуждения уголовного дела частно-публичного обвинения [4, с. 372]. Указанные категории выражают природу данного уголовно-процессуального механизма.

Развивая их в виде конгломерации «повод-основание-обвинение», мы хотим показать (а) формальный, (б) фактический, (в) уголовно-правовой сущностные аспекты частно-публичного уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Вначале выделим формальный аспект, который концентрированно выражен в категории «повод». Как известно, в поводе присутствуют, во-первых, информационная составляющая и во-вторых, следственная,

публично-правовая, право-организующая компонента. Повод есть атрибут следственной формы, в которой правовая организация уголовного преследования находит свое исходное проявление. Появление повода порождает активные действия со стороны компетентных государственных органов по его принятию (регистрации), проверке, возбуждению уголовного дела и все последующее правоприменение.

Единственным законным поводом к возбуждению уголовного дела частно-публичного обвинения является заявление самого потерпевшего или его представителя.

Подача заявления потерпевшим о привлечении к уголовному преследованию лица, совершившего предпринимательское преступление против правомерного ведения бизнеса, является не только и не столько информированием компонентного государственного органа, сколько порождением для него обязанности принять это заявление, оформить надлежащим образом, зарегистрировать и провести предварительную проверку согласно ст. 21 и 144 (ч. 1) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Указанное заявление является как сообщением потерпевшим или его законным представителем о совершении преступления, так и актом, определяющим юридическую позицию потерпевшего, касающуюся характера этого преступления. В отсутствие заявления деяние, совершенное против потерпевшего, не считается преступным, уголовное дело не может быть возбуждено государственным органом предварительного расследования, а публичное обвинение предъявлено. Никаких правовых последствий не наступит, даже если нарушение уголовного закона в сфере

экономической деятельности все-таки произошло. В этом проявляется зависимость уголовно-процессуального механизма и средства уголовно-правового воздействия от воли частного лица.

Нельзя не отметить, что данный повод более «основателен» по сравнению с прочими (за исключением «прокурорского постановления»), если мы говорим о поводах к началу публичного уголовного преследования. Это проявляется в особенностях правового статуса заявителя (потерпевшего), а также в содержании требований, которые включает в себя заявление (которое можно трактовать как заявление на получение статуса, во-первых, потерпевшего, во-вторых, субсидиарного обвинителя – частного уголовного преследователя), и, наконец, в уголовно-правовом значении этого заявления [5, с. 77–82; 6, с. 117–119].

Официальной правовой доктриной признано, что в заявлении потерпевшего по делу частного-публичного обвинения обязательно должно содержаться требование о привлечении к уголовной ответственности. В противном случае, может возникнуть вопрос о прекращении уголовного дела на основании ст. 24 (ч. 1 п. 5) УПК РФ [4, с. 52].

Потерпевший должен утверждать о совершении лицом, против которого он подает заявление, преступления. Это роднит заявление потерпевшего по делу частного-публичного обвинения с обвинением (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

В случае подтверждения сведений, приведенных в заявлении, лицо постановлением о возбуждении уголовного дела привлекается к публичному уголовному преследованию в качестве подозреваемого, то есть происходит первый этап привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, прослеживается совместная деятельность частного и публичного обвинителей по привлечению к уголовной ответственности лица, совершившего преступление в сфере экономической деятельности. При этом говорить о зависимости публичного начала от частного здесь не приходится.

Само заявление потерпевшего от предпринимательского преступления еще не составляет основания для возбуждения уголовного дела. Достаточные данные для принятия решения о возбуждении уголовного дела частного-публичного обвинения получает сам орган предварительного расследования. Содействие потерпевшего в доказывании основания может иметь место, но оно необходимо.

Как писал Н. Н. Полянский, «если одно действие составляет только повод для другого действия, а не основание или причину его, то это значит, что первое действие не обязательно влечет за собою второе, а только может повлечь его» [7, с. 99]. Повод – заявление потерпевшего – содержит только возможность привлечения к уголовному преследованию лица, совершившего предпринимательское преступление в сфере экономической деятельности. Тогда как «основание», как нашедшая свое подтверждение в ходе предварительной проверки информационная компонента повода, есть уже «причина» привлечения к уголовному преследованию подозреваемого на предмет избличения его в совершении преступления.

Окончательное решение о привлечении к уголовному преследованию лица, предположительно совершившего данное преступление, остается за органом публичной власти. Если повод зависит от воли потерпевшего, то основание формируется правоприменителем. Основание возбуждения уголовного дела частного-публичного обвинения – это сформированное в установленном уголовно-процессуальном порядке знание о совершенном преступлении, которое достаточно для того, чтобы орган предварительного расследования приступил к публичному уголовному преследованию подозреваемого. Нами разделяется позиция, согласно которой на момент возбуждения уголовного дела выводы органов судопроизводства о факте наличия преступления в целом предположительные [4, с. 370, 371; 3, с. 110; 6, с. 117], то есть основание для возбуждения уголовного дела является

предположительным знанием, это обоснованное предположение о совершенном преступлении, указанном в заявлении.

По смыслу закона, истолкованному Конституционным Судом РФ, заявление не может отождествляться с актом обвинения, который адресован в суд, его правовое значение ограничивается порождением обязанности у органа предварительного расследования проверить его, прочие вопросы, касающиеся привлечения к уголовному преследованию и уголовной ответственности лица, против которого подано заявление, остаются на усмотрение уполномоченного должностного лица или органа [8]. Как отмечает Конституционный Суд РФ, «*возбуждение уголовного преследования* (выделено нами – О. В. Левченко), формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшим» [9].

Мы толкуем эту позицию в фактологическом и правотворительном аспектах. Во-первых, потерпевший не обязан доказывать обвинение, тем более перед судом, а во-вторых, правопорождающий эффект поданного им заявления ограничен стадией возбуждения уголовного дела.

Формально нельзя считать заявление потерпевшего частным обвинением по той главной причине, что оно не приводит непосредственно в движение судебный механизм, а только следственный. В то же время надо принимать во внимание следующие соображения. Потерпевший – это лицо, заинтересованное в исходе дела и в реализации уголовного преследования. В будущем при положительном решении о возбуждении уголовного дела заявитель признается потерпевшим – участником стороны обвинения, который будет выполнять функцию обвинения, то есть осуществлять уголовное преследование, которое можно считать субсидиарным (вспомогательным) по отношению к публичному уголовному преследованию, проводимому органами предварительного расследования и прокурором. Таким образом, заявление потерпевшего

можно считать одновременно и требованием о допуске его к уголовному преследованию и о признании его субсидиарным обвинителем подозреваемого (обвиняемого). Фактически получается, что потерпевший от предпринимательского преступления испрашивает у государства в лице правоохранительных органов разрешения на участие в уголовном преследовании подозреваемого (обвиняемого), то есть разрешения стать обвинителем субсидиарным по отношению к официальному органу обвинительной власти государства, уполномоченному на проведение публичного уголовного преследования. Этот момент в анализируемом нами виде уголовного преследования ранее упускался из вида, но в свете концепции самозащиты лицами (потерпевшим) своих прав приобретает актуальность.

В юридической литературе представлена концепция субсидиарного обвинения как института, гарантирующего процессуальную самостоятельность потерпевшего и возможность реализации им самозащиты [10, с. 41–44]. Не будем подробно останавливаться на этом, ограничась констатацией того, что на заявителя, по требованию которого возбуждено уголовное дело частного-публичного обвинения, надо смотреть не только как на потерпевшего, но и как на частного субсидиарного обвинителя.

Итак, уголовное дело не может возникнуть без повода, а обвинение, в свою очередь, может быть сформулировано и выдвинуто только по уголовному делу в стадии предварительного расследования, то есть в следственном формате. Получается, что повод, нашедший свое подтверждение в виде основания возбуждения уголовного дела плюс обвинение – это и есть «загрузка» системой обвинения судебной системы уголовного дела, которое, в свою очередь, может быть единственным местом реализации уголовного преследования.

По отношению к понятию «основание уголовной ответственности» указанные уголовно-процессуальные понятия, по нашему мнению, соотносятся по степени доказанности: повод – заявление потерпевшего долж-

но отвечать первому стандарту доказанности основания уголовной ответственности, основание возбуждения уголовного дела частно-публичного обвинения – второму стандарту доказанности, обвинение – третьему стандарту доказанности этого основания. Каждый из этих стандартов – степень разумных сомнений в правильности утверждения о том, что подозреваемый/обвиняемый совершил преступления. Это степень возрастает вплоть до полного снятия сомнений в виновности подсудимого обвинительным приговором суда. Через эти этапы проводит фактическое развитие уголовного преследования анализируемого нами вида частно-публичного вида. Специфика в том, что в формировании первого стандарта доказанности совместно участвуют орган предварительного расследования и потерпевший.

Под формальной компонентой надо понимать следственную форму, установленную кодексом для доказывания основания для возбуждения уголовного дела. Под содержательно-информационной (фактической) компонентой мы понимаем фактические данные, которые являются способом доказывания данного основания.

Содержательная (фактическая) компонента и формальная компонента основания возбуждения уголовного дела частно-публичного обвинения против лица, совершившего преступление в сфере экономической деятельности, составляют неразделимое целое. В своем единстве они могут трактоваться как правовой стандарт основания привлечения к уголовному преследованию в частно-публичном правовом порядке.

Частное обвинение потерпевшего реализуется в следственной уголовно-процессуальной форме в виде таких ее содержатель-

ных элементов, как «повод», «основание» и, наконец, само постановление следователя о возбуждении уголовного дела.

Такой нам видится принципиальная схема диалектической взаимосвязи уголовно-процессуального и уголовного правового моментов в уголовно-процессуальном механизме привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

В заключение необходимо добавить следующее. Хотя по общему условию предварительного расследования позиция потерпевшего не имеет решающего значения для определения судьбы уголовного дела, полагаем, что привлечение к уголовной ответственности за совершение предпринимательского преступления против правомерного ведения бизнеса не может состояться против воли потерпевшего. При том, конечно, условии, что последствия преступного деяния ограничили интересами потерпевшего и не затронули иных лиц, а тем более публичный интерес. По смыслу ст. 28¹ УПК РФ следователь, суд обязан(ы) прекратить уголовное преследование, если обвиняемый возместил ущерб в полном объеме. Полагаем, аналогичным образом он должен поступить и в случае *отзыва потерпевшим* своего заявления, то есть отказа от своего (частного) обвинения. Опять же это может произойти по причине возмещения причиненного ему ущерба или в результате иного урегулирования отношений с обвиняемым мировым соглашением. Подобное условие должно быть правовым стандартом ведения уголовного преследования по всем уголовным делам об экономических преступлениях, возбуждаемых в частно-публичном порядке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев О. А., Кашепов В. П., Нудель С. Л. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Серия : Право. 2020. № 37. С. 40–56.
2. Горюнов В. Г. Частно-публичное уголовное преследование в системе уголовно-процессуальных форм реализации функции обвинения // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 1(1). С. 157–162.

3. Панфилов П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 247 с.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 1087 с.
5. Александров А. С., Александрова И. А. Частно-публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2013. № 2. С. 77–82.
6. Попова Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 278 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс : научно-популярный, практический комментарий профессоров П. И. Люблинского и Н. Н. Полянского. М. : Право и Жизнь, 1928. 428 с.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жеребятникова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 441-О-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18 июня 2021 г.).
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Цогта Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда России от 18 июня 2004 г. № 204-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.06.2021).
10. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.

© Левченко О. В.

УДК 343.131.5(470)

Э. Р. МИРГОРОДСКАЯ, адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург)

E. R. MIRGORODSKAYA, adjunct of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg)

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОБЛЮДЕНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ

ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPLIANCE WITH A REASONABLE TIME OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN JUDICIAL CONTROL

Аннотация. В статье автор рассматривает вопросы соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства на досудебных стадиях при проверке судом жалоб на действия, бездействия и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора. Как показывает правоприменительная практика, рассмотрения судом в установленный законом пятисуточный срок обжалования не всегда представляется возможным по различным причинам, среди которых выделяют: невозможность истребования в указанный срок копий необходимых материалов, извещения заинтересованных лиц о судебном заседании, обеспечения процессуальных прав участников судебного заседания. Кроме того, на оперативность судебного контроля также влияет злоупотребление правом обжалования. Недобросовест-

ное обжалование обусловлено несколькими причинами: отсутствие законодательно установленного срока возможности обжалования указанных действий, отсутствие законодательно урегулированных случаев подачи многократных жалоб по одним и тем же основаниям в отношении одного и того же должностного лица. Автором изучены теоретические взгляды ученых, данные судебной практики, имеющийся опыт зарубежного законодательства, в том числе исторический опыт законодательного регулирования указанных проблем в российском государстве и предложено авторское видение их разрешения путем внесения законодательных изменений.

Ключевые слова и словосочетания: обжалование, злоупотребление, разумный срок, судебный контроль, право, суд.

Annotation. In the article, the author examines the issues of observance of reasonable terms of criminal proceedings at the pre-trial stages when the court checks complaints about the actions, inaction and decisions of the inquirer, the head of the inquiry unit, the head of the inquiry body, the investigator, the head of the investigative body or the prosecutor. As the law enforcement practice shows, consideration by the court within the 5-day period of appeal established by law is not always possible for various reasons, among which are: the impossibility of requesting copies of the necessary materials within the specified period, notifying interested parties about the court session, ensuring the procedural rights of the participants in the court session. In addition, the "abuse" of the right to appeal also affects the efficiency of judicial control. The unfair appeal is due to several reasons: the absence of a legally established period for the possibility of appealing against these actions, the absence of legislatively regulated cases of filing multiple complaints on the same grounds in relation to the same official. The author studied the theoretical views of scientists, the data of judicial practice, the existing experience of foreign legislation, including the historical experience of legislative regulation of these problems in the Russian state, and proposed the author's vision of their solution by introducing legislative changes.

Key words and phrases: appeal, abuse, reasonable time, judicial control, law, court.

В 2017 г. в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который до сих пор находится на рассмотрении [1]. Согласно пояснительной записке законопроекта пятисуточного срока рассмотрения судом жалобы в рамках судебного контроля не позволяет обеспечить суду надлежащую подготовку судебного заседания. В частности, затруднения вызваны невозможностью истребования в указанный срок копий необходимых материалов от должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование; извещения заинтересованных лиц о дате и месте рассмотрения жалобы; обеспечения процессуальных прав участников судебного заседания. С учетом вышеизложенного предлагается увеличить срок рассмотрения жалобы с 5 до 14 суток, кроме случаев рассмотрения жалоб, когда уголовное судопроизводство ведется в форме ускоренного дознания (сокращенной формы дознания). Для жалоб на действия и решения при производстве дознания в сокращенной форме пятисуточный срок является самым оптимальным

ввиду того, что сам срок расследования составляет не более 15 суток.

П. В. Луценко [2] и О. В. Химичева [3] предлагают увеличить срок рассмотрения судом таких жалоб до 10 суток.

Действительно, на практике не всегда удается рассмотреть жалобы в установленный законом пятисуточный срок. Об это свидетельствуют и официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, в 2019 г. было оставлено 4 708 производств по жалобам на рассмотрение на следующий год, в 2020 году эта цифра увеличилась и составила 6 361 перенесенных производств по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ (рис. 1) [4]. Более ранних сведений на сайте официальной статистики не велось.

Таким образом, рассмотрев статистику, можно отметить рост числа производств по материалам в 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Рассмотрим пример судебной практики, когда заседание по рассмотрению жалобы откладывается, увеличивая тем самым еще больше срок ее рассмотрения.

Рис. 1. Динамика производств по материалам на конец отчетного периода

15 июня 2017 г. была подана жалоба в Октябрьский районный суд г. Иркутска на бездействие следователя, выразившееся в неуведомлении подозреваемого о продлении срока предварительного следствия, начиная с 16 мая 2017 г. до 18 июля 2017 г. (2 месяца следствие, по мнению заявителя, бездействовало). В обоснование своей жалобы заявитель указывает на нарушение конкретного конституционного права – права на доступ к правосудию, поскольку, не зная о факте продления расследования, данное решение следователя невозможно было обжаловать в судебном порядке. Как представляется, очевиден предмет обжалования, указанный в ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) – бездействие, затрудняющее доступ граждан к правосудию. Однако жалоба была принята к производству только через две недели – 4 июля 2017 г. Судебное заседание по рассмотрению жалобы неоднократно переносилось по различным причинам (просьба прокурора, дежурство судьи) и состоялось 27 июля 2017 г. (через 2,5 месяца после подачи жалобы).

В приведенном примере, несомненно, были допущены нарушения основополагающих начал уголовно-процессуальной деятельности: принцип соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1

УПК РФ) и принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) путем искусственного затягивания сроков рассмотрения жалобы и предоставления следователю тем самым привилегированного положения для устранения допущенных нарушений [5]. Однако, думается, что увеличение сроков рассмотрения жалобы не будет являться решением существующей проблемы, а будет только затягивать производство по делу. Это не способствует оперативности судебного контроля на досудебных стадиях, учитывая и так небольшие сроки осуществления предварительного расследования в форме дознания (30 суток и 15 суток). Таким образом, жалобы на действия, бездействия и решения органов предварительного расследования, поданные за 15 суток до окончания производства по уголовному делу автоматически рискуют быть нерассмотренными ввиду того, что уголовное дело уже будет направлено в суд. Как известно, рассмотрение уголовного дела по существу является основанием для вынесения решения об отказе в принятии жалобы к производству. Представляется, что эффективный порядок обжалования должен гарантировать безотлагательное восстановление в правах. Безотлагательность может быть обеспечена регламентацией уголовно-процессуальных сроков, а именно: их сокращением, а не наоборот, увеличением.

Таким образом, следует не согласиться с позицией, в соответствии с которой увеличение сроков рассмотрения жалобы будет являться решением вышеназванных проблем при подготовке к судебному заседанию (истребование материалов в указанные сроки, извещение участников о дате и месте судебного заседания). Кроме того, в данном вопросе следует обратить внимание не только на стадию предварительного расследования, но и на стадию возбуждения уголовного дела, так как нередко предметом судебного контроля являются материалы доследственных проверок. Обычно в стадии возбуждения уголовного дела обжалуются решения об отказе в возбуждении уголовного дела, бездействия, выразившиеся в не регистрации сообщения о преступлении, в непринятии мер по установлению лица, совершившего преступление. На этой стадии оперативность судебного контроля никоим образом не должна уменьшаться. Слишком позднее обжалование лицом, пострадавшим от преступления, может привести к тому, что лицо, совершившее преступление, будет не установлено либо установлено, но его виновность не будет доказана.

Думаем, что указанную проблему можно решить иным путем, а именно: применением современных информационных технологий в деятельности органов судебной власти, предварительного расследования, а также прокуратуры. Совместное применение информационных технологий перечисленными органами позволит безотлагательно, в возможно короткие сроки реализовать право на защиту. Нам представляется, что уголовное дело могло бы вестись в электронном формате, позволяющем в возможно короткие сроки осуществить передачу материалов как в органы суда для проверки законности и обоснованности производимых действий, бездействий и принимаемых решений, так и в органы прокуратуры. Это бы избавило от необходимости нести оригиналы или копии документов нарочным способом в органы суда, прокуратуры или направлять их почтовым способом, ведь техника не стоит на месте, а позволяет нам ис-

пользовать ее возможности для оперативности взаимодействия между органами. Кроме того, уведомление о дате и месте судебного заседания участвующим лицам могло бы направляться посредством SMS-уведомлений или через доступ в личном кабинете «Госулуг». Необходимо также рассмотреть возможность организации судебных заседаний в режиме видео-конференц-связи и предоставления документов в электронном виде, в дальнейшем придания им доказательственного значения. Это предоставило бы дополнительные возможности участникам уголовного судопроизводства на поддержание доводов своей жалобы и защиту своих прав в случае, если они по каким-либо причинам не могут лично присутствовать в судебном заседании.

При рассмотрении вопроса затягивания сроков судебного контроля также необходимо обратить внимание на еще одну проблему, влияющую на эффективность судебного контроля – недобросовестное использование участниками уголовного судопроизводства права обжалования. Злоупотребление заявителями своего права на обжалование действий и решений органов, осуществляющих досудебное производство, препятствует нормальному функционированию судебных органов в частности и уголовно-процессуальной деятельности в целом, создает дополнительную нагрузку на судей по подготовке к судебному заседанию по рассмотрению жалоб, по которым ранее вынесено уже решение.

Под злоупотреблением правом на обжалование, как нам представляется, следует понимать многократную подачу жалоб по одним и тем же основаниям одним и тем же субъектом обжалования в отношении одного и того же должностного лица. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что большая часть поданных в порядке ст. 125 УПК РФ [6] заявлений не вызывалась объективной необходимостью.

В законе отсутствует определение понятия «злоупотребление правом на обжалование». Для уяснения этого понятия обратимся к ст. 35 Европейской конвенции

по правам человека. Понятие «злоупотребление» можно выразить через понятие «неприемлемость». Согласно ч. 4 ст. 35 суд отклоняет неприемлемую жалобу. Согласно п. «б» ч. 2 ст. 35 суд не принимает к рассмотрению жалобу, которая по существу аналогична той, что уже была рассмотрена ранее. О. В. Желева также под «злоупотреблением» понимает:

- подачу заявителем жалобы при условии того, что он осознает законность и обоснованность действий должностного лица;
- подачу беспредметной жалобы, в которой не указывается предмет обжалования [7, с. 168–172].

Для исключения такого злоупотребления правом, как многократное обжалование действий или бездействий, решений, по основаниям, которые ранее были рассмотрены судом, необходимо предусмотреть в законе случаи неприемлемости жалобы, внося соответствующие изменения в ст. 125 УПК РФ.

В юридической литературе рассматривается вопрос о необходимости установления срока, в течение которого решение, действие, бездействие можно обжаловать. Неурегулированность сроков подачи жалобы создает ситуацию, когда лица, обжалующие действия и решения органов предварительного расследования, нередко подают жалобы после окончания направления уголовного дела в суд, что влечет к отказу в принятии жалобы к производству.

В юридической литературе высказывалось мнение о том, что необходимо установить срок на обжалование постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, который должен быть не более десяти суток. М. В. Беляев рассматривает возможность установления тридцатисуточного срока подачи жалобы с момента, когда лицу стало известно о нарушении его прав. О. В. Химичева справедливо говорит о том, что гарантией свободы обжалования в суде служит возможность подачи жалобы в любой момент досудебного производства. Однако необходимо, по ее мнению, установить десятисуточный срок для обжалования «рубежных» решений, к которым относятся:

- отказ в принятии сообщения о преступлении;
- отказ в возбуждении уголовного дела;
- постановление о приостановлении предварительного расследования;
- постановление о прекращении уголовного дела.

Рассмотрев точки зрения ученых на указанную проблематику, обратимся к анализу законодательства зарубежных государств, регламентирующих сроки подачи жалоб.

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не регламентирован срок подачи жалобы. Однако иным путем пошло законодательство других стран постсоветского пространства. Так, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан законодатель установил пятнадцатисуточный срок обжалования (ч. 5 ст. 106) [8]. По уголовно-процессуальному кодексу Республики Кыргызстан общий срок подачи каждой жалобы также определен 15 сутками с момента ознакомления с результатами этих действий (ч. 1 ст. 129). Жалобу на постановление о прекращении уголовного дела можно подать в течение 10 дней прокурору или в суд с момента получения постановления о прекращении уголовного дела (ст. 250). Мера пресечения, избранная следственным судьей, подлежит обжалованию в апелляционном порядке в течение 5 суток с момента его вынесения (п. 11 ст. 257). Не подлежит обжалованию постановление следственного судьи об отказе в проведении специальных следственных действий (ч. 8 ст. 260), о законности или незаконности проведения следственных действий или специальных следственных действий по результатам рассмотрения ходатайства следователя о признании такового (ч. 3 ст. 261) [9]. Законодательство Республики Беларусь регламентирует сроки подачи жалобы, ограничивая их 10 сутками. Согласно п. 3 ст. 142 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь суд вправе рассматриваться только жалобы на:

- отказ в возбуждении уголовного дела;
- прекращение предварительного расследования либо уголовного преследования;

– отказ в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам;

– содержащихся под домашним арестом, и иных лиц на задержание, применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста (ст. 143 УПК Республики Беларусь) [10].

Постановление суда об удовлетворении жалобы или об отказе жалобы вступает в законную силу немедленно. Копия постановления суда направляется прокурору или руководителю следственного органа для дополнительного расследования.

Между тем следует отметить, что российское уголовно-процессуальное законодательство в своей истории имело опыт регламентации сроков подачи жалоб. По Уставу уголовного судопроизводства (далее – УУС) 1864 г. жалоба на действия следователя передавалась субъекту в течение трех дней, а в случаях принесения жалобы на лишение свободы – в течение суток (ст. 499 УУС). Разрешалась жалоба в первый присутственный день (ст. 501 УУС) [11]. Это происходило потому, что окружной суд, рассматривающий жалобу, и судебный следователь находились территориально в одном здании, что являлось преимуществом, сказывающимся на оперативности передачи суду материалов уголовного дела от следователя.

Представляем целесообразным привести пример того, как боролись с так называемым злоупотреблением в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1961 г. Так, в ст. 209 УПК РСФСР [12] был закреплен пятисуточный срок обжалования, который исчислялся с момента уведомления о принятом решении.

Думаем, необходимо установить срок подачи жалобы в течение 15 суток с момента, когда лицу стало известно о совершении действия, бездействия или принятия решения, способном нарушить его конституционные права и свободы, либо затруднить доступ к правосудию. В случае обжалования бездействия предлагаем исчислять срок с момента, когда лицу стало известно о без-

действии, способном нарушить конституционное право гражданина, либо затруднить доступ к правосудию. Доказывание факта того, как заявитель узнал о бездействии лежит на нем самом. Как нам представляется, такое положение дел будет способствовать оперативности судебного контроля, соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства, гарантированию реализации права на судебную защиту.

На основании вышеизложенного, мы пришли к выводу, что решить проблему недостаточности пятисуточного срока для рассмотрения жалобы необходимо не путем увеличения сроков ее рассмотрения, а путем внедрения современных информационных технологий при передаче материалов уголовного дела в электронном виде, а также путем обеспечения участия заинтересованных лиц в судебном заседании посредством системы видео-конференц-связи. Это позволит повысить оперативность судебного контроля и разрешит указанную проблему. Установление законных сроков будет способствовать организации порядка обращения за защитой прав участников уголовно-процессуальной деятельности, предотвратит судебные производства по проверке жалоб, поданных многократно в течение всего срока производства по делу по одному и тому же основанию в отношении одного и того же должностного лица.

Кроме того, в целях недопущения злоупотребления правом обжалования необходимо:

1) ст. 125 УПК РФ дополнить частью 2.1 следующего содержания: «Жалоба является неприемлемой и не подлежит рассмотрению судом в случае, если имеется решение суда по поданной ранее заявителем жалобе на действие, бездействие или решение органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора по одним и тем же основаниям в отношении одного и того же должностного лица»;

2) ч. 2 ст. 125 УПК РФ после слов «Жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем непосредственно либо через дознава-

теля, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора» дополнить словами «в течение 15 суток с момента, когда стало известно о совершении действия, бездействия или принятия решения, способного нарушить его конституционные права и свободы, либо затруднить доступ к правосудию»;

3) Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля

2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» дополнить пунктом 8.1 следующего содержания: «Если в производстве суда находится жалоба, поданная одним и тем же лицом на одно и то же действие, бездействие или решение органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, материалы по жалобам подлежат соединению в одно производство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Законопроект № 163784-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования порядка судебного контроля в досудебном производстве и судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/163784-7> (дата обращения: 03.02.2021).
2. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
3. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
4. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.02.2021).
5. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 22 сентября 2017 года по делу № № 22К – 3108/2017 URL: sudact.ru (дата обращения: 18.02.2021).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19 декабря 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.02.2021).
7. Желева О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействий) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 168–172.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2013 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 15.01.2021).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Киргизстан от 2 февраля 2017 г. № 20. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 18.01.2021);
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: <https://kodeksy.by/ugolovno-processualnuy-kodeks> (дата обращения: 18.01.2021).
11. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 17.01.2021).
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ред. от 18 мая 1995 г.). URL: <https://zakonbase.ru/content/base/5> (дата обращения: 18.01.2021).

© Миргородская Э. Р.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.102(470)

Н. С. ЖЕЛЕЗНЯК, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Красноярск)

N. S. ZHELEZNIAK, Professor of Law Enforcement Activity Department of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, the Honored Lawyer of the Russian Federation (Krasnoyarsk)

**НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

**SOME THOUGHTS ON THE LEGAL TECHNIQUE OF FORMATION
OF SEPARATE PROVISIONS OF THE FEDERAL LAW
«ON OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY»**

***Аннотация.** В работе подвергаются оценке отдельные предписания статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», регламентирующей вопросы соблюдения прав и свобод человека и гражданина при ее осуществлении, анализируется содержание положений, регулирующих взаимоотношения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и граждан, в отношении которых проводились или проводятся оперативно-розыскные мероприятия, в части истребования последними у правоохранительных органов сведений о полученной о них информации, делаются некоторые выводы, в том числе предлагается подкрепленное аргументами авторское видение формулировки части 6 рассматриваемой статьи.*

***Ключевые слова и словосочетания:** оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, права и свободы личности, частная жизнь, нормативное правовое регулирование, суд, прокурор.*

***Annotation.** The research paper assesses certain provisions of Article 5 of the Federal Law «On Operational-Search Activity», which regulates the observance of human and civil rights and freedoms in its implementation; analyzes the content of the provisions regulating the relationship between bodies which carry out operational-search activities and citizens, to relation of which operational-search actions have been or are being carried out, concerning the data demanding from law enforcement agencies on the information received about them. Some conclusions are drawn, including supported by arguments the author's perspective of the wording of part 6 of the concerned article.*

***Keywords and phrases:** operational-search activity, operational-search actions, civil rights and freedoms, privacy, legal regulation, court, prosecution attorney.*

Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее – ФЗ об ОРД), отражающему в своих нормах основные направления профессионального сыска и

регулирующему оперативно-розыскные правоотношения, исполнилось более двадцати пяти лет.

За это время он претерпел тридцать одну редакцию, повлекшую семьдесят шесть из-

менений содержащихся в нем предписаний. Описание нормативного правового акта в сухих цифрах дает возможность судить о содержании в нем ста одного установления, расположенного в двадцати четырех рабочих статьях. Простейшие арифметические вычисления, которые может позволить себе даже юрист, предоставляют возможность сделать вывод, что в рассматриваемый период более семидесяти процентов норм закона подверглись изменению, и, по мнению специалистов, не всегда в лучшую сторону [1; 2; 3]. В связи с этим более или менее стройная система правовых положений была приведена к состоянию, близкому к хаосу, при котором целый ряд предписаний закона стал недостаточно сочетаться друг с другом, порождая не только научные дискуссии, но и правоприменительные проблемы в рассматриваемой области юридической деятельности.

Целью данной публикации выступает анализ отдельных предписаний ст. 5 ФЗ об ОРД «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

Почему эта проблема заинтересовала автора? Наверное, потому что в российской правовой системе, построенной на нормативной правовой регламентации жизнедеятельности человека, предписания указанных документов часто являются декларативными либо представленными не очень понятными правоприменителю формулировками. Не избежали этого и законы.

Закон – обладающий высшей юридической силой свод обязательных норм и правил, регулирующих общественные отношения в определенной сфере деятельности. По меткому выражению французского полководца и политического деятеля Наполеона Бонапарта: «Закон должен быть ясен, точен, однообразен; истолковывать его – значит исказить его» [4, с. 379]. Следуя этому изречению, мы лишь предпримем попытку объяснить логику законодателя (как мы ее видим) относительно некоторых возможностей ограничения прав личности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Статья 5 ФЗ об ОРД «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» являет собой самую большую по объему совокупность норм, что представляется вполне оправданным в связи со специфичностью влияния предписаний рассматриваемого закона и соответствующей правоприменительной практики на одну из основных ценностей, зафиксированных в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

С учетом ограниченного объема настоящей работы мы рассмотрим только некоторые, в достаточной мере не исследованные нами части рассматриваемой статьи, в которых отмечается следующее:

(Ч. 1) Органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (здесь и далее выделено автором – Н. Ж.).

(Ч. 3) Лицо, *полагающее*, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, *вправе обжаловать* эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд.

(Ч. 4) Лицо, *виновность которого* в совершении преступления *не доказана* в установленном законом порядке, то есть в отношении которого в *возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено* в связи с *отсутствием события преступления* или в связи с *отсутствием в деянии состава преступления*, и которое *располагает фактами* проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и *полагает*, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации *в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государствен-*

ной тайны. В случае, если будет отказано в предоставлении запрошенных сведений или если указанное лицо полагает, что сведения получены не в полном объеме, оно вправе обжаловать это в судебном порядке. В процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении этому лицу сведений, в том числе в полном объеме, возлагается на соответствующий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность.

(Ч. 6) В случае признания необоснованным решения органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, об отказе в предоставлении необходимых сведений заявителю судья может обязать указанный орган предоставить заявителю сведения, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи.

Представленные выше установления рождены не инициативой законодателя, а являются следствием трансформации ряда положений Конституции РФ и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ Об информации) применительно к ОРД.

Так, в ст. 23 высшего нормативного правового акта Российской Федерации, во-первых, декларируется, что *каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени*, во-вторых, что *каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения*.

В ст. 24, во-первых, отмечается, что *сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются*, во-вторых – что *органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом*.

В ст. 25 закрепляется, что жилище неприкосновенно, и никто не вправе прони-

кать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

В ст. 33 представлено право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

И, наконец, в ч. 3 ст. 55 сформулировано предписание, согласно которому *права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства*.

Столь подробное изложение конституционных норм, посвященных предмету данного исследования, преследует единственную цель – показать заинтересованным лицам значимость в этой части высшего нормативного правового акта Российской Федерации и его влияние на последующее законодательное регулирование вопросов, касающихся возможности легитимного ограничения прав и свобод личности.

Вместе с тем стоит обратить внимание на одну странность, которую ранее мы неоднократно отмечали: различные подходы нормодателя к юридическим основаниям ограничения равных по своей сути конституционных прав граждан, закрепленных в ст.ст. 23 и 25 Конституции РФ. Напомним, что декларируемые в ст. 23 права могут быть ограничены *только на основании судебного решения*, тогда как право на неприкосновенность жилища может быть ограничено *не иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения*.

Для упрощения сопоставительного анализа возможного ограничения рассматриваемых прав представим Вас на месте обывателя, в отношении которого правоохранительными органами или спецслужбами осуществляется проверка на причастность к преступной деятельности, для чего в рамках ОРД необходимо проведение того или иного ОРМ так называемого «судебного санкционирования».

Пойдем еще дальше и вообразим, что, в связи с этим, компетентные структуры обратились к Вам за соответствующим разрешением, дающим право выбора: тайно (как правило) проникнуть в Ваш дом или в данные Вашего мобильного телефона. Убеждены, что в подавляющем числе таких фантазмагорических случаев не только Вы, но и любой иной здравомыслящий человек, согласился бы вторым вариантом развития ситуации.

В связи с оценкой предложенных выше обстоятельств полагаем правомерным в ч. 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции РФ сформулировать единые требования ограничения конституционных прав личности по образу и подобию словосочетания, использованного в ст. 25 рассматриваемого высшего нормативного правового акта, т. е. *не иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения*. Данная формула позволяет ограничивать конституционные права личности при возникновении необходимости проведения ОРМ в неотложном порядке¹.

ФЗ об информации также содержит ряд положений, вытекающих из норм Конституции РФ.

Так, в ст. 3, озаглавленной «Принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации» отмечается, что одним из принципов, регулирующих отношения, возникающие в этой сфере, является «неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица *без его согласия*» (ч. 7).

В ст. 8 «Право на доступ к информации» содержится норма, согласно которой «*гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от государственных органов..., их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы*» (ч. 2).

В ст. 9 «Ограничение доступа к информации» располагается предписание, *запре-*

щающее «требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и *получать такую информацию помимо воли гражданина* (физического лица), если иное не предусмотрено федеральными законами» (ч. 8).

Презентация пяти положений Конституции РФ и согласованных с ними трех предписаний ФЗ об информации позволяет, наконец, оценить смысл и качество помещенных нами в текст работы норм ст. 5 ФЗ об ОРД.

Содержание ч. 1 рассматриваемой статьи дает возможность судить, что к органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, предъявляется требование *обеспечивать* при проведении ОРМ *соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции*.

В рассматриваемой норме перечислены права, чаще всего затрагиваемые при осуществлении ОРД и корреспондирующие ст.ст. 23, 24, 25 Конституции РФ, ст.ст. 3, 9 ФЗ Об информации.

Такой законодательный посыл создает перед правоприменителем четкую картину его возможностей и существующих ограничений в ходе осуществления ОРД в отношении физических лиц. При этом, на наш взгляд, словосочетание «человека и гражданина» в данном случае используется в угоду аналогичной идиоме, содержащейся в Конституции РФ, и представляется некорректным. Действительно (а об этом свидетельствует как действующее законодательство, так и правоприменительная практика), использование оперативно-розыскных возможностей в противодействии преступности совершенно не зависит от того, является ли интересующее нас физическое лицо гражданином Российской Федерации или не является (апатрид, бипатрид). В связи с этим, по нашему мнению, в оперативно-розыскном законе было бы разумнее вместо

¹ См. : предписания ч. 3, 6, 7 ст. 8 ФЗ об ОРД.

имеющегося словосочетания применять термин «личность».

Весьма значимо для предмета нашего исследования содержание ч. 4 рассматриваемой статьи. В ней в развитие ч. 2 ст. 8 ФЗ Об информации, а также ч. 3 ст. 55 Конституции РФ определен целый ряд условий, позволяющих лицу истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации:

1) виновность указанного субъекта в совершении преступления должна быть не доказана в установленном законом порядке;

2) в отношении указанного лица в возбуждении уголовного дела должно быть отказано либо уголовное дело прекращено;

3) отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение должны обосновываться отсутствием события преступления или отсутствием в деянии состава преступления;

4) лицо должно располагать фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий;

5) оно должно полагать, что при этом были нарушены его права;

6) ознакомление лица с запрошенной им информацией должно осуществляться в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны.

Таким образом, можно сделать вывод, что предоставление по требованию лица полученной в ходе осуществления ОРД информации, касающейся его частной жизни, возможно при соблюдении вышеперечисленных условий. Одновременно, как нам представляется, это означает, что отсутствие хотя бы одного из вышеперечисленных требований исключает саму возможность предоставления таких сведений.

В этой же части статьи разъясняется возможность при отказе органа, осуществляющего ОРД, в предоставлении запрошенных сведений или получении их, по мнению лица, не в полном объеме, обжаловать это решение в судебном порядке.

Полагаем такое законодательное установление несколько усеченным и ограничивающим данное право гражданина. Дело в том,

что в ч. 3 рассматриваемой статьи в качестве адресатов обжалования неправомерных, по мнению лица, решений органа, осуществляющего ОРД, кроме суда упомянуты вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, и прокурор. В связи с этим представляется неясным почему в общей норме права, каковой является содержащаяся в ч. 3 анализируемой статьи, субъектов обращения гражданина в связи с нарушением его прав и свобод несколько, а в ч. 5 – только один? Ведь и компетентные представители вышестоящего органа, осуществляющего ОРД, и уполномоченный прокурор (в обязанности уполномоченного прокурора наряду с проверкой фактов нарушения органами, осуществляющими ОРД, законов входит и работа, связанная с аналогичной проверкой соблюдения прав и свобод личности) [6] допущены к тем сведениям, которые могут стать предметом их рассмотрения в связи с поступившей жалобой.

Более того, зная существующую практику принятия судебных решений, к сожалению, характеризующуюся значительной длительностью рассмотрения материалов, считаем более выгодным для лиц, полагающих, что их права нарушены действиями сыщиков, обращение в органы прокуратуры, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 10 Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ О прокуратуре) «поступающие в органы прокуратуры заявления и жалобы, иные обращения рассматриваются в порядке и сроки, которые установлены федеральным законодательством». Что же касается сроков рассмотрения подобных обращений, то в соответствии с нормативными установлениями [7] «обращения граждан, военнослужащих и членов их семей, должностных и иных лиц разрешаются в течение 30 дней со дня их регистрации в органах прокуратуры Российской Федерации, а не требующие дополнительного изучения и проверки – в течение 15 дней».

Также, на наш взгляд, не исключается возможность обращения просителя в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД. При определенных условиях (например, очевидности неправомерных действий сотрудни-

ков оперативного подразделения) этого будет вполне достаточно для восстановления нарушенных прав личности.

В завершение анализа отдельных положений ст. 5 ФЗ об ОРД обратимся к содержанию ч. 6, согласно которой «в случае признания необоснованным решения органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, об отказе в предоставлении необходимых сведений заявителю судья может обязать указанный орган предоставить заявителю сведения, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи».

Данное положение, на наш взгляд (что мы уже отмечали ранее), представляется не соответствующим логике реализации принципа уважения и соблюдения прав человека и гражданина. Оно в нынешнем виде позволяет предполагать, что в случае признания необоснованным отказа органа, осуществляющего ОРД, в предоставлении заявителю сведений в полном или усеченном объеме, содержание решения судьи зависит от усмотрения последнего [8, с. 71–72]. Мы полагаем, что при возникновении описанных в предписании закона обстоятельств данную норму следует рассматривать как обязывание судьей органа, осуществляющего ОРД, предоставить заявителю соответствующие сведения. Проще говоря, при установлении необоснованности действий органа, осуществляющего ОРД, судья обязан принять однозначное решение об ознакомлении истца с полученной в отношении его информацией.

Отсюда следует внести предложение об изменении нормативного состояния предписания, содержащегося в ч. 6 ст. 5 ФЗ об ОРД, которое, на наш взгляд, должно выглядеть следующим образом: «В случае признания необоснованным решения органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, об отказе в доступе заявителя к необходимым сведениям либо передаче их в неполном объеме судья обязан потребовать от указанного органа предоставления заявителю сведений, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи» [9]. Понятно, что в этом случае истцу не должны вручаться реальные документы оперативно-розыскно-

го производства, содержание которых может нанести ущерб государственным интересам, а только соответствующие обобщенные сведения, не противоречащие установлениям ст. 12, 12.1 «Недопустимость разглашения сведений об осуществлении оперативно-розыскной деятельности» введена в ФЗ об ОРД Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 515-ФЗ» ФЗ об ОРД.

Однако и здесь не все понятно. С одной стороны, судья может (и в некоторых случаях должен) принять решение о необходимости доступа заявителя к запрашиваемым им сведениям, с другой – в соответствии с ч. 1 ст. 12 ФЗ об ОРД «Сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, ... а также об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность». А это означает, что даже при принятии судом удовлетворяющего гражданина решения в случае минимальной опасности разглашения государственной тайны окончательный выбор в части получения заявителем информации (или отказа в этом) остается за органом, осуществляющим ОРД.

Кроме того, нам не известны положения нормативных правовых актов, регулирующие описываемую ситуацию как относительно рассекречивания таких сведений по требованию судьи, так и ознакомления с ними заявителя [10]. Возможно, это тема отдельного научного исследования.

Естественно, если решение судьи не удовлетворяет орган, осуществляющий ОРД, то в соответствии с принципом аналогии права и ч. 7 ст. 9 ФЗ об ОРД его должностные лица «вправе обратиться по этому же вопросу в вышестоящий суд».

Содержащееся в законе словосочетание также кажется нам далеким от оптимума, поскольку сразу же возникает вопрос: «Почему законодатель в случае отказа судьи в

санкционировании ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, предлагает *обратиться по этому же вопросу* в вышестоящий суд, а не *обжаловать* не устраивающий субъект ОРД судебный акт»? Институт обжалования судебных решений весьма распространен в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве, и мы не видим оснований для отказа в таком подходе в ОРД. Более того, в свое время предлагалось, например, дополнить ФЗ об ОРД ст. 9.1 «Обжалование судебных решений об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» [11] или внести в ст. 5 и 9 соответствующие изменения [12], где, как мы видим, возможности обжалования решения суда органом, осуществляющим ОРД, также не было предусмотрено.

Вместе с тем законодательное закрепление возможности обжалования в том или ином порядке судебных актов по вопросам ОРД, на наш взгляд, позволит судьям как первой, так и последующих инстанций почувствовать персональную ответственность за принимаемые ими решения, что, безусловно, минимизирует как правовые, так и правоприменительные последствия этих решений.

Подводя итог краткому анализу отдельных положений ст. 5 ФЗ об ОРД, регулирующей вопросы соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД, следует отметить, что они, по мнению автора, не лишены парциальной определенности, но не являются образцом юридической техники и нуждаются в частичной корректировке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы совершенствования оперативно-розыскного законодательства (материалы круглого стола, посвященные десятилетию принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») / под ред. д.ю.н. В. И. Елинского. М. : ВНИИ МВД России, 2004.
2. 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Омск : Омский юридический институт, 2010.
3. Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сборник материалов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2001 г.) / сост. К. Б. Калиновский. СПб. : ИД «Петрополис», 2012.
4. Антология мудрости / сост. В. Ю. Шойхер. М. : Вече, 2007.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ. Ст. 3. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2021).
6. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Ст. 1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2021).
7. Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 30 октября 2013 г. № 45. П. 5.1. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2021).
8. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. С. 71–72.
9. Железняк Н. С. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : проект. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 6. Ст. 20.
10. Инструкция об основах организации проведения оперативно-технических мероприятий : приказ ФСБРФ, МВД РФ, СВР РФ, ФСО РФ, СБ Президента РФ, ФПС РФ, ФСНПРФ, ГТК РФ от 19 июля 1996 г. № 281дсп/306дсп/30дсп/215дсп/66дсп/390дсп/191дсп/374дсп
11. О внесении изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : проект (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.09.2018). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2021).
12. О внесении изменений в статьи 5 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : проект (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.09.2020). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2021).

© Железняк Н. С.

УДК 343.985.7:343.359.2(470)

П. И. ИВАНОВ, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва)

P. I. IVANOV, Chief Research Officer research center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation (Moscow)

А. С. ШИТОВ, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России (г. Москва)

A. S. SHITOV, adjunct faculty of training of scientific and scientific-pedagogical personnel Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

К ВОПРОСУ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ОПЕРАТИВНЫМ ПУТЕМ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ

ON THE ISSUE OF THE OPERATIONAL DETECTION OF TAX CRIMES IN THE CONSUMER MARKET

Аннотация. В настоящей научной статье авторами на примере потребительского рынка показаны особенности выявления оперативным путем налоговых преступлений, совершаемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Изучение и анализ многолетней правоприменительной практики показывает, что указанные противоправные деяния совершаются с использованием преимущественно замаскированных способов, которые невозможно либо крайне затруднительно обнаружить и задокументировать, используя лишь гласные силы и средства. Успешно решить эту задачу во многом способствует осуществляемый органами внутренних дел и их подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» комплекс оперативно-аналитических и оперативно-розыскных мероприятий, нацеленные на установление в целом механизма совершения уклонения от уплаты налогов либо сокрытия доходов от налогообложения. Знание сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел совокупности признаков распознавания налоговых преступлений обеспечивает своевременное их обнаружение, фиксацию и закрепление оперативным путем фактических данных, могущих быть в последующем доказательствами по уголовному делу.

Ключевые слова и словосочетания: налоговые преступления, потребительский рынок, идентификации противоправных деяний, классификация.

Annotation. In this scientific article, the authors, using the example of the consumer market, show the peculiarities of detecting tax crimes committed by legal entities and individual entrepreneurs engaged in entrepreneurial activities by operational means. The study and analysis of many years of law enforcement practice shows that these illegal acts are committed using mostly disguised methods that are impossible or extremely difficult to detect and document, using only public forces and means. The complex of operational-analytical and operational-search measures carried out by the Internal Affairs bodies and their divisions

of economic security and anti-corruption in accordance with the federal law «On operational-search activities», aimed at establishing a general mechanism for committing tax evasion or concealing income from taxation, contributes to the successful solution of this problem. The employees of the economic security and anti-corruption units of the Internal Affairs bodies are aware of the set of signs of recognition of tax crimes, which ensures their timely detection, fixation and consolidation of actual data, which can later be evidence in a criminal case.

Keywords and phrases: *tax crimes, consumer market, identification of illegal acts, classification.*

Среди системообразующих отраслей экономики страны значительное место в жизнедеятельности людей отводится потребительскому рынку, поскольку он по большому счету обеспечивает определенный баланс между спросом и предложением, регулируя экономические отношения, складывающиеся в процессе производства товаров, их реализации и потребления. При этом исследователи особо подчеркивают то, что рассматриваемая отрасль экономики выступает как замыкающее звено в воспроизводственном процессе [1, с. 175–177].

К большому сожалению, потребительский рынок на сегодняшний день продолжает оставаться привлекательной средой для совершения экономических и налоговых преступлений [2]. Подтверждением тому служат следующие статистические данные за последние четыре года. Так, в 2017 г. подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБ и ПК) органов внутренних дел (далее – ОВД) было выявлено 692 преступления налоговой направленности в сфере потребительского рынка, материальный ущерб от которых составил более 3 млрд руб.; в 2018 г. – 609, ущерб от их совершения превысил 2 млрд руб.; в 2019 г. – 74, ущерб равен 1,5 млрд руб., а в 2020 г. – 38, материальный ущерб равен 1 млрд рублей [3].

Как мы видим из приведенных выше цифр, просматривается существенное сокращение количества выявленных преступлений налоговой направленности в рассматриваемой сфере, а на самом деле это не так. Это можно объяснить следующим образом: до недавнего времени при формировании статистической отчетности 43 состава преступлений учитывались как «преступления

налоговой направленности», теперь же оставили лишь 16 [4; 5], что повлекло ухудшение «картины» о состоянии налоговой преступности в целом.

Оперативно-следственная практика убедительно показывает, что налоговые преступления представляют повышенную общественную опасность для бюджетной системы государства и говоря об этом нельзя не принимать во внимание высокий уровень латентности преступлений налоговой направленности на потребительском рынке, который, по данным проведенного нами исследования, составляет порядка 75 %. Для сравнения, этот же показатель в социально-бюджетной сфере не превышает 55–60 %.

Мы считаем, что нельзя оставить незамеченным реально существующую возможность использования при ведении финансово-хозяйственной деятельности в целях уклонения от уплаты налогов «криптовалюты» (под «криптовалютой» нами подразумевается виртуальное средство выражения стоимости, представленное в цифровом формате, в основе которой лежит технология криптографии (шифрования данных) и выступающее в качестве средства обмена, либо расчетной денежной единицы, либо средства хранения стоимости) [6]. Многие исследователи на основе изучения и анализа складывающейся ситуации от использования экономическими субъектами криптовалютных финансовых инструментов [7] делают вывод о том, что неуплата налогов получит свое дальнейшее распространение и государству от этого будет причинен значительный ущерб [8; 9; 10; 11].

МВД России на основе проведенного анализа состояния деятельности по документированию налоговых преступлений

обращает внимание руководителей территориальных органов МВД России на региональном уровне на имеющиеся при этом типичные ошибки и на необходимость их устранения [12].

Как известно, подразделения ЭБ и ПК, выступающие в системе ОВД головной службой по организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), борьбу с налоговыми преступлениями на объектах потребительского рынка рассматривают в своей повседневной деятельности одним из приоритетных направлений и принимают оперативно-розыскные меры, направленные на недопущение недостатков при осуществлении документирования преступных действий так называемых «дельцов теневой экономики». Отсюда следует, что основную нагрузку в реализации оперативно-розыскной функции несут сотрудники названных подразделений. Для них потребительский рынок выступает как среда функционирования, состоящая из совокупности организаций (индивидуальных предпринимателей), выполняющих работу и оказывающих потребителям различные услуги, а именно: бытовые, транспортные, медицинские, санаторно-оздоровительных и многие другие [13].

Следует подчеркнуть, что потребительский рынок тем самым представляет собой целостную систему, каждое отдельно взятое звено которой на сегодняшний день в силу дальнейшей криминализации экономических отношений нуждается в теоретическом осмыслении через призму предмета оперативно-розыскной науки в поисках средств повышения эффективности деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений налоговой направленности.

Проведенное нами выборочное исследование убедительно свидетельствует о том, что устойчивому и динамичному развитию в условиях рыночной экономики потребительского рынка как ее составной части во многом воспрепятствуют существующие ныне источники угроз налоговой безопасности, а именно:

- экономические и налоговые преступления, влекущие дальнейшую криминализацию экономических отношений;
- коррупция;
- теневая экономика, включая криминальную ее составляющую;
- незаконная миграция;
- организованная преступность, в том числе сформированная на этнической основе;
- транснациональная организованная налоговая преступность.

Перечисленные источники оказывают непосредственное влияние на организацию оперативного поиска, а именно: на выбор признаков распознавания противоправных деяний, объектов и направлений поисковой работы, а также средств ее осуществления.

Говоря об оперативном поиске [14; 15], хотим подчеркнуть, что в настоящее время федеральные законы «О полиции» [16] и «Об оперативно-розыскной деятельности» [17] не определяют понятие «выявление преступлений». Мы, принимая во внимание данное обстоятельство, исходим из того, что основной целью деятельности по выявлению является обнаружение совокупности признаков, указывающих на подготовку и совершение на объектах, в частности, потребительского рынка преступлений налоговой направленности.

Между тем необходимо иметь в виду, что термин «выявление» многозначное понятие, которое может быть рассмотрено как одна из задач ОРД или организационно-тактическая ее форма. При этом следует учесть одно немаловажное обстоятельство: своевременное получение первичной информации во многом зависит от должной организации оперативного поиска.

Считаем важным указать такие особенности оперативного поиска, как наличие объектов сферы потребительского рынка во всех регионах страны, оказание государственной поддержки в виде субсидий и дотаций, реализация национальных проектов, непосредственно относящихся к рассматриваемой сфере. Нельзя не отметить и такую специфику, как преодоление криминально

активными лицами своеобразного «двойного рубежа», означающего «обособленное» оперативное обслуживание объектов потребительского рынка как по линии борьбы с экономическими, так и налоговыми преступлениями.

Как нами уже отмечалось, некоторые особенности мы усматриваем и в совокупности признаков распознавания рассматриваемых видов преступлений. Учитывая большое их множество, мы решили сгруппировать в два блока признаки общего и специального характера, используя которые представляется возможным идентифицировать преступления налоговой направленности, совершаемые на объектах потребительского рынка. В своих работах мы останавливались более подробно на их характеристиках [18; 19; 20], поэтому полагаем нецелесообразным дублировать. Между тем укажем лишь отдельные признаки. Так, первый блок включает использование отдельными субъектами предпринимательства «криптовалюты» с целью уклонения от уплаты налогов (сборов); большой оборот неучтенных наличных денежных средств, находящихся под контролем преступных групп, в том числе этнических (как правило данный признак имеет свое распространение на различного рода рынках). Ко второму блоку относим нечистоплотную конкуренцию, «риск-ориентированных» участников государственных контрактов, использование аффилированных юридических лиц, Интернет-ресурсы, содержащие недостоверную информацию об оказываемых услугах.

Многолетняя правоприменительная практика показывает, что по отдельно взятому признаку, как правило, невозможно идентифицировать анализируемые виды противоправных деяний. Поэтому необходимо подвергнуть изучению и анализу совокупность признаков (черт), причем при этом следует принимать во внимание имеющиеся в распоряжении сотрудников подразделений ЭБ и ПК сведения, добытые при осуществлении оперативно-разыскной функции и проведении оперативно-аналитических и иных мероприятий. В этом случае принцип

сочетания гласных и негласных методов и средств должен находить реальное свое проявление.

Как мы уже отмечали, налоговые преступления на объектах потребительского рынка, как правило, совершаются глубоко замаскированными способами (они завуалированы под правомерно совершаемые финансово-хозяйственные операции), тем самым не всегда их можно своевременно выявить традиционным путем. Именно поэтому требуют документирования преступные действия лиц, с целью выявления и фиксации фактических противоправных данных, которые в последующем могли бы послужить доказательствами по уголовному делу. Документирование – это процесс весьма сложный, непростой. Для этого следует тщательно подготовиться, знать особенности самой конструкции инкриминируемого противоправного деяния, чтобы уже в процессе проведения конкретных мероприятий постараться облечь его составные элементы фактическими данными.

Подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить следующее.

Во-первых, оперативный поиск предполагает, прежде всего, получение первичной информации о подготавливаемых либо совершаемых на объектах потребительского рынка налоговых преступлениях и лицах, к ним причастных.

Во-вторых, оперативно-разыскное законодательство, создавая предпосылку для своевременного выявления налоговых преступлений, в свою очередь нуждается в совершенствовании, чтобы соответствовать современным реалиям.

В-третьих, выявление налоговых преступлений на потребительском рынке как относительно самостоятельный вид деятельности нуждается в надлежащей организации (упорядочении).

В-четвертых, оперативный поиск как одна из организационно-тактических форм ОРД включает в себя совокупность признаков распознавания преступлений налоговой направленности, способы их совершения и сокрытия, направления и объекты поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахова О. А. Роль потребительского рынка в развитии социально-экономических систем // Экономика региона. 2008. № 4. С. 175–180.
2. Иванов П. И., Шитов А. С. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности : поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 57–60.
3. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. (2018 г., 2019 г., 2020 г.) : сводный отчет по России (форма «5-БЭП») // АИС «Портал ГИАЦ» 10.5.0.15 /cms/ (дата обращения: 11.04.2021).
4. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной Прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 12 июля 2019 г. № 487/11/1 (в ред. от 23 октября 2019 г.) (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2021).
5. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной Прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 24 января 2020 г. № 35/11/1 (в ред. от 13 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2021).
6. Целищев П. Б., Коречков Ю. В. Сущность криптовалюты. Процесс эмиссии криптовалют // Молодая наука – 2015 : сборник материалов шестой региональной научной конференции студентов и аспирантов. Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное предприятие) «Международная академия бизнеса и новых технологий», 2015. С. 19–203.
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.
8. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности : проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 9–15.
9. Ляшенко В. Р. Позитивные и криминологические тенденции использования криптовалюты в Российской Федерации // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 305–308.
10. Егорова Е. В., Чефранов А. И. Уход от налогообложения через использование криптовалюты как угроза экономической безопасности // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 281–283.
11. Цакаев А. Х., Хаджиев М. Р. О влиянии криптовалют на экономическую безопасность России // Экономическая безопасность. 2020. Том 3. № 1. С. 53–62.
12. Обзор МВД России об организации работы по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых преступлений подразделениями ЭБиПК за 2019 г. № 1/5338 от 19 мая 2020 г. Документ опубликован не был.
13. О едином учете преступлений (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (в ред. от 15 октября 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2021).
14. Иванов П. И., Лобанов М. А., Ребров А. А. Особенности выявления и раскрытия налоговых преступлений на объектах агропромышленного комплекса // Оперативник (сыщик). 2011. № 4 (29). С. 7–11.
15. Иванов П. И., Шитов А. С. К вопросу об оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых

преступлений на потребительском рынке // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2 (26). С. 143–149.

16. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2021 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

17. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

18. Иванов П. И., Шитов А. С. Некоторые элементы оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений, совершаемых на потребительском рынке // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 3 (52). С. 90–97.

19. Шитов А. С. Осуществление оперативного поиска в сфере потребительского рынка с целью выявления налоговых преступлений // Закон и право. 2020. № 10. С. 189–192.

20. Шитов А. С. Противодействие налоговым преступлениям на потребительском рынке (характеристика отрасли экономики и ее региональные особенности) // Право и государство : теория и практика. 2021. № 1 (193). С. 146–149.

© **Иванов П. И.**

© **Шитов А. С.**

УДК 343.985.7:343.773:343.983(470)

Е. А. КРИВОРУЧКИНА, адъюнкт Омской академии МВД России (г. Омск)

E. A. KRIVORUCHKINA, Postgraduate of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk)

**ОРГАНИЗАЦИЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-БОТАНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЙ О НЕЗАКОННОЙ РУБКЕ
ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ**

**ORGANIZATION OF APPOINTMENT OF A FORENSIC BOTANICAL
EXAMINATION USING DENDROCHRONOLOGY METHODS WHEN
CONSIDERING REPORTS OF ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS**

Аннотация. В статье рассматриваются организационные аспекты дендрохронологического метода при проведении ботанической экспертизы при рассмотрении сообщений о незаконной рубке лесных насаждений. На основе изучения статистических данных, материалов судебно-следственной практики определена актуальность выбранного направления исследования. Определен процесс назначения ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического метода, характеризующийся последовательностью сменяющих друг друга стадий (определение наличия основания, эксперта и экспертного учреждения, подготовка объектов, подлежащих направлению на экспертное исследование, формулирование вопросов, требующих разрешения, ознакомление с постановлением заинтересованных лиц, его направление в экспертное учреждение, производство экспертизы, а также оформление заключения экспертизы и передача ее следователю). Предлагаются рекомендации по организации деятельности правоприменителя при назначении судебно-ботанической экспертизы. Сделан вывод о том, что правильный выбор экспертного учреждения, представление на изучение объектов надлежащего качества и в должном объеме, постановка полного перечня вопросов, а также соблюдение всех

стадий процесса назначения экспертизы способствуют повышению качества расследования рассматриваемого вида преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: незаконная рубка лесных насаждений, ботаническая экспертиза, дендрохронологический метод, организация деятельности, специальные знания, древесина, спилы.

Annotation. The article discusses the organizational aspects of the dendrochronological method during the botanical examination when considering reports of illegal logging of forest plantations. Based on the study of statistical data, materials of forensic investigative practice, the relevance of the chosen research direction is determined. The process of appointing a botanical examination using the dendrochronological method is defined, characterized by a sequence of successive stages (determining the presence of a foundation, an expert and an expert institution, preparing objects to be sent for expert research, formulating issues requiring resolution). Recommendations on the organization of the law enforcement officer's activities in each of them are offered. It is concluded that the right choice of an expert institution, the submission of objects of proper quality and in due volume for study, the formulation of a complete list of issues contributes to improving the quality of the investigation of the type of crimes under consideration.

Key words and phrases: illegal felling of forest stands, botanical examination, using dendrochronological examination, organization of activities, special knowledge, timber, saw cuts.

Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации осуществляется не только путем создания условий для сохранения жизни и здоровья отдельной личности, но и посредством сохранения, поддержания и приумножения природных ресурсов нашей страны. В этой связи незаконная вырубка лесов является одним из направлений, явность защиты которого не вызывает сомнений.

Согласно официальной статистике Верховного суда Российской Федерации в 2016 г. по ст. 260 УК РФ, то есть за незаконную рубку лесных насаждений, осуждено 4458 человек, в 2017 году число осужденных сократилось и составило 4219, в 2018 г. – 4030 человек, в 2019 году – 3295 человек, в 2020 году – 2493 человека [1].

Анализ статистики хотя и позволяет говорить о некотором уменьшении количества преступлений, однако это не снижает потребности в разработке качественных методик, направленных на расследование преступлений данного вида, и в соответствующем обучении сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, согласно данным, представленным на сайте судебной статистики Российской Федерации, незаконная рубка лесных насаждений является одним из самых распространенных экологических преступлений, и уступает по количеству лишь незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов [1].

Производство по уголовным делам, связанное с незаконной рубкой лесных насаждений, актуально для многих областей средней полосы России, так как незаконная добыча водных биологических ресурсов по большей части характерна для прибрежных и приморских регионов Российской Федерации.

Специфика данных преступлений обуславливает необходимость применения узкопрофильных и специализированных криминалистических методов – одним из которых является дендрохронологический метод. Развитие дендрохронологии следует относить к 70-м годам прошлого столетия. Во главе с М. И. Розановым группа ученых Всесоюзного научно-исследовательского института судебной экспертизы СССР занималась ее изучением. Позднее М. И. Розанов составил и опубликовал методические рекомендации по криминалистической экспертизе объектов растительного происхождения, вышедшие в 1972 году. В начале XXI века данная тема изучалась такими учеными-криминалистами, как В. И. Воронин, М. М. Наурызбаев и В. А. Осколков. Указанная тема сохраняет свою актуальность и в настоящее время, выражаясь не только в доктринальном исследовании, но и в практическом применении.

Изучение криминалистами незаконной рубки лесных насаждений и выборочный

опрос практических работников, расследовавших преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ¹, позволили выявить ряд существенных процессуальных и тактических ошибок, осложняющих привлечение виновных лиц к ответственности. К одним из самых значительных, на наш взгляд, относятся ошибки связанные с назначением ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического метода. Так как во многом результат расследования зависит от содержания и выводов, указанных в заключении данной экспертизы. Изложенные в заключении сведения позволяют не только правильно квалифицировать преступное деяние, но и определить количество уничтоженных либо поврежденных лесных насаждений, что в дальнейшем позволяет определить размер причиненного ущерба государству, поэтому необходимо безошибочно действовать при ее подготовке к назначению [2, с. 150–152].

Кроме того, к процессуальным и тактическим ошибкам можно отнести следующие: 1) постановку следователем перед экспертом не всех вопросов, которые необходимо было поставить; 2) нечеткое, неясное, неграмотное составление вопросов; 3). неверное указание вида назначаемой экспертизы; 4) передача следователем эксперту не всех материалов для производства судебно-ботанической экспертизы; 5) несвоевременное назначение экспертизы; 6) использование следователем неправильных терминов; 7) неправильное установление места совершения преступления.

Так, ярким примером является оправдательный приговор, вынесенный Тарским районным судом Омской области в феврале 2021 г., причиной которого фактически послужило неправильно установленное место незаконного спила деревьев, а также неверный расчет размера причиненного ущерба (связанного с отсутствием сведений о «здо-

ровье» деревьев, то есть наличия заболеваний, ухудшающих качество древесины). Указанные вопросы частично разрешаются экспертизой, которая и является предметом нашего рассмотрения. В круг вопросов, изучаемых дендрохронологией, как отраслью научного знания, входят годовые слои прироста древесины, их датировка, анатомия, а также влияющие на них факторы окружающей среды.

Отметим позицию В. Д. Иванченко, согласно которой «при расследовании дендрохронологическая экспертиза проводится, в частности, с целью установления целого дерева по его частям. С ее помощью решаются вопросы установления фактов произрастания деревьев на указанном участке, образцы (спилы) которых представлены на исследование. Кроме этого, возможно определение сроков порубки деревьев» [3, с. 138–145].

При этом стоит отметить, что дендрохронологическая экспертиза не является самостоятельным видом судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях, утвержденных приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». Поэтому в данной статье будет рассмотрен метод дендрохронологии при проведении судебно-ботанической экспертизы.

Процесс назначения ботанической экспертизы характеризуется последовательностью сменяющих друг друга стадий:

1. Определение наличия основания для назначения.
2. Определение эксперта и экспертного учреждения.
3. Определение и подготовка объектов, подлежащих направлению на экспертное исследование.

¹ Выборочный опрос следователей Омской области, расследовавших преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ (следователи отдела МВД России по Любинскому району в количестве 5 сотрудников; следователи ОМВД России по Тарскому району – 4 сотрудника; следователи ОМВД России по Калачинскому району – 2 сотрудника).

4. Формулирование вопросов, требующих разрешения.

5. Составление постановления о назначении судебно-ботанической экспертизы.

6. Ознакомление с ним заинтересованных лиц.

7. Направление указанного постановления в экспертное или иное учреждение.

8. Производство судебно-ботанической экспертизы и оформление заключения экспертизы.

9. Передача следователю заключения эксперта и ознакомление с ним заинтересованных лиц.

Фактическим основанием для производства экспертизы при проведении проверки сообщения о преступлении является наличие достоверных данных о том, что в ходе исследования с помощью специальных познаний могут быть получены новые данные, имеющие значение для дела.

С пней и обнаруженных пиломатериалов могут быть сделаны соответствующие круговые поперечные спилы, клиновидные спилы, спилы с брусков древесины, буровые керны. На основании сопоставления указанных образцов может быть сделан вывод об их целостности. Одной из отличительных особенностей данной экспертизы является многообразие видов и форм лесных насаждений, а также исключительная индивидуальность, обусловленная их природным происхождением. Поэтому важным условием успешного проведения экспертизы является привлечение специалиста для участия в следственных действиях, в рамках которых будет осуществляться получение образцов (спилы) [4, с. 81–88].

Специфика метода дендрохронологии обуславливает и специальные требования, предъявляемые к специалистам. Так, в качестве специалиста допускается лицо, обладающее специальными знаниями в области дендрохронологии. К их числу можно отнести сотрудника лесного хозяйства, эксперта государственного или частного учреждения. В качестве подтверждения специальных знаний специалист может предоставить диплом о соответствующем образовании, ли-

цензию на осуществление экспертной деятельности по данному направлению, приказ о назначении на должность и т. д. Важно понимать, что в рамках своей деятельности он лишь осуществляет действия по получению образцов для исследования с соблюдением установленной методики. Специалист не может в рамках своей деятельности предрешать иные вопросы, не касающиеся факта: незаконности рубки, размера причиненного ущерба и т. д. Необходимо соблюдать требование о незаинтересованности и компетентности специалиста [5, с. 26].

Кроме того, представляется целесообразным привлечение такого специалиста в качестве эксперта при проведении дальнейшего дендрохронологического исследования [6, с. 92].

Таким образом, несмотря на то, что по смыслу положений ст. 196 УПК РФ проведение ботанической экспертизы необязательно, её необходимость обусловлена потребностью следователя в специальных знаниях для установления обстоятельств, имеющих значения для дела [7, с. 122–128].

Вместе с тем анализ следственной практики позволяет сделать вывод, что указанные условия не всегда соблюдаются. Так, достаточно часто на стадии проверки сообщения о преступлении для получения образцов древесины (спилы) привлекается сотрудник государственных органов в сфере лесного хозяйства. Безусловно, наличие образования и должности позволяют выступать ему в подобном качестве. Однако в последующем данный субъект признается представителем потерпевшего и дает соответствующие показания, в которых формулирует вывод о незаконности рубки и определяет сумму материального ущерба. По нашему мнению, данная практика является порочной, допускающей процессуальные нарушения, выражающиеся в подмене процессуального статуса, так как государственные органы в сфере лесного хозяйства, как правило, в дальнейшем при расследовании уголовного дела выступают как представители потерпевшего в лице Российской Федерации, что является основанием для признания следственных действий с уча-

стием «такого» специалиста недопустимыми [8, с. 180–185].

В настоящее время ботаническую экспертизу с применением метода дендрохронологии могут выполнять государственные и частные экспертные учреждения. Так, например, в Омской области, к числу первых следует отнести ЭКЦ УМВД России по Омской области и ФБУ «Омская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации». К числу частных следует отнести, например, Научно-исследовательский институт экспертиз. Достаточно часто к проведению данного вида экспертиз привлекаются сотрудники Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина. Хотелось бы отметить, что существуют как плюсы, так и минусы назначения экспертизы в государственных и частных учреждениях. Положительным моментом в деятельности государственных экспертных учреждений является проведение исследований за счет средств федерального бюджета. Из минусов следует отметить такие, как длительный срок производства экспертиз (из-за их большого количества), а также отток кадров в частные учреждения. Поэтому в связи с загруженностью экспертных учреждений следует своевременно назначать проведение ботанической экспертизы.

Говоря об объектах, которые направляются на экспертное исследование, важно правильно отобрать соответствующие образцы. При этом объектом соответствующего вида экспертизы выступает не сама древесина, а различные показатели годичного прироста в стволах, в том числе таксационные показатели.

Известно, что рисунок годичных колец у каждого растения индивидуален, между ним и условиями окружающей среды, в которых произрастает дерево, имеется корреляционная связь.

Указанный рисунок сохраняет свои пропорции, формы, характер нарастания на протяжении всей длины ствола дерева. Это обстоятельство, в частности, позволяет решить вопрос о едином происхождении раз-

личных фрагментов ствола.

На сегодняшний день можно выделить следующие «классические» методы определения возраста деревьев:

1. По годичным кольцам – один из самых распространенных и точных методов. Годичные кольца, в большинстве случаев исследуются на стволе дерева. В то время как у лиственных деревьев обнаружить количество годичных колец можно как на стволе, так и на ветвях дерева.

2. По мутовкам – чаще всего данный метод используют, когда необходимо определить возраст хвойных деревьев.

3. По почечным кольцам и годичным приростам – в большинстве случаев указанный метод применяют для определения возраста кустарников, молодых и лиственных деревьев.

4. По стволу дерева – данный метод предусматривает использование формул и расчетов. Он используется в основном в отношении возрастных деревьев.

5. По годовому приросту.

6. Кроме «классических» методов используются и «неклассические» (косвенные) методы для установления возраста деревьев. В их число входит микроскопический метод исследования мхов, грибов и лишайников. Определив их примерный возраст можно предположить возраст дерева или древесины. Указанный метод, чаще всего, используется для определения возраста древесины и лесоматериалов и реже – в отношении «живых» деревьев» [9].

Следует отметить, что наличие общей линии по спилу является необязательным, что обусловлено сохранением ранее обозначенного рисунка на всей длине ствола. Наряду с этим, круговые поперечные спилы все же выступают более предпочтительными образцами, так как дают возможность проанализировать состав по любому направлению и можно сделать вывод о любых отклонениях колец, болезнях дерева, каких-либо посторонних включениях и т. д.

Особое значение для производства экспертизы имеет изъятие необходимых образцов (кernов), так как какая-либо деформация

их первоначального вида либо отбор материала в недостаточном количестве могут выступать факторами, препятствующими производству экспертизы. Наиболее распространенным обстоятельством, делающим невозможным обращение к помощи эксперта, является развитие на образцах плесневых грибов, что ведёт к утрате вторичных признаков, в связи с чем становится невозможно датировать произошедшие события.

При назначении любой экспертизы встает вопрос о передаче материалов в распоряжение эксперта. Материалы ботанической экспертизы могут быть весьма объемными и крупногабаритными, что затрудняет их транспортировку и хранение.

На данный момент для того, чтобы сократить количество материала, направляемого для исследования, при изъятии образцов древесины используют возрастные буры. С их помощью высверливают радиальные керны древесины диаметром 4–5 мм и длиной до 0,6 м [10, с. 487].

Спилы и буровые керны следует брать на высоте 1,0–1,3 м от поверхности земли. У мелких деревьев и кустарников образцы берутся на высоте 0,2–0,3 м, а то и ниже [11, с. 21]. Для проведения более детальной экспертизы образцы древесины отбираются с 15–30 деревьев. Необходимо отметить, что требования о взятии таких спилов с деревьев, которые расположены рядом, нет, поэтому они могут быть отобраны в любой части места происшествия. В случае, когда обнаружены бревна (в частности, при их перевозке грузовым транспортным средством из леса), спилы берутся с максимально возможной нижней части обнаруженного бревна.

В тех случаях, когда органы предварительного расследования осуществили правильный выбор спилов, направляемых для назначения и производства судебно-ботанической экспертизы, определено экспертное учреждение, а также в случае поручения производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, установлены сведения о его образовании, специальности, стаже работы в качестве су-

дебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, следователь выносит постановление о назначении судебно-ботанической экспертизы [12]. Для производства экспертизы в самом постановлении перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. На каком участке местности росло представленное на исследование дерево (группа деревьев)? Данный вопрос носит идентификационный характер и ставится при необходимости определения места рубки.

2. В каком календарном году срублено представленное на исследование дерево (группа деревьев)? Данный вопрос направлен на установление времени рубки, что прямо предусмотрено предметом доказывания.

3. На сколько лет позже или раньше первого дерева было срублено второе? Данный вопрос ставится на разрешение эксперта для идентификации кратности рубки.

4. Не составляли ли ранее отдельные части ствола (ветвей, корней) дерева единого целого? Данный вопрос ставится в случаях, если отсутствует общая линия спила среди сравнительных образцов.

5. Было ли жизнеспособным представленное на исследование дерево на момент падения, спила?

После составления следователем соответствующего постановления, он знакомит с данным документом необходимых участников уголовного судопроизводства и разъясняет права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ.

Ознакомив с постановлением о назначении и производстве судебно-ботанической экспертизы заинтересованных лиц, следователь направляет его в соответствующее экспертное учреждение, где эксперт осуществляет производство экспертизы, по завершению обследования он оформляет заключение и передает следователю.

Получив заключение экспертизы следователь в соответствии со ст. 206 УПК РФ предъявляет его для ознакомления заинтересованным лицам и разъясняет соответ-

ствующие права на подачу ходатайства о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы.

Подводя итог, отметим, что правильный выбор экспертного учреждения, представление на изучение объектов надлежащего

качества и в должном объеме, постановка полного перечня вопросов может способствовать повышению качества расследования и обеспечивать установление и привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 19.11.2021).
2. Амарсайхан Манлай. Особенности проверки сообщений о незаконной рубке лесных насаждений (по материалам России и Монголии) // Право и государство : теория и практика. 2020. № 12 (192). С. 150–152.
3. Иванченко В. Д. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 6А. С. 138–145.
4. Аминев Ф. Г. О возможностях использования судебно-дендрохронологической экспертизы в расследовании преступлений // Судебная экспертиза. 2014. № 4 (40). С. 81–88.
5. Унжакова С. В. Использование специальных знаний при расследовании незаконной рубки лесных насаждений : автор. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
6. Рузметов С. А. Современные проблемы использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений // Вестник криминалистики. 2005. № 3 (15).
7. Фомина И. А. Возможности использования специальных познаний при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2 (53). С. 122–128.
8. Волков Е. В. Особенности осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 180–185.
9. Многопрофильный центр судебных экспертиз и криминалистики. Дендрохронологическая экспертиза. URL: <https://sudkrim.ru/index.php/dendrokhnologicheskaya-ekspertiza-ekspertiza-vozhrastaderevev> (дата обращения: 28.09.2021).
10. Головань О. М. Особенности подготовки и назначения дендрохронологической экспертизы при расследовании экологических преступлений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2.
11. Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В. Методы дендрохронологии. Часть 1. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации : учеб.-метод. пособие. Красноярск, 2000.
12. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081630/>.

© Криворучкина Е. А.

УДК 343.985.2:343.143:159.922.7(470)

И. А. МАКАРЕНКО, заведующий кафедрой криминалистики Института права БашГУ, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

I. A. MAKARENKO, Head of the Department of Criminalistic Institute of Law Bashkir State University Doctor of Law, Professor (Ufa)

Р. И. ЗАЙНУЛЛИН, доцент кафедры криминалистики Института права БашГУ, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

R. I. ZAINULLIN, Associate Professor of the Department of Criminalistic Institute of Law of Bashkir State University, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СВИДЕТЕЛЯМИ И ПОТЕРПЕВШИМИ

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH MINOR WITNESSES AND VICTIMS

Аннотация. В настоящей статье авторами рассмотрены организационно-тактические особенности установления и поддержания психологического контакта с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями. Определены средства и способы его установления. Особое внимание уделено вопросам необходимости не только установления, но и поддержания психологического контакта на протяжении всего предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Ключевые слова и словосочетания: криминалистическая тактика, психологический контакт, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний свидетель, предварительное расследование, судебное рассмотрение уголовных дел.

Annotation. In this article, the authors consider the organizational and tactical features of establishing and maintaining psychological contact with minor victims and witnesses. The means and methods of its establishment are determined. Particular attention is paid to the need not only to establish, but also to maintain psychological contact throughout the preliminary investigation and judicial review of criminal cases involving minor victims and witnesses.

Keywords and phrases: forensic tactics, psychological contact, minor victim, minor witness, preliminary investigation, judicial review of criminal cases.

Восприятие психологического контакта как состояния психики, сознания человека обязательно должно корректироваться в случаях, когда речь идет о несовершеннолетних участниках уголовного судопроизводства, в том числе о несовершеннолетних свидетелях и потерпевших. И именно потому, что у таких лиц психика еще не вполне сформировалась, она в большей степени подверже-

на влиянию других людей, нежели психика взрослых. «Психика ребенка, – замечает В. И. Смыслов, – отличается от психики взрослого человека не только количеством познаваемых объектов окружающего нас мира, но, прежде всего, качеством восприятия» [1, с. 109]. И это «качество» зависит от воспитания, от того влияния, которое на человека в детстве оказывают родители и

учителя. «Личность свидетеля, – продолжает автор, – формируется в конкретных общественно-исторических условиях существования человека, его воспитания, обучения и трудовой деятельности» [1, с. 110]. И далее: «На поведение детей сильное влияние оказывает авторитет взрослых, особенно близких им людей. Для дошкольников – это родители, старшие сестры и братья, для младших школьников – учитель. Поэтому при допросе малолетних свидетелей (как и малолетних потерпевших) необходимо прибегать к помощи этих лиц» [1, с. 111].

Все указанные особенности психики несовершеннолетнего, обусловленные его воспитанием, свидетельствуют о том, что общие представления о психологическом контакте как о состоянии осознанной необходимости общения со следователем к несовершеннолетним участникам уголовного процесса вряд ли применимы в полной мере, как неприменимы и общие правила установления с ними такого контакта, ибо невозможно выработать некий строгий (то есть универсальный) алгоритм поведения, соблюдение которого гарантировало бы установление психологического контакта между следователем и любым участником следственного действия в любых ситуациях, обеспечивая «стоцентную результативность психологического воздействия на них» [2, с. 144]. Отсюда важность понимания сущности психологического контакта, который требуется устанавливать с несовершеннолетними, так как от осознания его сути во многом будут зависеть приемы и средства установления такого контакта между следователем (судом) и несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими. Здесь необходимо не только знать закономерности психики ребенка, его психологического развития, но и особенности воспитания, изучаемые педагогикой.

Надо сказать, что эта последняя проблема занимала ученых и педагогов с глубокой древности. Об особенностях воспитания детей в римских школах писал, со ссылкой на Квинтилиана, например, П. Гиро в 1899 г., и этот описанный им опыт школьных учителей Древнего Рима, как нам пред-

ставляется, в известной мере применим и к современным исследованиям проблем воспитания детей, как условие формирования их психики. Но особенно важно знать об опыте древних учителей, решая вопрос о привлечении педагога к производству следственных действий с целью оказания помощи в установлении психологического контакта с несовершеннолетними свидетелем или потерпевшим.

«Пусть учитель, – пишет П. Гиро, – прежде всего, постарается относиться к своим ученикам как отец, пусть он смотрит на себя как на заступающего место тех, кто доверил ему своих детей, пусть он не терпит никакого порока ни в себе, ни в других: в его строгости не должно быть мрачной злобы, и кротость его не должна переходить в распущенность; первое может привести к ненависти, второе – к пренебрежению. Пусть он почаще беседует о добром и честном, так как чем больше он будет увещевать, тем меньше придется наказывать. Ни в каком случае не поддаваясь гневу, он не должен смотреть сквозь пальцы, на что бы то ни было, заслуживающее исправления» [3, с. 92].

Эти древние педагогические «заповеди», как нам представляется, полезно знать не только современному учителю школы, но и любому следователю, которому предстоит общаться с несовершеннолетними свидетелями или детьми, пострадавшими от преступления. Нельзя, к примеру, с целью установления психологического контакта добиваться симпатий несовершеннолетнего любыми способами, оправдывая, например, его аморальные, а тем более преступные действия. «Пусть он не терпит никакого порока ни в себе, ни в других», – говорит П. Гиро словами Квинтилиана, обращаясь к школьным учителям Древнего Рима.

Следовать педагогическим рекомендациям древних мудрецов полезно не только тогда, когда поведение следователя может привести к деструктивному психологическому контакту, но и когда налаживание конструктивного контакта с несовершеннолетними вызывает у следователя значительные трудности.

Особенно важно понимать суть психологического контакта как состояния сознания несовершеннолетних свидетелей или потерпевших, а, понимая, квалифицированно применять приемы его установления, особенно в случаях, когда в следственном действии вместе с несовершеннолетним участвуют взрослые (например, во время их очной ставки), преследующие противоположные интересы. Наладить психологический контакт с ними со всеми, значит добиться взаимного интереса к предстоящему общению, и тем самым обеспечить их готовность действовать совместными усилиями. От этого будет зависеть результативность проводимого следственного мероприятия.

Психологический контакт следователя (суда) с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями, как уже было отмечено, является одним из важнейших тактических условий проведения следственных действий с их участием, без которого трудно рассчитывать на содействие с их стороны в выяснении обстоятельств имевшего место события, ради которых следователем (судом) запланировано проведение того или иного действия.

Установление такого контакта, как правило, не вызывает затруднений при общении, например, с добросовестными взрослыми свидетелями или потерпевшими, понимающими поставленные перед ними задачи, сознающими необходимость общения со следователем (судом) и желающими содействовать объективному расследованию и разрешению дела. Значительно труднее достичь взаимопонимания и установить психологический контакт с несовершеннолетними, по тем или иным причинам открыто или подсознательно настроенными против следователя и суда. Такое поведение и такой настрой могут быть вызваны, например, соответствующими наставлениями со стороны взрослых, которые так или иначе связаны с преступником и при этом сохранили за собой возможность общаться с несовершеннолетними до их приглашения к следователю или в суд. Особые трудности может вызвать установление психологического контакта с теми несовершеннолетними свидетелями и

потерпевшими, кто настроен на то, чтобы скрыть от следователя и суда известные им факты или иным способом ввести их в заблуждение. Причины здесь могут быть разными: неадекватное восприятие действий преступника, которые несовершеннолетнему свидетелю кажутся оправданными, стыд, который могут испытывать дети, подвергшиеся, например, сексуальному насилию, и связанные с ним неприятные переживания, а возможно и стресс, возникший в связи с произошедшим. Такое состояние несовершеннолетнего и свидетеля или потерпевшего часто встречается у детей, подвергшихся насилию со стороны близких ему людей или тех, от кого они во многом зависят. Налаживание психологического контакта с несовершеннолетними в таких случаях может потребовать от следователя и суда незаурядных способностей и высокой профессиональной подготовки в области педагогики и детской психологии.

Установленный уже в самом начале общения психологический контакт с несовершеннолетним свидетелем или потерпевшим не должен, однако, оставаться неким единовременным актом. Его утрата в процессе общения весьма вероятна, поскольку, являясь средством преодоления психологического сопротивления со стороны несовершеннолетнего, конфликт между ним и следователем (судом), оставаясь латентным в условиях однажды налаженного психологического контакта, не исключает их психологического противостояния и даже противоборства. С достижением психологического контакта противодействие следователю (суду) со стороны негативно настроенного против них несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего только снижается, затухает, но не исчезает вовсе. Любая оплошность со стороны следователя (суда), любое неосторожное слово, сказанное в адрес несовершеннолетнего или его семьи, ведет к утрате, превращению психологического контакта из конструктивного в деструктивный и, соответственно, к усилению противоборства между ним и следователем (судом). Поэтому задача следователя (суда) не только уста-

новить психологический контакт с несовершеннолетним свидетелем или потерпевшим, но и на протяжении всего расследования и разбирательства уголовного дела поддерживать его в позитивном ключе.

На формирование психологического контакта с несовершеннолетними свидетелями или потерпевшими оказывают влияние многие факторы. В частности, следственная (криминалистическая) ситуация, возникающая на соответствующей стадии уголовного процесса (возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, судебное разбирательство), вид планируемого следственного или судебного действия с их участием, место и обстановка, в которой приходится общаться с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем. Немаловажное значение имеет и внешний вид «партнеров» несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего по взаимодействию – следователя, судей, прокурора, и их поведение, например, способ обращения к несовершеннолетнему и другие факторы.

Для установления психологического контакта со свидетелями и потерпевшими, достигшими 16-летнего возраста, важно, кроме того, выбрать форму требуемого законом предупреждения их об ответственности по ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации. И это имеет значение не только когда речь идет о предстоящем допросе, но и о любом ином процессуальном средстве получения от них показаний, в частности о проверке показаний на месте, очной ставке или опознании. Их можно либо просто поставить в известность о существовании такого нормативного правила, а можно подробно разъяснить необходимость соблюдения уголовно-процессуального законодательства, строго предупредив о последствиях его нарушения, не допуская при этом откровенного запугивания несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего.

Одним из наиболее значимых для установления психологического контакта факторов является поведение должностного лица, с которым предстоит общаться несовершенно-

летнему свидетелю или потерпевшему. Это поведение во время общения во многом зависит от способностей и личных качеств дознавателя, следователя, государственного обвинителя или судей, опыта их работы с детьми, знания детской психологии. В этом отношении коммуникабельное поведение, умение корректно вести себя, тактически и психологически грамотно воздействовать на несовершеннолетнего, своевременно оказывая ему помощь и снимая эмоциональное напряжение, совершенно очевидно способствуют формированию психологического контакта. Для достижения этой цели полезно еще до начала процессуального взаимодействия с несовершеннолетним побеседовать с ним на отвлеченную тему, не связанную с обстоятельствами события, которое должно стать в дальнейшем предметом разговора и для выяснения которого несовершеннолетний свидетель или потерпевший были приглашены участвовать в том или ином процессуальном действии. Тема беседы должна при этом представлять интерес для самого несовершеннолетнего. Например, о его увлечениях, спортивных занятиях, достижениях его или его друзей в тех или иных сферах их совместной деятельности, о семейных традициях и т. д.

Пользоваться этим приемом следует, однако, с осторожностью. В частности, на предварительном следствии недопустимо преподносить ведение такой беседы как специально предпринимаемый следователем шаг, имеющий единственную цель – доставить удовольствие несовершеннолетнему свидетелю или потерпевшему. «Удовлетворение» их духовных потребностей в подобной форме, как и любая иная навязчивая «благотворительность» типа угощения сладостями, может быть воспринята несовершеннолетним исключительно как желание следователя любыми средствами добиться его расположения. Подобное поведение следователя может вызвать у несовершеннолетнего обратную реакцию, поэтому даже в таких случаях необходимо проявлять неподдельный интерес к обсуждаемым вопросам. Этого будет легче добиться, если инициато-

ром беседы на отвлеченную тему окажется сам несовершеннолетний свидетель или потерпевший. Особое внимание во время такой беседы рекомендуется уделять положительным качествам несовершеннолетнего.

Для сохранения психологического контакта не только в проводимом следственном действии, но и для будущего общения с несовершеннолетним в рамках уголовного судопроизводства требуется обладать выдержкой, спокойствием, самообладанием, умением внимательно слушать собеседника, проявляя искренний интерес к тому, что тот сообщает. Любое отклонение от этих правил может вызвать у несовершеннолетнего нежелание в дальнейшем общаться. Недопустимо в ходе общения с ним выражать откровенное удовлетворение или разочарование, например, от полученного на поставленный вопрос ответа. Все это может существенно осложнить поддержание психологического контакта, превратить конструктивное общение в деструктивное, разрушающее сформировавшееся доверие несовершеннолетнего к следователю (суду).

Решая вопрос о выборе способов установления психологического контакта, следователю (суду) помимо перечисленных факторов (особенности складывающейся следственной или судебной ситуации, специфика планируемого действия и т. д.) важно также учитывать психическое состояние несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, степень их заинтересованности в

деле и др. Недопустимо для налаживания или поддержания психологического контакта с несовершеннолетними свидетелями или потерпевшими совершать действия, подрывающие авторитет следователя (суда) и веру ребенка в справедливость правосудия. Свое негативное отношение к следователю, сформировавшееся при общении с ним на предварительном следствии, несовершеннолетний вполне может распространить на других представителей правоохранительных органов или органов судебной власти. Восстановить же психологический контакт с однажды обманутым человеком оказывается подчас невозможно.

С установления психологического контакта с несовершеннолетними свидетелями или потерпевшими только начинается криминалистическое обеспечение тех следственных и судебных действий, к проведению которых они привлекаются. При этом и сам психологический контакт как средство достижения цели максимально конструктивного общения с указанными категориями участников уголовного судопроизводства и все иные применяемые с этой целью криминалистические средства и методы отличаются значительным разнообразием, а их применение – такой специфичностью, что проблема криминалистического обеспечения мероприятий, проводимых с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, заслуживает отдельного обсуждения и рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе : учебное пособие. М. : Высш. шк., 1973. 160 с.
2. Комиссарова Я. В., Семенов В. В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М. : Юрлитинформ, 2004. 224 с.
3. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян : пер. с фр. / под ред. С. П. Моравского. СПб. : Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1899. 623 с.

© Макаренко И. А.
© Зайнуллин Р. И.

УДК 351.761.158-052-053.6(470)(091)

А. А. БЕЖЕНЦЕВ, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

A. A. BEZHENTSEV, Head of the Chair of administrative activity agencies in Internal Affairs of Saint-Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, associate professor (St. Petersburg)

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ЗАПРЕТЫ НА ПРОДАЖУ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ:
ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ**

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL BANS ON SALE OF MINORS
ALCOHOLIC PRODUCTS: FROM HISTORY TO MODERNITY**

Аннотация. В настоящее время среди актуальных проблем современного общества выделяется злоупотребление алкоголем, в том числе и в среде не достигших восемнадцатилетия лиц. В статье в хронологической последовательности проанализированы генезис и эволюция государственно-правовых механизмов регулирования оборота алкогольной продукции на территории нашей страны, изучено отношение законодателя к фактам совершения противоправного деяния в состоянии алкогольного опьянения, исследованы административно-правовые нормы о запрете и ограничениях реализации алкогольной продукции несовершеннолетним. Сделаны выводы о целесообразности использования прошлого положительного опыта реализации административно-правовых запретов на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним в современный период; о необходимости осуществления правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу не только правоохранительными органами, но и общественными организациями.

Ключевые слова и словосочетания: оборот алкогольной продукции, ограничение продажи спиртных напитков, ограничение потребления алкоголя, продажа несовершеннолетним алкоголя, потребление алкоголя несовершеннолетними, состояние алкогольного опьянения, защита прав несовершеннолетних, правонарушения несовершеннолетних, профилактика правонарушений несовершеннолетних.

Annotation. At present, alcohol abuse is highlighted among the urgent problems of modern society, including among people under the age of eighteen. The article analyzes the genesis and evolution of state legal mechanisms for regulating the turnover of alcoholic beverages in the territory of our country in chronological order, examines the legislator's attitude to the facts of committing a wrongful act while intoxicated, examines administrative and legal norms on the prohibition and restrictions on the sale of alcoholic beverages to minors. Conclusions are made about the expediency of using the past positive experience in the implementation of administrative and legal bans on retail sale of alcoholic beverages to minors in the modern period; on the need to implement law enforcement practice on the issue under consideration not only by law enforcement agencies, but also by public organizations.

Key words and phrases: Turnover of alcoholic beverages, restrictions on the sale of alcoholic beverages, restriction of alcohol consumption, sale of alcohol to minors, alcohol consumption by minors, alcohol intoxication, protection of the rights of minors, juvenile delinquency, prevention of juvenile delinquency.

Протекция прав, свобод и благополучия несовершеннолетних – это исторически зарекомендовавшее себя направление со вполне объяснимыми тенденциями своего появления, становления и развития. Более того, полагаем, что, исходя из наличия такого направления, можно судить об уровне эволюции (во всех отношениях) государства в тот или иной временной период. Это связано с повышенной, первостепенной значимостью вопроса обеспечения сохранности и защиты интересов несовершеннолетних. В случае нереализации в данном направлении эффективных административно-правовых и правоприменительных действий говорить о правовом характере государства, его высоком уровне развития не приходится ни под каким углом и точкой зрения. Также отметим, что защита прав и законных интересов несовершеннолетних как в историческом отображении, так и на современном этапе – это сложный процесс, императивно требующий своей реализации на многих уровнях и по многим направлениям. И в случае неэффективности хотя бы одного из таких направлений в целом можно говорить о неэффективности всей административной деятельности. Анализ исторических источников показывает, что на протяжении всего развития деятельности по протекции прав, свобод и благополучия не достигших совершеннолетия лиц одним из направлений работы правоохранителей являлось формирование административно-правового запрета на допуск несовершеннолетних к алкогольной продукции.

При исследовании ретроспективы поставленного вопроса необходимо в обязательном порядке отметить немаловажный, как нам представляется, факт: создание и обеспечение административно-правового запрета на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним находится в прямой и тесной связи с государственной политикой в сегменте регулирования оборота алкогольной продукции. В данном случае необходимо говорить о целом и частном, где общая политика выступает целым, а ее ответвление в виде регулирования в отношении кон-

кретных категорий лиц, в том числе и несовершеннолетних, частным. В этой связи при установлении истории формирования административно-правового запрета на розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции необходимо делать существенную отсылку к положениям общей государственной политики по регулированию на территории нашей страны рынка алкогольной продукции.

При первом же рассмотрении исторической подоплеку появления государственно-правовых механизмов регулирования оборота алкогольной продукции назревает существенная дискуссия. На сегодняшний день нет четкого обоснованного мнения относительно того, в какой период времени появился исследуемый институт. Часть ученых считает, что данный период датируется серединой XV века. При этом авторы подчеркивают отсутствие до указанного периода даже упоминаний о вопросах государственного регулирования правоотношений, связанных с оборотом алкогольной продукции и ее употреблением. В частности, некоторые авторы отмечают, что «анализ памятников правовой истории нашего государства показывает, что на первоначальных этапах его развития вопросами регулирования в указанной сфере государство не было озабочено». В первых наиболее значимых и обширных источниках российского права, таких как Русская правда (Краткая и Пространная Правды, а также I, II и III редакции Устава князя Владимира), Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, вопросы потребления алкоголя мирянами не регулировались [1, с. 78]. Подчеркнем, что узловые памятники права эпохи феодальной раздробленности на Руси, в том числе Галицко-Волынской Руси, Смоленска, Новгорода и Пскова, также не имели предписаний, регламентирующих этот животрепещущий вопрос. В данном контексте не имелось никаких запретов применительно отпуска алкогольной продукции лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста. Анализируя возможную причину подобной ситуации, следует говорить об общем развитии алкогольного рынка на тот период и, в

частности, потребностях населения в функционировании данного рынка. До первой трети XV века на Руси употребляли в основном слабоалкогольные напитки. Соответственно, проблема широкого употребления алкогольных напитков среди населения не стояла остро, и в связи с этим государство не имело экономической выгоды от распространения алкоголя.

Как видим, мнение Н. Е. Горюшкиной относительно первого подхода к определению начального периода реализации государственной политики по урегулированию оборота алкогольной продукции базируется на достаточно нетривиальном факте, а именно: факте не востребоваемости у населения алкогольной продукции. Соответственно, из-за отсутствия сферы отсутствовали и соответствующие механизмы ее регулирования. С первого взгляда подобная позиция кажется вполне логичной. Однако принять ее в качестве исключительно верной не представляется возможным. И прежде всего в данном контексте интерес вызывает вопрос регулирования уголовно-правовых отношений, а именно обстоятельств, которые признавались законодателем в качестве отягчающих. Вслед за выделением критериев дифференциации уголовной ответственности древнерусский законодатель задался вопросом определения аналогичных критериев и для уголовного наказания. Особое место в данном случае следует отводить такому правовому акту, как Русская Правда (во всех возможных редакциях), явившая собой фактически первый фундаментальный сборник правовых норм межотраслевого характера. Существенное место в данном правовом акте отводилось именно критериям разграничения и дифференциации уголовного наказания, причем как в сторону смягчения, так и в сторону утяжеления последнего. При этом общих начал назначения наказания Русская Правда не содержала. Правовая мысль законодателя того периода реализовывалась посредством казуистического изложения, а именно: при описании конкретных случаев совершения деяния и конкретизирован-

ных видов и размеров назначаемых за их совершение наказаний. К отягчающим обстоятельствам относили корыстный умысел правонарушителя, кражу особо охраняемых вещей, хищение в ночное время суток, конокрадство, рецидив, а также социальное положение потерпевшего. Утверждалось, что чем выше было сословие потерпевшего, тем строже было наказание совершившего преступное деяние [2, с. 45]. Однако, помимо прочего, древнерусский законодатель также предусмотрел такое отягчающее наказание обстоятельство, как совершение преступления в состоянии опьянения, в том числе и алкогольного. Анализ положений Русской Правды позволяет сделать вывод, что законодатель, в целом, крайне негативно относился к факту совершения противозаконного деяния в состоянии опьянения. За подобного рода действия назначались одни из самых суровых видов наказаний. Факт опьянения увеличивал общественную опасность совершенного противоправного деяния во много раз, что, соответственно, вело к ужесточению реакции государства на совершение подобного преступления.

Еще большее огосударствление оборота алкогольной продукции произошло в XV веке. Это было связано с появлением и введением в оборот крепких алкогольных напитков. Как отмечается в юридической литературе, данное появление датируется примерно 1428 годом [3, с. 98], так как в этот период происходит сразу несколько как общегосударственных, так и локальных событий, которые оказали существенное влияние на общественное устройство в России.

Во-первых, продолжало существовать установленное еще в прошлом веке монголо-татарское иго, российское государство было вынуждено платить дань и, соответственно, в постоянном усилении нуждался институт налогообложения населения. Во-вторых, наличествовали отдельные, частные столкновения с монголо-татарами. В частности, именно в 1428 году произошел набег ордынского войска на костромские земли – Галич Мерьский; разорение и

грабеж Костромы, Плеса и Луха [4, с. 87]. В-третьих, несмотря на наличие внешней угрозы, продолжали возникать междоусобные войны и столкновения. В-четвертых, постепенно начинает формироваться новая внешняя угроза, источником которой выступила Литва, на территории которой развернулась борьба российских и литовских (пропольских) сил.

В подобных негативных условиях уровень потребления населением алкоголя значительно возрос: в ходе постоянных военных конфликтов и столкновений, отсутствия стабильности внутри страны, а также ряда других обстоятельств население активно вовлекалось в употребление алкогольной продукции. Реализация крепких алкогольных напитков, распространение фактов их употребления привели к началу государственного участия в регулировании оборота алкогольной продукции, однако в отношении несовершеннолетних оно на указанном этапе не реализовывалось.

Двумя объектами административно-правового регулирования, связанными с ограничениями оборота алкогольной продукции, было государство и церковь. В первом случае речь идет о чисто налоговых нормах, которые были направлены на урегулирование вопросов взимания торговых пошлин с субъектов, которые занимались реализацией алкогольной продукции. Во втором же случае речь идет о появлении первых административно-правовых запретов на розничную продажу и употребление алкогольной продукции определенными категориями лиц, в частности, священнослужителями. Так, например, «согласно церковным правилам священнослужитель, проведший в пьянстве всю ночь до шести часов утра, не допускался к заутрене и рисковал быть низложенным из сана» [5, с. 99].

Несмотря на то, что в рассматриваемый период фактические нормы о запрете и ограничениях реализации алкогольной продукции в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, отсутствовали, говорить о полном игнорировании данного вопроса, нельзя. Первоначальной сфе-

рой, из которой в дальнейшем зародились основы административно-правового регулирования и формулирования запретов на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, выступила сфера обеспечения воспитания детей родителями, а также иными субъектами.

Относительно дальнейшего развития государственной деятельности по ограничению реализации алкогольной продукции несовершеннолетним ученые расходятся в своих мнениях. С одной стороны, некоторыми указывается на отсутствие общей, так называемой «генеральной линии» относительно разрешения указанных вопросов. В. Ю. Сытников пишет о том, что «принимались отдельные меры по регулированию алкогольного рынка (как например, введение акциза на продажу алкогольной продукции), осуществлялись действия, направленные на защиту от противоправного посягательства на несовершеннолетних, в том числе связанные с вовлечением их во «всяческие непотребства», однако точно отметить определенные события, явления или действия, которые напрямую касались исследуемого нами вопроса, в период XVII – первой половины XIX веков, не представляется возможным» [6, с. 204]. Однако, на наш взгляд, согласиться с подобным мнением довольно сложно в силу ряда факторов.

Прежде всего это специфика рассматриваемого исторического периода. Данный этап характеризовался активным наращиванием административно-правовой базы урегулирования практического большинства из имевшихся институтов, отраслей и сфер. В частности, регулированию подвергались соответствующая административно-правовая сфера, общественные отношения, институты государственной власти, армия, флот и так далее. В таком историческом контексте реализация сферы регулирования оборота алкогольной продукции также не могла остаться в стороне. Более того, важно отметить и тот факт, что при Петре I были значительно наращены темпы алкоголизации населения во многом в виду «ввода в эксплуатацию» режимов существования западного

общества, которое потребляло алкогольную продукцию в значительных количествах, но в условиях наличествовавшей так называемой культуры питья.

В 1903 г. был сделан существенный шаг в формировании административно-правового запрета на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Впервые в истории нашего государства нарушение данного запрета могло повлечь уголовную ответственность, то есть, розничная продажа алкогольной продукции стала считаться, при наличии определенных обстоятельств, уголовно-наказуемым деянием, запрещенным законом под угрозой наказания. Так, статья 315 Уголовного уложения предусматривала уголовную ответственность для виновного «в держании в частном заведении для торговли крепкими напитками или в заведении трактирного промысла с продажей крепких напитков в качестве прислуги лица, не достигшего установленного законом возраста, или в допущении к распитию крепких напитков в сих заведениях малолетнего моложе четырнадцати лет». Такие деяния наказывались денежной пеней в размере не более 100 рублей. Таким образом, юридическая ответственность устанавливалась не только за допущение к распитию крепких напитков малолетними, но и к работе в торговых и питейных заведениях лиц молодого возраста.

Советский период развития законодательства в сегменте установления административно-правовых запретов на продажу алкогольной продукции не достигшим совершеннолетнего возраста лицам заслуживает отдельного внимания. Прежде всего это связано с тем, каким образом советские власти относились к вопросу употребления алкогольной продукции и сопряженным с данным процессом иным общественным отношениям в целом. Хорошо известной является существенная и планомерная борьба советского государства с алкоголизмом населения. Она производилась на идеологическом («Пьянству бой») и правовом уровне (так называемый «сухой закон»). Естественным образом в подобных условиях существенное внимание уделялось и вопросам формирования и обеспечения администра-

тивно-правового запрета на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним.

Впервые норма о запрете продажи алкогольной продукции малолетним появляется в 1927 г., в марте которого Совет Народных Комиссаров РСФСР принимает постановление «О мерах ограничений продажи спиртных напитков» [7], предусматривающее запрещение их продажи малолетним лицам и лицам, находящимся в состоянии опьянения, а также в буфетах и культурно-просветительных учреждениях. Постановление распространялось на все виды спиртных напитков, кроме натурального (неспиртованного) вина и пива. В борьбе с пьянством в этот период активизируется деятельность общественных организаций – в этом же году на местном уровне были организованы специальные комиссии по вопросам алкоголизма, а ранее, сразу после Октябрьской революции – и комиссии по делам несовершеннолетних [8, с. 25–26].

В случае нарушения установленных правил продажи, закрепленных в вышеуказанном постановлении устанавливалась административная ответственность. Административное взыскание налагалось местными исполнительными комитетами и городскими советами в соответствии с Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 июня 1926 г. «Об утверждении положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [9].

В дальнейшем нормы об ответственности за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним предусматривались в различных кодифицированных нормативных правовых актах советского государства, в основном административно-правовой направленности.

Крайне положительным моментом следует отметить, что вопросами реализации административно-правового запрета на розничную продажу алкогольной продукции не

достигшим совершеннолетия лицам занимались не только законодательные и правоохранительные органы, но также и различные общественные организации.

После распада СССР были нивелированы многие нормы, ограничивавшие оборот алкогольной продукции, отменены монополии в данной сфере. Помимо этого был ослаблен правоохранительный контроль в указанной сфере, равно как и социальный, и идеологический. Все это привело к значительному ухудшению обстановки в сфере употребления несовершеннолетними алкогольной продукции. Лишь 22 ноября 1995 г. был принят федеральный закон № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», который устанавливал запрет оптовой и розничной реализации алкогольной продукции лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет. Данный закон, хотя и с многочисленными изменениями, действует и в настоящее время. На основании и во исполнение положений и требований указанного нормативного правового акта были реализованы межотраслевые нормы, которые сформировали соответствующий административно-правовой запрет на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, обосновав при этом уголовную и административную ответственность в случае нарушения данного запрета физическими, должностными и юридическими лицами.

Таким образом, можем сделать следующие выводы:

1. Реализация правового запрета на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним осуществлялась на неравномерной и несистемной основе, это было связано со многими факторами. Прежде всего необходимо говорить о связи рассматриваемой сферы с государственной политикой в области оборота алкогольной продукции в целом, наличии идеологических и семейно-нравственных оттенков и некоторых иных факторов. В этой связи полноценно административно-правовой запрет на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним был сформирован только к концу XIX века.

2. В наибольшей степени рассматриваемые правоотношения развились в советский период, в рамках которого все многочисленные межотраслевые идеи реализации правового запрета на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним были соединены воедино.

3. В силу ряда объективных обстоятельств в первые годы постсоветского периода данные идеи были утеряны.

Учет исторического опыта как с точки зрения отрицательных, так и с точки зрения положительных моментов – это одна из основ современного урегулирования правоприменительной и административно-правовой практики в сфере реализации запрета на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюшкина Н. Е. История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии) : монография. Курск : Курский государственный технический университет, 2009. 260 с.
2. Лоба В. Е., Малахова А. С. Русская правда : обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 4. С. 43–48.
3. Сытников В. Ю. Уголовная ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции : монография / под общ. ред. Р. М. Кашапова. М. : «Юрлитинформ», 2016. 208 с.
4. История России до 1917 года : учебник / под ред. Г. Б. Поляка., А. Ю. Дворниченко. Люберцы : Юрайт, 2016. 423 с.
5. Берндт А. А. Уголовно-правовая характеристика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург / Уральская государственная юридическая академия, 2017. 211 с.

6. Сытников В. О. Становление и развитие ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в России // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2017. С. 204–208.

7. О мерах ограничения продажи спиртных напитков : Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 4 марта 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1927. № 24. Ст. 158.

8. Глушаченко С. Б., Жулев С. К., Сальников М. В. Организация и деятельность комиссий по делам несовершеннолетних в РСФСР (1918–1920 гг.) // История государства и права. 2004. № 3. 25–26 с.

9. Об утверждении Положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке : Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 июня 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1926. № 39. Ст. 304.

© **Беженцев А. А.**

УДК 342.924.03:351.761.3(470)

А. Б. БУДНИКОВА, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

A. B. BUDNIKOVA, Senior Lecturer Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Department of Internal Affairs, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk)

О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ ВРАЧА

ON THE CONCEPT AND CONTENT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE CONSUMPTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES WITHOUT A DOCTOR'S PRESCRIPTION

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению понятия «административная ответственность за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача», рассматривается содержание административной ответственности за данное административное правонарушение, систематизируются дополнительные неблагоприятные последствия, входящие в содержание административной ответственности и предлагается авторское определение исследуемого понятия.

Ключевые слова и словосочетания: потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, административная ответственность, дополнительные неблагоприятные последствия, социально-правовой режим жизнедеятельности.

Annotation. The article analyzes the approaches to the definition of the concept of “administrative responsibility for the consumption of narcotic drugs and psychotropic substances without a doctor’s appoint-

ment”, examines the content of administrative responsibility for this administrative offense, systematizes additional adverse consequences included in the content of administrative responsibility and offers the author’s definition of the concept under study.

Keywords and phrases: *use of narcotic drugs and psychotropic substances without a doctor’s prescription, administrative responsibility, additional adverse consequences, social and legal regime of life activity.*

По данным социологических исследований в настоящее время в Российской Федерации число лиц, потребляющих наркотики, составляет 1,9 млн человек. При этом правоохранительными органами ежегодно выявляется около 200 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [1]. Одним из элементов системы противодействия распространению наркомании и наркотизации населения выступает административная ответственность за потребление наркотических средств и психотропных веществ. Уяснение сути и содержания этого правового явления может способствовать более эффективной правоприменительной деятельности, осуществляемой субъектами административной юрисдикции.

Понятие административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача в настоящее время в науке административного права не выработано. Вместе с тем учеными-административистами предложены различные дефиниции понятия административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотиками либо в сфере оборота наркотиков.

Так, С. В. Слободчук предлагает разграничивать объективный и субъективный смысл (понимание) административной ответственности за правонарушения, связанные с запрещенными веществами. В субъективном понимании, как указывает С. В. Слободчук, административная ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками, представляет собой правовое состояние (положение) правонарушителя, претерпевающего административно-процессуальное воздействие, лишения, предусмотренные наказанием [2, с. 91]. Однако обязанность претерпевать лишения имущественного и неимущественного характера возникает во всех случаях, когда решением

уполномоченного органа или должностного лица на нарушителя наложено административное наказание, и не зависит от вида административного правонарушения. Определение административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотиками, в рассматриваемом аспекте может использоваться применительно к административной ответственности за любое административное правонарушение.

В объективном понимании административную ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками, С. В. Слободчук определяет как реакцию государства на административный наркоделикт в виде правоприменительной деятельности управомоченных субъектов по предъявлению обвинения, оценке правонарушения и применению к виновному лицу административного наказания в целях охраны правового режима наркотических средств и психотропных веществ [2, с. 190]. С таким определением нельзя согласиться в полной мере. Прежде всего употребляемая автором формулировка «предъявление обвинения» характерна для осуществления предварительного расследования по уголовным делам, но никак не для производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, указываемая С. В. Слободчуком цель административной ответственности значительно шире, нежели только охрана правового режима наркотических средств и психотропных веществ. Полагаем, что данная цель должна коррелировать с целями, указанными Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ст. 3.1 КоАП РФ, и включать в себя охрану здоровья граждан, общественную и государственную безопасность, а также предупреждение совершения новых правонарушений.

М. В. Анисифорова определяет административную ответственность за правона-

рушения в сфере оборота наркотиков как особую разновидность деликтных отношений, в основе которых применение субъектами юрисдикционной деятельности мер физического и морального принуждения к правонарушителям – физическим лицам и организациям, в связи с совершением ими правонарушений в сфере оборота наркотиков, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3, с. 61].

Вместе с тем с данным определением можно согласиться лишь в определенной мере. Так, изучение видов административных наказаний, предусмотренных за совершение правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенной мерой ответственности является административный штраф, который относится к мерам материального принуждения (предусмотрен санкциями всех статей КоАП РФ, устанавливающих ответственность за деяния, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ). Кроме того, употребляемый М. В. Анисифоровой термин «в сфере оборота наркотиков» подразумевает совершение деяния в пределах категории «оборот наркотиков», в содержание которой автор включает 15 элементов [3, с. 54–55]. Однако среди этих элементов не указаны такие деяния, как незаконное потребление, пропаганда и реклама, учет наркотических средств и психотропных веществ, культивирование растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества и др., в связи с чем можно сделать вывод, что определение не распространяется на данные деяния. Думается, что употребление термина «административные правонарушения, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» будет более корректным.

По мнению А. А. Корнева, под административной ответственностью за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, следует понимать один из видов ад-

министративной ответственности, установленный КоАП РФ и состоящий в применении органами административно-юрисдикционного противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ к лицам, совершившим административные правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, административных наказаний имущественного и неимущественного характера [4, с. 130–131]. При этом потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача А. А. Корнев относит к данной группе административных правонарушений [4, с. 116].

Похожее определение административной ответственности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ предлагает В. С. Болотин: «это применение судьями и иными уполномоченными органами административной юрисдикции или их должностными лицами, в пределах их компетенции, карательных административных санкций, содержащих меры государственного осуждения противоправного деяния, к виновным в совершении административных наркоделиктов, выраженные в обязанности правонарушителя претерпевать негативные для него последствия, преследующие установленные законом цели наказания, а также охраны общественных отношений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ» [5, с. 69]. Однако определения, предлагаемые А. А. Корневым и В. С. Болотиным, акцентируют внимание на административном наказании как на единственном аспекте административной ответственности.

Полагаем, что в рассматриваемом контексте более полной является точка зрения Н. Н. Цуканова, который включает в содержание административной ответственности наряду с административным наказанием также факт признания деяния административным правонарушением и дополнительные неблагоприятные последствия, заключающиеся в ограничении прав, установлении дополнительных запретов и обязанностей в период, пока лицо считается привлеченным

к административной ответственности [6, с. 103]. Вместе с тем такая позиция требует некоторой конкретизации применительно к предмету исследования.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в отдельных случаях законодатель связывает ограничение прав и свобод лица, привлеченного к административной ответственности, не со сроком, установленным ст. 4.6 КоАП РФ, а с иными временными промежутками. Так, например, при решении вопроса о приеме на службу в органы внутренних дел, Росгвардию, федеральную противопожарную службу будут иметь значения только административные правонарушения, за которые лицо привлекалось к административной ответственности в течение года до дня обращения с заявлением о приеме на службу [7, 8]. В выдаче разрешения на работу иностранному гражданину будет отказано, если он в течение пяти лет, предшествовавших дню подачи заявления, подвергался административному выдворению за пределы Российской Федерации [9]. В связи с изложенным полагаем, что более корректно срок, в течение которого на лицо будут распространяться дополнительные неблагоприятные последствия, следует указывать как «установленный нормативными правовыми актами».

Дополнительные негативные последствия как элемент содержания административной ответственности за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача представляют собой запреты или ограничения различного характера. В настоящее время они закреплены в большом количестве нормативных правовых актов РФ и не систематизированы, что создает трудности при их исследовании.

Дополнительные неблагоприятные последствия в зависимости от основания их установления можно разделить на четыре категории:

1. Негативные последствия, наступающие в связи с привлечением лица к административной ответственности именно за потребление наркотических средств и пси-

хотропных веществ. К числу таких последствий относятся:

- возможность возложения на лицо дополнительных обязанностей пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ);

- запрет приема на работу, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности (п. 9 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»);

- отказ в заключении или расторжение трудового договора с лицами, чья работа непосредственно связана с движением поездов и маневровой работой (ч. 3 ст. 25 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»);

- запрет на допуск к работе на судне (ч. 2 ст. 27 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации);

- отказ в приеме на должность специалистов авиационного персонала (ч. 3.1 ст. 52 Воздушного кодекса Российской Федерации);

- отказ в выдаче лицензии либо аннулирование лицензии на приобретение и хранение оружия (п. 10 ст. 13, п. 3 ст. 26 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»);

- отказ в присвоении статуса частного охранника либо аннулирование удостоверения частного охранника (ст. 11.1 Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»).

Кроме того, в соответствии со ст. 30 Гражданского кодекса РФ факт употребления лицом наркотических средств или психотропных веществ может являться основанием для ограничения дееспособности гражданина при условии, что своими действиями он ставит семью в тяжелое материальное положение.

2. Негативные последствия, наступающие в связи с привлечением лица к административной ответственности за совершение

административных правонарушений определенной группы.

Совершение лицом административных правонарушений, посягающих на общественный порядок (глава 20 КоАП РФ) является основанием для продления испытательного срока или отмены условного осуждения (ст. 74 УК РФ) либо отменены условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ). При совершении лицом, освобожденным из мест лишения свободы, административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, здоровье населения и общественную нравственность, может быть установлен административный надзор либо продлен срок ранее установленного административного надзора (п. 2 ч. 3 ст. 3, п. 4 ст. 7 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»). Неоднократное привлечение иностранного гражданина или лица без гражданства в период предыдущего пребывания на территории России к административной ответственности за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок, является основанием для отказа в выдаче разрешения на въезд в Российскую Федерацию (п. 11 ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»). Следует отметить, что правонарушение, предусмотренное ст. 6.9 КоАП РФ, относится к посягающим на здоровье населения, а предусмотренное ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ – к посягающим на общественный порядок.

Неоднократное привлечение лица к административной ответственности за умышленные административные правонарушения, рассматриваемые судом, в течение года до дня обращения с заявлением о приеме на службу будет препятствовать поступлению на государственную службу в органы внутренних дел и Росгвардию [7], органы принудительного исполнения [10], федеральную противопожарную службу [8], органы уголовно-исполнительной системы [11]. Этот запрет будет распространяться на лиц,

привлеченных к административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ по ст. 6.9 КоАП РФ, поскольку это деяние умышленное и рассматривается судом.

3. Негативные последствия, наступающие в связи с применением к лицу административного наказания определенного вида. Так, при применении к иностранному гражданину или лицу без гражданства административного выдворения с территории Российской Федерации в последующем для этих лиц:

а) не разрешается въезд в Российскую Федерацию (п. 2 ч.1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»);

б) не выдается разрешение на временное проживание, разрешение на работу, вид на жительство, а выданные ранее разрешения и вид на жительство аннулируются (п. 3 ч. 1 ст.7, п. 3 ч. 1 ст. 9, п. 3 ч. 9 ст. 18 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»);

в) отклоняются заявления о выдаче уведомления о возможности приема в гражданство Российской Федерации, о приеме в гражданство Российской Федерации и о восстановлении в гражданстве Российской Федерации, поданные такими лицами (п. «г» ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»);

г) не выдается свидетельство участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, аннулируется ранее выданное свидетельство участника Государственной программы, а также утрачивается статус члена семьи участника Государственной программы (подп. «в» п. 25 Указа Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»).

Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, подвергнутые административному аресту, проходят обязательную дактилоскопическую регистрацию (абз. 2 п. «ж» ст. 9 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»).

4. Негативные последствия, наступающие в связи с привлечением лица к административной ответственности в целом, например, возможность досрочного прекращения полномочий Председателя Счетной палаты РФ (п. 1 ч. 8 ст. 7 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»), отказ в назначении на должность уполномоченного по правам ребенка в РФ (ст. 4 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 401-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»).

Таким образом, дополнительные неблагоприятные последствия по своему ха-

рактеру являются весьма разнообразными, поэтому следует говорить об изменении социально-правового режима жизнедеятельности лица, привлеченного к административной ответственности за незаконное потребление наркотиков.

Учитывая изложенное, под административной ответственностью за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача предлагается понимать вид юридической ответственности, которая реализуется уполномоченными субъектами в административно-процессуальном порядке в отношении лиц, потребивших наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, и выражается в официальном признании деяния лица административным правонарушением, вынесении решения о назначении административного наказания и изменении социально-правового режима жизнедеятельности лица в течение установленного нормативными правовыми актами срока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Слободчук С. В. Административная ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2005.
3. Анисифорова М. В. Административная ответственность за нарушения законодательства в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
4. Корнев А. А. Система административно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Астрахань, 2012.
5. Болотин В. С. Административная ответственность в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. Цуканов Н. Н. Статья 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как средство противодействия незаконному наркопотреблению // Вестник Омской юридической академии. 2017. Том 14. № 4. С. 99–104.
7. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

10. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

11. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

© Будникова А. Б.

УДК 351.74.078.169:351.756(470)

К. А. КУЗНЕЦОВА, преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

K. A. KUZNETSOVA, lecturer at the Department of Administrative Law and the Department of Internal Affairs of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk)

Н. Н. ТКАЧЕНКО, старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Ростов-на-Дону)

N. N. TKACHENKO, Senior Lecturer of the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (Rostov-on-Don)

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

LEGAL AND INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES ILLEGAL MIGRATION

Аннотация. Проанализированы результаты правоприменительной деятельности подразделений по вопросам миграции по материалам Хабаровского края. Предложены направления совершенствования контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел в сфере миграции. Изучены авторские позиции в области разработки и внедрения дифференцированного режимного подхода в административно-правовое регулирование внешней миграции. Автор пришел к обоснованному выводу о необходимости разработки и внедрения в систему государственного регулирования миграционно-правового режима контролируемого пребывания мигрантов в России.

Ключевые слова и словосочетания: государственное управление, органы внутренних дел, полиция, внешняя миграция, миграционный режим, иностранный гражданин.

Annotation. The results of law enforcement activities of units on migration issues in the territory of the Khabarovsk Territory were analyzed. The directions of improvement of control and supervision activities of

internal affairs bodies in the field of migration are proposed. We studied the author's positions in the development and implementation of a differentiated regime approach to the administrative and legal regulation of foreign migration. The author came to a reasonable conclusion on the need to develop and introduce into the state regulation of the migration legal regime of controlled stay of migrants in Russia.

Keywords and phrases: *public administration, internal affairs bodies, police, external migration, migration regime, foreign citizen.*

Деятельность органов внутренних дел при реализации функции по контролю и надзору в сфере миграции направлена в первую очередь на предупреждение, выявление и пресечение преступлений и правонарушений, связанных с незаконной миграцией, обеспечение общественной безопасности, выявление среди мигрантов лиц к террористической и экстремистской деятельности. Указанную деятельность возможно охарактеризовать и проанализировать ее результаты, используя материалы правоприменения подразделений полиции УМВД России по Хабаровскому краю.

Так, за 2020 г. через пункты пропуска государственной границы Российской Федерации, расположенные на территории Хабаровского края, въехало 2334 иностранных граждан и лиц без гражданства (что меньше на 95,5 % по сравнению с 2019 г. – 52305). Выехало за пределы Российской Федерации 3691 иностранный гражданин (– 93,7 %, 2019 г. – 58868). Поставлено на миграционный учет 71128 иностранных граждан и лиц без гражданства (– 58,7 %, 2019 г. – 172365). Снято с миграционного учета – 74813 (– 56,4 %, 2019 г. – 171449) [1]. Данные показатели значительно снижены по сравнению с показателями 2019 г. из-за сложившейся эпидемиологической обстановки в стране и принятыми мерами по ограничению въезда и передвижения иностранных граждан по территории Российской Федерации.

Основной поток мигрантов прибывал в 2020 г. на территорию региона с целью осуществления трудовой деятельности (12009), учебы (762), а также коммерческой целью въезда (91), при этом основные сферы деятельности, в которых находят себя иностранные граждане – это строительство, торговля, а также домашнее хозяйство.

Основой государственного контроля является осуществление проверок: плановых

и внеплановых. Проведение внеплановых проверок направлено на своевременное выявление и оперативное пресечение нарушений в сфере миграции.

В 2020 г. осуществление контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции подразделениями УМВД России по Хабаровскому краю, подчиненными территориальными органами МВД России строилось в соответствии с введенными Правительством Российской Федерации и Хабаровского края ограничительными мерами по недопущению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

С учетом ограничений на реализацию мероприятий по контролю в сфере миграции, обусловленных требованиями Указа Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 [2], постановления Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 438 [3], указания первого заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника полиции А. В. Горового от 19 марта 2020 г. № 1/2964, по итогам 2020 г. наблюдается ожидаемое снижение ряда показателей деятельности территориальных органов МВД России на данном направлении.

В рамках осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции на территории Хабаровского края, в том числе в ходе проведения 2-х этапов оперативно-профилактического мероприятия «Нелегальный мигрант» (3 этап – в период с 14 по 18 сентября, 4 этап – в период с 7 по 11 декабря) подразделениями по вопросам миграции во взаимодействии с иными заинтересованными подразделениями УМВД России по Хабаровскому краю в 2020 г. проведено 2650 проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства в различных сферах деятельности, что на 46,7 %

меньше показателя 2019 г. (2019 г. – 4971). В результате принимаемых мер выявлено 15276 административных правонарушений в сфере миграции (– 39,2 %; 2019 г. – 25130).

Наиболее эффективным механизмом предупреждения правонарушений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, является проведение сотрудниками подразделений по вопросам миграции эффективных контрольно-надзорных мероприятий.

За 2020 г. судами Хабаровского края вынесены решения об административном выдворении в отношении 305 иностранных граждан (– 80,5 %, 2019 г. – 1568), фактически выдворено с территории Российской Федерации – 531 чел. (– 48,9 %, 2019 г. – 1040), из них: 64 решения о выдворении в форме контролируемого самостоятельного выезда (– 84,9 %, 2019 г. – 425), фактически выдворено – 170 чел. (– 83,1 %, 2019 г. – 383); 241 решение в форме принудительного перемещения через государственную границу с содержанием в ЦВСИГ УМВД России по Хабаровскому краю (– 78,9 %, 2019 г. – 1143), фактически выдворено – 361 чел. (– 45,1 %, 2019 г. – 657) [1].

При этом по решениям судебных органов (305), вынесенных за 2020 г., фактически выдворено 122 иностранных гражданина (удельный вес составил – 40,0 %), из них: в форме контролируемого самостоятельного выезда – 40 (32,8 %), в форме принудительного перемещения через государственную границу – 82 (67,2 %).

За 2020 г. выявлено и задокументировано 300 деяний, в которых усматриваются признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 322, 322.2, 322.3, 327 УК РФ (+ 9,1 %, 2019 г. – 275). По 137 из них возбуждены уголовные дела (– 6,2 %, 2019 г. – 146), по 126 отказано в возбуждении уголовных дел по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2 части 1 статьи 24 УПК РФ (за отсутствием состава, события преступления) (+ 65,7 %, 2019 г. – 76). К уголовной ответственности привлечено 94 лица, совершивших данные преступления (– 2,1 %, 2019 г. – 96).

Из числа выявленных преступлений: по статье 322 УК РФ (незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации) выявлено и задокументировано – 18 фактов (рост в 3,6 раза; 2019 г. – 5); по статье 322.2 УК РФ (фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранных граждан по месту жительства) было выявлено и задокументировано – 140 фактов (+ 14,8 %, 2019 г. – 122); по статье 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет иностранного гражданина по месту пребывания) выявлено и задокументировано – 118 фактов (+ 1,7 %, 2019 г. – 116); по ст. 327 УК РФ выявлено и задокументировано – 24 факта (– 22,6 %, 2019 г. – 31) [1].

В ходе проведения мероприятия подразделениями по вопросам миграции во взаимодействии с другими субъектами административной и оперативно-разыскной деятельности УМВД России по Хабаровскому краю, подчиненных территориальных органов МВД России проверено 412 объектов в различных сферах деятельности (промышленности, торговли, жилые помещения и иные) и 1453 иностранных гражданина, попавших в поле зрения сотрудников органов внутренних дел на объектах оперативной заинтересованности [2].

Кроме того, сотрудниками УГИБДД УМВД России по Хабаровскому краю проверено 1087 транспортных средств, 97 из которых были под управлением иностранных граждан либо лиц без гражданства.

В результате проведенных проверок выявлено 259 административных правонарушений (128 из которых совершены иностранными гражданами и лицами без гражданства), 206 из которых предусмотрены главой 18 КоАП РФ, 48 – за нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил дорожного движения, 5 – за иные административные правонарушения.

Из числа выявленных правонарушений, предусмотренных главой 18 КоАП РФ: за нарушение режима пребывания – 54 (из них:

ч. 1 ст. 18.8 – 37, ч. 3 ст. 18.9 – 2, ч. 4 ст. 18.9 – 15); за нарушение правил привлечения и использования иностранных работников – 152 (из них: ч. 1 ст. 18.10 – 85, ч. 3 ст. 18.10 – 4, ч. 1 ст. 18.15 – 29, ч. 3 ст. 18.15 – 32, ч. 1 ст. 18.17 – 1).

Из числа иностранных граждан (128), нарушивших действующее миграционное законодательство Российской Федерации, 57,0 % составляют граждане Республики Узбекистан (73 гражданина), 23,4 % – Таджикистан (30), 19,5 % – иных государств (Азербайджан – 5, КНР – 5, Армения – 4, КНДР – 4, Киргизия – 3, Украина – 3, Молдова – 1).

В ходе проведения данного оперативно-профилактического мероприятия в отделе полиции по территориальности для проведения проверок и принятия решений по существу направлено 27 материалов по статьям 322, 322.2, 322.3, 327 УК РФ, возбуждено 7 уголовных дел, из них: по ст. 322 УК РФ направлен 1 материал, по ст. 322.2 УК РФ – 10 материалов, возбуждено 5 уголовных дел, по ст. 322.3 УК РФ направлено 15 материалов, возбуждено 2 уголовных дела, по ст. 327 УК РФ направлен 1 материал.

Анализ результатов, проведенных двух этапов оперативно-профилактического мероприятия «Нелегальный мигрант» в 2020 г., свидетельствует об их эффективности и высокой результативности в сравнении с общим объемом задокументированных правонарушений за рассматриваемые периоды и является действенным методом профилактики правонарушений, однако значительно снижается в условиях, осложненных санитарно-эпидемиологической обстановкой в стране, что свидетельствует о несовершенстве правового регулирования и об отсутствии возможности оперативного реагирования органов внутренних дел на стремительно изменяющиеся общественные отношения, в том числе в сфере миграции.

Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. определен ряд задач [4], направленных на противодействие организации незаконной миграции и обеспечение го-

сударственного контроля (надзора) в сфере миграции.

Необходимым направлением по совершенствованию административно-юрисдикционной деятельности федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных в сфере миграции населения, является осуществление административно-правового регулирования миграционно-правового режима контролируемого пребывания иностранных граждан или лица без гражданства на территории Российской Федерации.

Правовые режимы являются неотъемлемой частью процесса управления. С. А. Старостин под административно-правовым режимом понимает определенный нормами административного права особый порядок функционирования его субъектов, направленный на упорядочение общественных отношений в соответствующей сфере государственного управления [5, с. 4].

По мнению С. С. Маилян, «для приведения системы в требуемое состояние применяются специальные управленческие режимы, основное функциональное назначение которых состоит в обеспечении организации управленческих систем» [6, с. 29].

Ряд имеющихся мнений ученых, законодательских инициатив МВД России не может не обратить на себя внимание. В настоящее время разработке авторской концепции режимного административно-правового регулирования в сфере миграции посвящает свои работы А. Н. Жеребцов.

Под миграционно-правовым режимом А. Н. Жеребцов определяет систему взаимосвязанных правовых (нормативных и организационных) средств, представляющих собой систему инструментов (способов и типов), направленных на упорядочение взаимосвязанных миграционно-правовых отношений, возникающих в определенном виде территориального перемещения, и достижение определенных управленческих целей в сфере территориального перемещения населения [7; 8; 9].

Содержание административно-правового режима, нам представляется, целесообразно строить на основе концепции,

предложенной в современной административно-правовой науке, где предлагается выделить следующие элементы содержания миграционно-правового режима: а) цель миграционно-правового режима; б) круг субъектов; в) правовая основа; г) система миграционных правил или административно-правовых процедур; д) стадии процесса управления миграционным потоком. Наполнение приведенных элементов содержания режима позволит смоделировать предлагаемый нами миграционно-правовой режим контролируемого пребывания иностранных граждан.

Основываясь на приведенной в работах А. Н. Жеребцова концепции элементов содержания миграционно-правовых режимов и ряде мнений других специалистов, необходимо признать, что режим контролируемого пребывания преследует своей целью формирование и реализацию специального административно-правового статуса для отдельных категорий мигрантов, в том числе иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность, и находящихся в неопределенном статусном состоянии.

Таковыми видами мигрантов, на наш взгляд, являются: а) лица, в отношении которых начата процедура признания их нахождения в Российской Федерации нежелательным; б) лица, подлежащие административному выдворению, депортации, реадмиссии, включая тех, кто не может быть выслан за пределы территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами или российским законодательством, и находящиеся в местах их содержания в соответствии; в) лица, в отношении которых при прохождении пограничного контроля были выявлены препятствия для пропуски на территорию страны; г) лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы; д) лица, которым ограничен выезд из Российской Федерации; е) лица, которым установлен запрет на въезд, но которым въезд в Российскую Федерацию временно разрешен по особым обстоятельствам (к примеру, для дачи показаний по уголовному делу); ж) лица, утратившие документы, удостоверяющие их

личность, на период до получения соответствующего документа; з) иные лица, статус мигранта которых на территории Российской Федерации не определен.

Правовой основой данного миграционно-правового режима будут являться Федеральные законы № 115-ФЗ, № 114-ФЗ и принятые в их развитие подзаконные нормативные правовые акты, предопределяемые видом неопределенного статуса мигранта, подлежащего контролируемому пребыванию иностранного гражданина или лица без гражданства.

Правила режима контролируемого пребывания иностранных граждан следует формировать в следующем виде:

1) постановка на специальный учет мигрантов с неопределенным миграционно-правовым статусом, который должны осуществлять подразделения по вопросам миграции путем внесения данных об этих лицах в электронный сервис Государственной информационной системы «Миграция» и выдачи мигранту документа о его контролируемом пребывании;

2) установление в отношении мигранта с неопределенным административно-правовым статусом обязанности регулярной личной явки, нахождения в специально созданных местах содержания мигрантов с неопределенным административно-правовым статусом, ограничения по перемещению, ограничения мест нахождения лица в определенное время и определенных местах, использования сопутствующих средств контроля и др.;

3) предоставление мигранту с неопределенным административно-правовым статусом особых прав на услуги переводчика, связи, защитника и других прав, необходимых для определения его административно-правового статуса;

4) установление административных процедур контроля за пребыванием мигранта с неопределенным административно-правовым статусом, административно-правовых процедур определения его административно-правового статуса, процедур выдачи им обязательств совершать определенные дей-

ствия в период нахождения под административно-правовым режимом контролируемого пребывания.

В настоящее время основным рычагом административно-правового противодействия незаконной миграции органами внутренних дел является осуществление контрольно-надзорной деятельности, в том числе и проведение оперативно-профилактических мероприятий и операций, в ходе

которых к иностранным гражданам применяются меры административной ответственности за нарушение порядка пребывания или проживания, осуществления ими трудовой деятельности. В свою очередь разработка и апробация административно-правового режима контролируемого пребывания в Российской Федерации помогут внедрить новый инструмент в деятельность органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние миграционной ситуации в Хабаровском крае // Управление по вопросам миграции УМВД России по Хабаровскому краю. URL: <https://27.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.06.2021).
2. О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 16. Ст. 2573.
3. Об особенностях осуществления в 2020 г. государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 438 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 15 (ч. IV). Ст. 2292.
4. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента Российской Федерации от 31 окт. 2018 г. № 622 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 45 Ст. 6917.
5. Старостин С. А. Классификация административно-правовых режимов // Законы России : опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 3–10.
6. Маилян С. С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью : монография. М. : ЮНИТИ, 2002. 214 с.
7. Жеребцов А. Н. Миграционно-правовые режимы : теория и практика административно-правового регулирования : монография. Волгоград : ВИЭСП, 2009. 264 с.
8. Миграционно-правовые режимы: понятие и виды // Современное право. 2008. № 1. С. 79–81.
9. Содержание миграционно-правовых режимов реализации правовой миграционной политики Российской Федерации // Современное право. 2008. № 3. С. 36–43.

© Кузнецова К. А.

© Ткаченко Н. Н.

УДК 343.852:351.756(470)

В. А. МОРОЗОВ, адъюнкт кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва)

V. A. MOROZOV, postgraduate student of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow)

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦИАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
МВД РОССИИ ДЛЯ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, ПОДЛЕЖАЩИХ АДМИНИСТРАТИВНОМУ
ВЫДВОРЕНИЮ ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE SPECIAL INSTITUTIONS
OF THE MIA OF RUSSIA FOR THE TEMPORARY DETENTION OF FOREIGN
CITIZENS AND STATELESS PERSONS SUBJECT TO ADMINISTRATIVE
EXPULSION FROM THE RUSSIAN FEDERATION**

***Аннотация.** В данной статье исследуется административно-правовой статус специальных учреждений, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих принудительной форме административного выдворения за пределы Российской Федерации. Автором исследуется и выделяется конструкция административно-правового статуса специального учреждения и его особенности, в том числе связанные с реализацией правоограничительных мер субъектами административного воздействия. В ходе анализа правовых аспектов содержательной части административно-правового статуса специального учреждения формулируются понятия следующих правовых дефиниций: административно-правовой статус специального учреждения, компетенция специального учреждения, законные интересы лиц, содержащихся в специальных учреждениях. В статье поднимается проблема, заключающаяся в отсутствии нормативного правового акта, определяющего правовое положение специального учреждения, а также указывается на необходимость издания такого документа.*

***Ключевые слова и словосочетания:** иностранный гражданин, лицо без гражданства, иммигрант, специальное учреждение, административное выдворение, МВД России, административно-правовой статус.*

***Annotation.** In this article, the author examines the administrative and legal status of special institutions under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the detention of foreign citizens and stateless persons subject to compulsory administrative expulsion from the Russian Federation. The author examines and highlights the construction of the administrative and legal status of a special institution, and its features related to the implementation of law-limiting measures by subjects of administrative influence. Analyzing the legal aspects of the substantive part of the administrative and legal status of a special institution, the author formulates the concepts of the following legal definitions: the administrative and legal status of a special institution; the competence of a special institution; the legitimate interests of persons held in special institutions. In the article, the author raises the problem of the absence of a normative legal act defining the legal status of a special institution, and also indicates the need for the publication of such a document.*

***Keywords and phrases:** foreign citizen, stateless person, immigrant, special institution, administrative expulsion, Ministry of Internal Affairs of Russia, administrative and legal status.*

Все субъекты общественно-правовых отношений являются носителями административно-правового статуса как юриди-

ческой категории. В процессе правового регулирования общественных отношений субъекты таких отношений наделяются

правами, обязанностями, юридической ответственностью и другими элементами, позволяющими определить место конкретного субъекта правоотношений в системе государственного управления. Совокупность таких элементов в административно-публичной сфере составляет правовой статус, необходимый для удовлетворения интересов субъектов и объектов управления.

Административно-правовой статус специального учреждения МВД России для временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации (далее – специальное учреждение), как структурного подразделения органа исполнительной власти в сфере внутренних дел позволяет определить специальное учреждение как носителя функций государственного управления.

Под административно-правовым статусом специального учреждения следует понимать совокупность предусмотренных Конституцией Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [1], Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ) [2], иными нормативными административно-правовыми актами, а также учредительными документами юридических прав, обязанностей и ответственности специального учреждения, с целью реализации им полномочий в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах государственного управления.

Исходя из теории науки административного права, конструкцию административно-правового статуса специального учреждения можно представить в виде трех основных блоков [3, с. 85]. Первый блок – целевой. Он состоит из норм, определяющих цели, задачи и функции деятельности специального учреждения. Второй блок – структурно-организационный. В него входят правовые предписания, определяющие правовой порядок функционирования

специального учреждения, включая вопросы создания, реорганизации и ликвидации, финансирования, управления, штатного расписания и др., то есть положение специального учреждения в системе органов исполнительной власти и его внутреннюю организацию. Третий блок – компетенционный [4]. Данный блок в качестве основных компонентов включает права, обязанности, полномочия и ответственность специального учреждения и его должностных лиц. Должностные лица от имени специального учреждения в пределах своей компетенции издаются правовые акты управления и обеспечивают их выполнение [5, с. 57]. Так, например, руководителем (начальником) специального учреждения в соответствии со ст. 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306 «Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» устанавливается распорядок дня специального учреждения [6], обязательный для соблюдения и штатными сотрудниками (работниками) и содержащимися лицами.

Общей целью деятельности специального учреждения является защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение правопорядка и общественной безопасности в специальном учреждении, являющиеся государственной функцией. Государственная власть посредством функционирования специальных учреждений гарантирует исполнение решения суда о принудительной форме административного выдворения незаконных иммигрантов за пределы Российской Федерации. В ходе реализации функций и задач специального учреждения, обусловленных целью его функционирования, исполнительная власть в лице субъектов государственного управления ис-

пользует специальные формы и методы административного воздействия, ограничивающие права и свободы лиц, содержащихся в специальных учреждениях. Такая форма управления является особенностью административно-правового статуса специальных учреждений [7, с. 158–187].

В соответствии с положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ специальное учреждение входит в структуру органа исполнительной власти в сфере внутренних дел [2], то есть органа государственного управления. Специальное учреждение обладает структурной организацией, штатом, включающим должности государственной службы, компетенцией, государственно-властными полномочиями, их пределами и др.

Исходя из классического представления теории административного права, под компетенцией специального учреждения следует понимать совокупность установленных нормативными правовыми актами административно-публичных полномочий, которыми наделяется специальное учреждение для реализации задач, функций и целей властно-распорядительной и властно-охранительной деятельности в общественно-государственных интересах [4]. Большинство прав специального учреждения реализуются в административно-публичной сфере в виде властных полномочий начальника (руководителя) и иных должностных лиц, представленных с одной стороны – в виде полномочий, обращенных к объекту государственного управления, а с другой стороны – являющихся обязанностью специального учреждения по отношению к обществу и государству. Например, право осуществления видеоконтроля на территории объектов специального учреждения, закрепленное Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2014 г. № 250 «Об осуществлении охраны специальных учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдво-

рению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» [8], является для специального учреждения одновременно и правомочием по отношению к выдворяемому иммигранту, и обязанностью перед обществом и государством.

Совокупность прав и законных интересов специального учреждения и его должностных лиц, реализуемых в административно-публичной сфере, образуют правовую дозволенность, в рамках которой применяется усмотрение, то есть дискретное полномочие, совпадающее с законным интересом содержащегося в специальном учреждении иммигранта [9]. Проанализировав мнения ученых, определяющих понятие «законный интерес» с позиции лица, содержащегося под стражей, и соглашаясь с точкой зрения Р. В. Ушакова, под законными интересами иммигрантов, содержащихся в специальных учреждениях, следует понимать установленные нормативными правовыми актами и являющиеся возможно реализуемыми законные притязания иностранцев, удовлетворение которых осуществляется компетентными субъектами управления, исходя из имеющихся обстоятельств путем их оценки и учета [10].

В свою очередь, определяя правовую дефиницию «административное усмотрение», следует учитывать, что в юридической науке это явление не имеет однозначной характеристики, безусловно отражающей уникальность административно-правового статуса специального учреждения. Британский ученый-правовед XIX столетия А. В. Дайси полагал: «Власть, основанная на свободе усмотрения, будет приводить к произволу» [11]. А. И. Елистратов в своих трудах придерживается данной позиции, считая что «система усмотрения подрывает в населении чувство права и справедливости, так как со справедливостью несовместим даже и самый благожелательный произвол» [12]. Усмотрение, таким образом, соотносится с произволом, что придает негативную окраску термину «усмотрение». Однако, по нашему мнению, ключевым является определение грани между произволом и усмо-

тением. Считаем справедливым мнение П. И. Люблинского, что произвол строится на спонтанных и вредных для общества мотивах, иногда выражаясь в безотчетном или инстинктивном осуществлении полномочий, в то время как усмотрение базируется на праве и позитивной мотивации [13, с. 29].

Как мы отмечали ранее, административно-правовой статус каждого субъекта административных правоотношений, включая специальное учреждение, выстраивается на основе норм права. Постоянное совершенствование нормативно-правовой базы обуславливает изменение правового положения тех или иных субъектов правоотношений, что носит как положительный, так и отрицательный характер. В определенных случаях обновление редакции нормативного правового акта в части изменения конструк-

ции положения может привести к возникновению противоречия в правовой регламентации. Отсутствие норм, в полной мере закрепляющих административно-правовое положение специального учреждения, является существенным пробелом в современной отечественной правовой системе.

В настоящее время административно-правовой статус специального учреждения в полной мере не закреплён, что обусловлено отсутствием в законодательстве нормативного правового акта, определяющего порядок функционирования, финансирования и некоторых других аспектов правового регулирования специального учреждения. Считаем своевременным и необходимым разработать нормативно-правовой акт, позволяющий унифицировать правовое положение специального учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15 января 2021 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 19.01.2021).
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 15 октября 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/706808284507792e1053c03fb09ca3c85c3492bc/ (дата обращения: 15.01.2021).
3. Административное право России. Особенная часть : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Ю. П. Соловей, И. М. Чемакин [и др.]. М. : Издательство БЕК, 1997. 330 с.
4. Зубач А. В. Административное право: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. В. Зубач, Е. О. Бондарь, С. Н. Бочаров и др.; под общей редакцией А. В. Зубача. М. : Издательство Юрайт, 2019. 530 с.
5. Чернов С. Н. Административное право Российской Федерации. ПетрГУ : Петрозаводский государственный университет, 2012. 151 с.
6. Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии : постановление Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 1306 (ред. от 17 июня 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157232/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.01.2021).
7. Бахрах Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 2-е издание, измененное и дополненное. М. : Юридическое издательство Норма, 2005. 799 с.
8. Об осуществлении охраны специальных учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» (вместе с «Правилами осуществления охраны специальных учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих адми-

нистративному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии») : постановление Правительства РФ от 29 марта 2014 г. № 250 (ред. от 31 января 2017 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161180/ (дата обращения: 21.01.2021).

9. Стахов А. И. Административное право России : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. И. Стахов, П. И. Кононов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 624 с.

10. Ушаков Р. В. Законные интересы лиц, осужденных к лишению свободы : вопросы сущности и определения правовой категории // Юрист-Правоведь. 2016. № 6 (79). С 116–119.

11. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London, 1885.

12. Елистратов А. И. Задача административного права и ее общественное значение // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2 (2). С. 218–220.

13. Люблинский П. И. Основание судейского усмотрения в уголовных делах : доклад для Киевского съезда Русской группы Международного союза Криминалистов. СПб. : Сенатская типография, 1904.

© Морозов В. А.

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.
ЯЗЫК И ПРАВО. ЮРИСЛИНГВИСТИКА**

УДК 811.111'276.5:343.976(73)

М. А. АРСКАЯ, доцент кафедры иностранных и русского языков Сибирского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Красноярск)

M. A. ARSKAYA, Assistant Professor of the Chair of Foreign and Russian Languages of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Krasnoyarsk)

**КОНЦЕПТ «DRUG OFFENCE»
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

**CONCEPT «DRUG OFFENCE»
IN AMERICAN LINGUISTIC AND CULTURE**

Аннотация. Автор рассматривает наркопреступность в качестве объекта лингвокультурологического исследования, что позволяет идентифицировать отношение представителей конкретной культуры к наркопреступности через призму языковой картины мира. В настоящей статье изучаются вопросы смыслового содержания и языковой репрезентации концепта «drug offence» (наркопреступление) в современном английском языке. Для достижения данной цели выявлены и проанализированы лексико-семантические средства актуализации данного концепта. Привлечение англоязычных лексикографических источников, а также сопутствующей экстралингвистической информации позволило определить набор признаков, интерпретирующих основное информационное содержание концепта «drug offence», систематизировать некоторые вербальные средства его репрезентации, а также уточнить оттенки значений, характерные для существования данного концепта в рамках американской лингвокультуры.

Ключевые слова и словосочетания: лингвистика, концепт, наркопреступление, вербальная репрезентация, английский язык, американская лингвокультура.

Annotation. *Drug crime is a complex socio-legal phenomenon, the attitude towards which is determined by national and cultural characteristics, as well as the normative values of a particular culture. The study of this phenomenon as an object of linguistic and cultural research makes it possible to identify the attitude of representatives of a particular culture to drug offences through the prism of the linguistic picture of the world. This article examines the issues of semantic content and linguistic representation of the concept «drug offence» in modern English. To achieve this goal, the lexical and semantic means of actualizing this concept have been identified and analyzed. The involvement of English-language lexicographic sources, as well as accompanying extra linguistic information, made it possible to determine a set of features that interpret the main informational content of the concept «drug offence», to systematize some of the verbal means of its representation, and also to clarify the conceptual connotations of this concept within the framework of American linguistic culture.*

Key words and phrases: linguistics, concept, drug offence, verbal representation, English, American linguistic culture.

Основной круг проблем, обсуждаемых в последнее время в лингвистических исследованиях, затрагивает в той или иной мере дискуссионные вопросы построения концептосферы окружающего нас мира.

Анализ и сопоставление смыслового содержания русскоязычных и иноязычных концептов, а также изучение возможностей их вербальной реализации являются актуальными для успешного взаимодействия представителей разных культур в различных областях, в том числе, в профессиональной сфере.

Одним из центральных элементов профессиональной картины мира сотрудников правоохранительных органов признается культурно-обусловленный концепт «преступление» [1]. Несмотря на относительную универсальность данного феномена, идентификация специфических образных и ценностных черт понятия в конкретной культуре и конкретном языке, а также уточнение составляющих его слотов приобретает особую актуальность. Так, в рамках указанного концепта может быть выделена обширная группа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, т. н. наркопреступлений. Понятие «наркопреступление» охватывает широкий диапазон девиантного поведения. Каждое общество формулирует определенные правила для регулирования поведения своих членов. Нарушения данных правил запрещены и преследуются согласно закону. Однако возникают вопросы о том,

какие действия запрещены и объявлены государством наркопреступлениями, и каково содержание одноименного концепта, ведь в общественном сознании наркопреступность ассоциируется не только с производством, контрабандой и продажей наркотиков, осуществляемых наркосиндикатами во главе с наркобаронами в глобальных масштабах, но и с наркозависимым, воруящим кошелек у случайной жертвы для того, чтобы купить себе необходимую дозу наркотиков или наркозависимым, совершающим преступление под воздействием приема наркотических средств.

В Российской правовой системе, как отмечает в своей работе В. Д. Рогачева, «не существует законодательно закрепленного понятия «наркопреступление» [2], поэтому исследователи предлагают авторские определения данного термина. Так, согласно дефиниции А. Н. Федорова, наркопреступления – это «преступления, заключающиеся в незаконном обороте наркотиков, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений и их частей, а также в нарушении правил их оборота» [3]. Данное определение коррелирует со статьей 228 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо

их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» [4]. Однако, как было отмечено ранее, объем понятия не ограничивается преступлениями, связанными с производством, хранением и распространением наркотиков. В общественном сознании это обширная группа преступлений, связанных также с употреблением, контрабандой наркотиков, организацией наркопритонов, вовлечением несовершеннолетних в употребление наркотических средств и т. д. Наряду с универсально отрицательным отношением к преступлению как таковому, отношение к наркопреступлениям в разных странах может существенно отличаться. Данный феномен находит свое языковое отражение в лингвокультурах разных стран, что делает возможным изучение национальной специфики концепта посредством описания и анализа семантики языковых средств, входящих в номинативное поле данного концепта.

Анализ научной литературы показал, что, несмотря на репрезентативный корпус работ, посвященных изучению универсального концепта «преступление» на материале разных языков, среди них – русского [5; 6], английского [7; 8; 9] и др., в когнитивных и лингвострановедческих исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов концепт «наркопреступление» не выделялся в качестве отдельной единицы исследования.

Вместе с тем, совокупность закрепленных признаков, которые используются для описания данного фрагмента окружающего нас современного мира, а также возможности их реализации разнообразными языковыми способами и средствами, наряду с существованием признаков, принципиально значимых для определенной культуры, позволяют констатировать наличие в составе универсального концепта и/или концептосферы «преступление» концепта «наркопреступление» с самостоятельными когнитивными признаками полевой зоны. Наркопреступление представляет собой многоаспектный феномен, центральным элементом которого, наряду с понятием «преступление», является парадигма смеж-

ных взаимообусловленных понятий, объединенных компонентом «нарко» (связанный с наркотиками): наркотики – наркотизм – наркомания – наркотизация – наркозависимость и т. д., каждый из которых может быть представлен в качестве самостоятельного концепта. Следует отметить, что вопросы содержания отдельных компонентов наркопреступлений фрагментарно представлены в отдельных работах. Так, Н. А. Игнаткина, Н. В. Кузнецова [10], предложили вариант описания особенностей концепта «марихуана» внутри концептосферы «наркомания». Авторы провели анализ средств лингвистической реализации концепта «марихуана» в рамках американского варианта английского языка в русле лексической семантики, лексической парадигматики (теории поля), теории референции, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Настоящая статья посвящена проблеме изучения смыслового содержания и языковой репрезентации концепта «drug offence» (наркопреступление) в современном английском языке.

Англоязычное наименование концепта («drug offence») было выбрано из корпуса синонимичных терминов, реализуемых в американской публицистике, в составе которых присутствуют компоненты drug, offence и/или crime. Данные лексемы имеют довольно широкий спектр значений и формируют многочисленные словосочетания, характеризующие понятия «преступление» и «правонарушение» в английском языке. Иерархическая структура частотности употребления терминов (по степени убывания) выглядит следующим образом: drug offence – drug-related offence – drug crime – drug-related crime. Структурные особенности названия англоязычного концепта «drug offence» определяют его категорию. Так, в отличие от «простейших концептов», представленный одним словом, указанный концепт является «сложным концептом», представляющим собой словосочетание [11, с. 16]. При этом условная синонимия указанных выше словосочетаний указывает на нестабильный характер концепта, находящегося в стадии

формирования, и подчеркивает неполную эквивалентность концептов «drug offense» и «наркопреступление» в понятийной части в английском и русском языках.

Классификационные различия наркопреступлений в США и других странах, а также в разных штатах США обусловлены квалификацией одних и тех же деяний как преступных или правомерных. В американской лингвокультуре, несмотря на сложившиеся представления о наркотиках как о социальном зле, концепт «drug offense» претерпевает некоторые изменения по мере того, как развивается общество в целом, формируется общественное мнение и, как следствие, правовая база, позволяющая причислить те или иные действия, связанные с наркотиками, к числу противоправных. Иллюстрацией данного тезиса могут служить различия между законами штата и федеральными законами, что обусловлено тенденцией к легализации медицинского потребления марихуаны. Как отмечается в публикациях, представленных на американских интернет-сайтах, легализация марихуаны в отдельных штатах противоречит федеральным законам в сфере незаконного оборота наркотиков (*The legalization of marijuana by some has thrown a monkey wrench into the drug trafficking laws.* – *Легализация марихуаны в отдельных штатах «вставляет палки в колеса» законам о незаконном обороте наркотиков*) и заставляет граждан придерживаться политики невмешательства (*a «hands-off» policy*) в вопросы государственной легализации марихуаны [12].

Комплексный анализ лексикографического материала, а также сопутствующей экстралингвистической информации позволил определить некоторые релевантные признаки концепта «drug offense» на материале английского языка.

Так, согласно данным лексикографических источников, в зависимости от сферы употребления «drug offense» может трактоваться либо как преступление, связанное с наркотиками (юридический термин), либо как преступление, совершенное под воздействием наркотиков (деловая лексика).

[13]. Американские правовые источники уточняют, что юридический статус наркотических веществ может варьироваться: *Drug offenses generally refer to criminal acts that are committed in connection with either legal or illegal substances.* – *Под наркопреступлениями обычно понимаются преступные действия, связанные с легальными или нелегальными веществами* [14]. Вместе с тем, и у легальных веществ должна присутствовать такая характеристика, как «потенциально опасное вещество»: *Most directly, it is a crime to use, possess, manufacture, or distribute drugs classified as having potential for abuse (such as cocaine, heroin, morphine and amphetamines).* – *В первую очередь, речь идет об использовании, хранении, изготовлении или распространении наркотиков, которые классифицируются как потенциально опасные (например, кокаин, героин, морфин и амфетамины)* [15].

В дефинициях, предложенных Министерством юстиции США в информационном проспекте, содержащем статистические данные о количестве наркопреступлений, совершенных в Соединенных Штатах [16], связь между наркотиками и преступлениями прослеживается в существовании преступлений, совершенных в результате нарушения законов, запрещающих или регулирующих хранение, использование, распространение, выращивание и изготовление запрещенных наркотиков (*drug-defined offences*). Примерами такого рода преступлений являются хранение или употребление наркотиков (*drug possession or use*); выращивание марихуаны (*marijuana cultivation*); производство метамфетамина (*methamphetamine production*); продажа кокаина, героина или марихуаны (*cocaine, heroin, or marijuana sales*).

Вторую группу наркопреступлений составляют преступления или правонарушения, совершение которых обусловлено фармакологическим эффектом наркотического средства на наркопотребителя, например, агрессивное поведение (*violent behavior resulting from drug effects*); правонарушения, мотивированные потребностью пользователя в деньгах, необходимых для покупки но-

вой дозы наркотиков, например, воровство (*stealing to get money to buy drugs*); а также правонарушения, связанные с процессом нелегального распространения наркотиков (*drug-related offences*), например, насильственные действия в отношении конкурирующих наркодилеров (*violence against rival drug dealers*) и т. п.

Вероятность совершения определенных категорий преступлений находится в прямой зависимости от ведения образа жизни, связанного с употреблением наркотиков (*drug-using lifestyle*), т. е. такого образа жизни, при котором частота участия в незаконной деятельности увеличивается, поскольку потребители наркотиков не могут участвовать в законной экономике и могут оказаться в ситуациях, «провоцирующих» или «поощряющих» противоправное поведение.

Когнитивное поле концепта расширяет определение, согласно которому к наркопреступлениям, наряду с преступными деяниями, совершенными в результате воздействия наркотика на мыслительные процессы и поведение человека (*use-related crimes*), могут быть отнесены т. н. экономические преступления (*economic-related crimes*), при которых физическое лицо совершает преступления для того, чтобы оплачивать свое пристрастие к наркотикам, а также деяния, связанные с организацией работы системы наркооборота (*system-related crimes*). Значительную долю преступлений в данной классификации занимают выращивание, производство, транспортировка, продажа, распространение наркотиков, а также любые насильственные действия, связанные с производством или продажей наркотиков, например, война за рынок сбыта (*turf war*) [17].

Таким образом, рассматривая концепт «drug offence» с позиций когнитивной лингвистики, на основании анализа предложенных выше дефиниций и с учетом максимальной функциональной нагрузки можно выделить ядерное значение концепта «drug offence» – нарушение законов о наркотиках (*violation of drug laws*). Специфика определения основных когнитивных признаков концепта обусловлена влиянием компо-

нента «drug» как предмета преступления в составе концепта. Поэтому для выделения набора признаков, интерпретирующих основное информационное содержание данного концепта, мы привлекли классификацию, предложенную А. И. Роликом. Анализируя и обобщая существующие на данный момент точки зрения, автор формулирует определенный набор признаков предмета наркопреступлений. Таковыми являются медицинский признак, социальный признак, материальный, юридический (правовой), химический, а также количественные признаки наркопреступлений [18]. Данные критерии, на наш взгляд, могут являться релевантными и для выделения закрепленных признаков, используемых для описания ближней и дальней периферии концепта «drug crime».

Так, к области ближней периферии может быть отнесен юридический (правовой) признак, определяющий состав наркопреступлений (*drug offence*). Юридический признак отражает включение конкретного наркотического средства (*narcotic drugs*) в соответствующие нормативные правовые акты (*drug laws*) и ограничивает перечень средств, наркотических веществ (*drug substances*) и их аналогов (*analogues*), отнесенных законодателями к числу предмета наркопреступлений.

Медицинский признак отражает фармакологические свойства наркотиков, эффект его воздействия на организм человека (*drug effect*), под воздействием которого могут быть совершены деяния, которые также можно отнести к наркопреступлениям.

Социальный признак обусловлен существованием социальных явлений (*social problems*), являющихся причиной возникновения таких явлений, как незаконный оборот наркотиков (*drug trafficking*), а также такого социального явления, как наркотизм (*drug addiction*).

Материальный признак указывает на наличие различных форм наркотиков и психотропных веществ, что также является значимым для квалификации наркопреступления (*types of drugs and psychotropic substances*), их размер, вес, объем, цвет и запах и т. д.

К области дальней периферии могут быть отнесены единицы предметной области «борьба с преступлениями, связанными с наркотиками» (*fighting drug offences*). Большинство из них находятся в маргинальной зоне, так как являются релевантными для смежного концепта «crime» и не имеют ярко выраженных специфических признаков, присущих наркопреступлениям: *to enforce (a drug law, a law)*, *to arrest (a drug dealer, a drug smuggler, a murderer, a briber etc.)*, *to confiscate (illegal drugs, assets etc.)*, *to search*, *to seize* и т. п.

Материалом для определения корпуса языковых средств, используемых для описания номинативного поля концепта «drug offence», послужили примеры из словарей, печатных и электронных статей, представленных на официальных американских правовых интернет-сайтах, а также на официальных сайтах организаций, в задачи которых входят вопросы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков.

Как показал анализ примеров, центральную позицию в этом перечне занимают элементы, представляющие типы наркопреступлений. Ключевые лексемы, репрезентирующие концепт «drug offence» представлены существительными и словосочетаниями, конкретизирующими вид наркопреступления: *turnover*, *traffic*, *sale*, *supply*, *possession*, *manufacture*, *cultivation*, *distribution*, *delivery*, *transportation*, *production*, *export*, *import*, *shipment*, *consumption*, *storage*, *driving under the influence*, *driving while intoxicated*, *simple possession (for personal use)*, *possession with intent to distribute* и т. п.

Парадигма вербальных средств содержит набор таких базовых лексем, как: *drug*, *narcotic*, *narcotic drug*, *substance*, *psychotropic substance*, *scheduled substance*, *plant-based substance*, *precursor*, *chemicals*, *materials* и т. п., а также многочисленную группу конкретизированных типов и видов наркотиков: *stimulants*, *depressants*, *narcotics (opioids)*, *hallucinogens*, *caffeine*, *nicotine*, *amphetamines*, *cocaine* и т. п.

«Специализация» преступников, вовлеченных в наркопреступления, иллюстрируется следующими языковыми средствами: *drug dealer*, *drug trafficker*, *narcotrafficker*, *street-level drug dealer*, *dealer (trafficker) in hard drugs*, *kilogram-level drug dealer*, *drug pusher*, *dope-peddler*, *manufacturer*, *drug producer*, *drug mule*, *body carrier*, *courier*, *body packer*, *drug lord*, *drug baron*, *kingpin*, *non-medical user* и т. п.

Организации, участвующие в незаконном обороте наркотиков: *drug gang*, *drug mafia*, *narcomafia*, *drug cartel*, *syndicate*, *drugs-for-arms ring (подпольная организация, продающая наркотики и на врученные деньги покупающая оружие)* и т. п.

Места, связанные с производством, хранением или употреблением наркотиков: *clandestine laboratory*, *homemade laboratory*, *crack house*, *drug den*, *labs net*, *grow shop* (магазин товаров для выращивания конопли в домашних условиях), *head shop* (магазин принадлежностей для наркоманов), *stash house* и т. п.

Оборудование, используемое при производстве и потреблении наркотиков: *drug paraphernalia*, *bong*, *pipe*, *waterpipe*, *hooka(h)*, *rolling papers*, *syringe*, *grow lamps*, *hydroponic equipment* и т. п.

Акт совершения наркопреступления вербализируется многочисленной группой предикатов: *to produce*, *to manufacture*, *to cultivate*, *to prepare*, *to sell*, *to peddle*, *to push*, *to traffic in (drugs)*, *to conceal*, *to import*, *to export*, *to smuggle*, *to purchase*, *to distribute*, *to supply*, *to deliver*, *to label*, *to pack*, *to cook (meth)*, *to inject*, *to inhale*, *to organize (a drug den)*, *to maintain (a drug den)*, а также дериватами *manufacturing*, *(drug) trafficking*, *dealing*, *selling*, *transporting*, *importing*, *dispensing*, *storing* и т. п. Отдельно можно выделить группу глаголов, которые репрезентируют акт потребления (или способов потребления) наркотических средств или психотропных веществ. В зависимости от законодательства, действующего на территории определенного штата, использование наркотиков (а именно, марихуаны) в личных целях (*for personal use*) может быть криминализировано или декри-

минализовано, и, соответственно, такие лексемы, как: *to swallow, to ingest, to inject, to sniff, to inhale, to snort* и т. п. могут входить в когнитивное поле «drug offence» или быть выведенными из этой зоны.

Таким образом, проведенный анализ дает основания утверждать, что в современной американской лингвокультуре концепт «drug offence» актуализируется достаточно широким спектром лексических единиц. Функционирование данных единиц отража-

ет, с одной стороны, его универсальность, с другой стороны, подчеркивает национально-культурные особенности отношения к наркопреступлениям в США. Вместе с тем, отсутствие на настоящий момент устойчивой паремиологической зоны, которая позволила бы выделить когнитивные признаки наркопреступлений, объективируемые пословицами и поговорками, дает основания утверждать, что данный концепт нестабилен и находится в стадии формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масыч Т. Л. Концепт «Преступление» в профессиональной картине мира сотрудников правоохранительных органов (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Известия ВГПУ. № 2 (46). 2010. С.24–27.
2. Рогачева В. Д. К вопросу о предмете наркопреступлений // Novaum.ru. № 12. 2018. URL: <https://novaum.ru/public/p617> (дата обращения: 19.02.2021).
3. Федоров А. В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4–27.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 8 апреля 2021 г. с изм. от 8 апреля 2021 г. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.03.2021).
5. Байдавлетова Л. Р. Концептосфера «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» в русской языковой картине мира : дис. канд. филол. наук. Стерлитамак, 2013. 267 с.
6. Колесникова И. Е. Образные характеристики концепта преступление в русских пословицах и поговорках // Символ науки. № 4. 2018. С. 55–57.
7. Евтушок Ю. Г. Языковая репрезентация концепта Crime : на материале американского варианта английского языка : автореф. дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 14 с.
8. Марченко И. Ю. Специфика концепта «Crime» в англоязычной картине мира // Молодой исследователь Дона. № 4 (7). 2017. С. 137–140.
9. Микаелян М. Е. Концепт CRIME в современной англоязычной картине мира : структурно-репрезентационный и когнитивно-дискурсивный подходы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 24 с.
10. Игнаткина Н. А., Кузнецова Н. В. Средства лингвистической реализации концепта «марихуана» в современном английском языке // Филология. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 208–211.
11. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : ТетраСистемс, 2008. 272 с.
12. Drug Cultivation and Manufacturing // FindLaw. URL: <https://www.findlaw.com/criminal/criminal-charges/drug-manufacturing-and-cultivation.html> (дата обращения: 17.02.2021).
13. Универсальный англо-русский словарь. Академик.ру. 2011. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/956717/drug_offence (дата обращения: 20.01.2021).
14. What are drug offences // Wisegreek. URL: <https://www.wisegreek.net/what-are-drug-offenses.htm> (дата обращения: 25.02.2021).
15. Definitions for drug-related crime // Definitions. URL: <https://www.definitions.net/definition/drug-related+crime> (дата обращения: 17.02.2021).
16. Fact Sheet : Drug-Related Crime / U.S. Department of Justice Office of Justice, Programs Bureau of Justice Statistics, Product of the Drugs & Crime Data Center & Clearinghouse, September 1994. URL: bjs.gov/content/pub/pdf/drrc.pdf (дата обращения: 22.01.2021).

17. Drug-related Crimes // Academic Dictionaries and Encyclopedias. URL: <https://en-academic.com> (дата обращения: 17.02.2021).

18. Ролик А. И. Предмет наркопреступлений: подходы к его определению // Lex russica (Русский закон). 2016 (12). 148–166. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.121.12.148-166> (дата обращения: 24.03.2021).

© Арская А. М.

УДК 811.161.1'243'367.625.2

А. Д. АТНАГУЛОВА, преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

A. D. ATNAGULOVA, Teacher of the Department of Foreign and Russian Languages Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa)

ИЗУЧЕНИЕ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

LEARNING REFLEXIVE VERBS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Аннотация. В статье говорится об особенностях изучения возвратных глаголов на занятиях по русскому языку как иностранному. Даны семантические группы возвратных глаголов. В статье представлены упражнения, решение которых позволит, по мнению автора, предотвратить ошибки при использовании возвратных глаголов в речи иностранных слушателей.

Ключевые слова и словосочетания: глаголы на -ся, переходные глаголы, непереходные глаголы, упражнение, русский язык как иностранный.

Annotation. The article talks about the features of studying reflexive verbs in Russian as a foreign language classes. Semantic groups of reflexive verbs are given. The article presents exercises, the solution of which will, according to the author, prevent mistakes when using reflexive verbs in the speech of foreign listeners.

Keywords and phrases: reflexive verbs, verbs on-xia, transitive verbs, intransitive verbs, exercise, Russian as a foreign language.

В лексике русского языка особый пласт занимают возвратные глаголы. Добавление постфикса -ся к глаголу меняет его синтаксические и семантические качества. Количество возвратных глаголов многочисленно, превышает треть всех глаголов. Поскольку данная группа глаголов имеет широкий спектр лексических значений, они распространены в разных стилях речи и во всех сферах общения [1].

Сложность изучения возвратных глаголов обучающимися на занятиях по русскому языку как иностранному (далее – РКИ) связана с многообразием семантики, особенностью управления данных глаголов [2, с. 183].

Возвратные глаголы – это лексико-грамматический разряд непереходных глаголов с несловоизменяемым постфиксом -ся (готовиться, встречаться, смеяться, уда-

риться и др.) [3, с. 308]. Большая часть таких глаголов образована с помощью постфикса *-ся* от соответствующих невозвратных глаголов (*учить – учиться, мыть – мыться, брить – бриться* и др.). Часто в словообразовании помимо постфиксов принимают участие и префиксы (*веселить – повеселиться, мыть – помыться* и др.).

Постфикс *-ся* всегда является формальным показателем непереходности глагола (*укладываться, волноваться, смеяться, веселиться* и др.). Возвратных переходных глаголов не существует.

В современном русском языке традиционно выделяется семь семантических групп возвратных глаголов, в которых словообразовательный постфикс *-ся* указывает на различные отношения действия к его субъекту или объекту.

1. Собственно-возвратные глаголы: совпадение субъекта и объекта действия (*причесываться – причесывать себя; одеваться, бриться* и др.).

2. Взаимно-возвратные глаголы: взаимные действия нескольких субъектов, которые одновременно являются объектами этих действий (*целоваться, обниматься, ссориться, встречаться* и др.).

3. Общевозвратные глаголы: безобъектное состояние субъекта (*веселиться, сердиться, радоваться, тревожиться* и др.).

4. Косвенно-возвратные глаголы: действия, совершаемые субъектом в своих интересах (*убираться – убирать свой дом, строиться – строить для себя жилище* и др.).

5. Возвратные глаголы качественно-характеризующего значения: потенциальный пассивный признак предмета (*стекло бьется, нитки рвутся* и др.).

6. Побочно-возвратные глаголы: действия с частичным совпадением субъекта и объекта (*тереться, ушибиться (о стол), браться* и др.).

7. Потенциально-активные возвратные глаголы: потенциальный активный признак субъекта (*собака кусается – может укусить; бодаться, царапаться* и др.) [3, с. 308–309].

От возвратных глаголов необходимо отличать формы страдательного залога (*дом*

строится), безличные формы невозвратных глаголов (*хочется, работается* и др.).

Однако, когда мы классифицируем возвратные глаголы в контексте преподавания РКИ, представляется правильным отталкиваться не только от их значения, но и от структуры. В связи с этим некоторые методисты, в том числе Е. А. Нивина, группируют все глаголы с постфиксом *-ся* в один разряд, включая сюда и глаголы страдательного залога [4, с. 3].

Согласно классификации В. Н. Вагнер, основанной на лексико-грамматическим признакам возвратных глаголов, существует пять групп глаголов с постфиксом *-ся*:

- 1) собственно-возвратные;
- 2) взаимно-возвратные;
- 3) общевозвратные;
- 4) безличные возвратные глаголы;
- 5) глаголы на *-ся* с пассивным значением

[5, с. 306].

Е. А. Нивина предлагает добавить к данной классификации разряд глаголов, не употребляющихся без постфикса *-ся* [4, с. 3].

О. В. Чагина считает, что выделение на занятиях по РКИ 3-х групп возвратных глаголов (собственно-возвратных, взаимно-возвратных, общевозвратных) является неполным. В связи с этим исследователь предлагает для рассмотрения 9 групп возвратных глаголов:

1) собственно-возвратные глаголы: туалета (*мыться*); движения частью тела (*жмуриться*); нанесения себе вреда (*простудиться*) и др.;

2) взаимно-возвратные глаголы: *встречаться*;

3) возвратные глаголы эмоций: увлечения (*восторгаться*); удивления (*удивляться*); преклонения и самоуничтожения (*преклоняться*); завышенной самооценки (*хвастаться*); насмешки и издевательства (*смеяться*); недовольства (*плакаться*); боязни (*пугаться*); беспокойства (*беспокоиться*); заботы, волнений и печали (*заботиться, волноваться и печалиться*); сомнений и разочарований (*сомневаться и разочаровываться*);

4) глаголы качественных и количественных изменений: *уменьшаться, увеличиваться*;

5) возвратно-каузативные глаголы: *лечиться, фотографироваться (у кого)*;

6) косвенно-возвратные глаголы (бенефактивные): *добираться*;

7) пассивно-качественные глаголы или объектно-качественные: *костюм не мнется, вещь моется*;

8) активно-безобъектные глаголы: *собака кусается*;

9) побочно-возвратные: *держаться за поручень* [6, с. 639–666].

Иностранные обучающиеся рассматривают возвратные глаголы на базовом (А2) и 1 сертификационном (В2) уровнях владения РКИ.

В начале изучения данной темы необходимо объяснить слушателям, в чем состоит специфика использования возвратных глаголов:

– при добавлении к переходным глаголам постфикса *-ся* утрачивается прямое дополнение (*встретить подругу – встретиться с подругой; одеть ребенка – ребенок оделся; убирать комнату – убираться в комнате* и др.);

– возвратные глаголы, соотносительные с непереходными, а также переходными, употребленными в значении непереходных, приобретают безличное значение (*хочется, работается* и др.);

– в предложениях, в которых имеется или подразумевается дополнение в творительном падеже, обозначающее производителя действия, используются возвратные глаголы страдательного залога (ср.: *Профессор читает лекции. – Лекции читаются профессором*) [7].

На занятиях по РКИ иностранные обучающиеся начинают знакомство с возвратными глаголами при рассмотрении основных значений русских падежей. Так, при проработке основных значений предложного падежа лексический запас слушателей пополняется глаголами *находиться, учиться* и др. Во время рассмотрения основных значений творительного падежа и

дательного падежа происходит знакомство со следующими глаголами: *радоваться, любоваться, нравиться, встречаться, интересоваться, увлекаться, знакомиться, заниматься* и др. Помимо этого при изучении лексических тем, которые рассматриваются наряду с грамматическими темами, лексика иностранных обучающихся также обогащается новыми возвратными глаголами. Так, изучая тему «Как проходит мой день», обучающиеся рассматривают следующие возвратные глаголы: *просыпаться, причёсываться, мыться, умываться, расчёсываться, бриться, одеваться, обуваться, здороваться, прощаться, раздеваться, раздеваться, ложиться* и др. То есть словарный запас иностранных слушателей, начиная с первых занятий обучения русскому языку, пополняется разнообразными возвратными глаголами.

При изучении возвратных глаголов внимание иностранных обучающихся нужно направить не только на особенности спряжения данной группы глаголов, правила использования постфикса *-ся* (постфикс *-ся* пишется после согласных, а вариант возвратного постфикса *-сь* встречается после гласных букв), но и на своеобразие их структуры. Необходимо указать на то, что есть возвратные глаголы с соотносительными парами, а есть глаголы, такие пары не имеющие. Большая часть возвратных глаголов образована с помощью постфикса *-ся* от соответствующих невозвратных глаголов: *встречать – встречаться, брать – браться, строить – строиться, учить – учиться, мирить – мириться, ломать – ломаться, брить – бриться, купать – купаться, веселить – веселиться, радовать – радоваться* и др. Однако есть глаголы, которые не употребляются в речи без постфикса *-ся*, не имеют соотносительной пары с переходным невозвратным глаголом. К таким глаголам можно отнести, например, глаголы: *улыбаться, здороваться, смеяться, бояться, трудиться, гордиться, нравиться, ложиться, надеяться, бороться* и др. Возвратные глаголы, имеющие различную структуру, диктуют и отличающиеся друг от друга методиче-

ские подходы при работе с ними. Так, возвратные глаголы, не употребляющиеся без постфикса *-ся*, слушателям рекомендуется выучить наизусть. Что касается работы с возвратными глаголами, имеющими пары с невозвратными глаголами, то она должна быть систематичной и продуманной, поскольку основывается на изучении грамматической категории переходности. Этот грамматический признак глаголов изучается слушателями параллельно со знакомством с винительным падежом. На занятиях РКИ следует обратить особое внимание на то, что переходный глагол подчиняет себе substantive беспредложную форму винительного падежа, использование данных глаголов диктует необходимость употребления прямого дополнения (*писать книги, рисовать картины, строить дом, выпускать газеты* и др.). При изучении возвратных глаголов, имеющих пары с переходными глаголами, важно наглядно показать иностранным обучающимся их взаимосвязь, а также изменение структуры и смысла предложения в зависимости от использования того или иного глагола. С этой целью обучающимся можно предложить упражнение, основанное на сравнении предложений, содержащих пары соотносительных переходных и возвратных глаголов [7].

Мать раздевает дочь. – Дочь раздевается сама.

Отец одевает сына. – Сын уже одевается.

Сегодня я встретил друга. – Сегодня я встретился с другом.

Рабочие строят аквапарк. – Аквапарк строится рабочими.

После занятий в институте я увижу друзей. – После занятий в институте я увижусь с друзьями.

Эта собака часто кусает прохожих. – Эта собака часто кусается.

Мама взяла малыша за руку. – Малыш взялся за мамину руку.

Основными ошибками иностранных обучающихся при изучении возвратных глаголов являются: недостаточное внимание к присутствию в предложении прямого до-

полнения (*рабочие строятся дом*); использование местоимения *себя* (вместо постфикса *-ся*) (*он моет себя, она умыла себя, они одели себя*); употребление глагола действительного залога, несмотря на наличие субъекта в творительном падеже без предлога (*дом строит рабочими*); образование формы пассива от глаголов совершенного вида при помощи словоизменительного постфикса *-ся*, так же как от глаголов несовершенного вида (*книга прочиталась*) [8, с. 155]; неумение отличить друг от друга активные и пассивные конструкции (*кафе начинается работать; книга прочиталась студентом; дом строит*); нарушение глагольного управления (*мы лечимся врачи; она одевается в платье*); нарушение лексической сочетаемости (*ребенок расчесывался волосы; Анна женилась*).

Для того чтобы у иностранных обучающихся сформировался навык правильного использования возвратных глаголов в речи, необходим выбор верной «познавательной языковой стратегии» [9, с. 194], а именно систематическое и целенаправленное овладение знаниями, умениями и навыками по данному вопросу. Для решения данной задачи нами предлагается ряд заданий.

Упражнение 1. Прочитайте предложение. Сравните употребление глаголов с постфиксом -ся и без постфикса -ся.

1. Мама моет Анну в ванне. Анна моется в ванне. 2. Воспитательница умывает Сашу. Саша уже умылся. 3. Отец одевает Петю по утрам. Петя давно оделся. 4. Мама причёсывает дочку. Дочка причесалась сама. 5. Папа бреет бороду. Папа бреется каждый день. 6. Бабушка раздевает внука. Внук разделся сам. 7. Мама купает Машу. Маша купается с удовольствием. 8. Сегодня я встретил Ивана. Сегодня я встретился с Иваном. 9. Вчера я познакомил брата с моим другом. Вчера брат познакомился с моим другом.

Упражнение 2. Образуйте возвратные глаголы с помощью постфикса -ся.

Образец: умывать – умываться.

Радовать – ..., одевать – ..., помирить – ..., раздевать – ..., продолжать – ..., начинать –

..., знакомить – ..., улучшать – ..., успокоить – ..., встретить – ..., умывать – ..., ссорить – ..., советовать – ..., причёсывать – ...

Упражнение 3. Измените предложения. Образуйте возвратные глаголы по образцу.

Образец: У Ивана расстrepалась причёска, мы просим его причесать волосы. – У Ивана расстrepалась причёска, мы просим его причесаться.

1. Я всегда умываю лицо прохладной водой. 2. Мой отец бреет лицо по утрам. 3. Мама давно не видела меня. 4. Моя подруга познакомила меня со своей мамой. 5. Недавно я встретил Павла в библиотеке. 6. Маленькая Вера радостно обнимает и целует любимую маму. 7. Вчера отключили горячую воду, и я мыл руки и лицо холодной водой. 8. Мама быстро одевает Сашу, чтобы не опоздать в детский сад. 9. Вера причёсывает волосы деревянной расчёской.

Упражнение 4. Заполните пропуски в предложениях, используя глаголы в подходящей форме.

Образец: Сегодня мой трехлетний брат ... (одеть – одеться) сам, без посторонней помощи. – Сегодня мой трехлетний брат оделся сам, без посторонней помощи.

1. Мы всегда ... (мыть – мыться) руки перед обедом. 2. Мой шестилетний брат уже ... (мыть – мыться) сам. 3. Мама ... (мыть – мыться) посуду после обеда. 4. Маша очень любит (мыть – мыться) ... в ванне. 5. Утром мама ... (умывать – умываться) сама и ... (умывать – умываться) своего сына. 6. Игорь ... (умывать – умываться) очень быстро, потому что опаздывал на работу. 7. Петр по утрам ... (одевать – одеваться) очень быстро. 8. Бабушка ... (одевать – одеваться) внука по погоде. 9. Маша любит ... (одевать – одеваться) своего пупса. 10. Сегодня мы едем в зверинец. Пришло время ... (одевать – одеваться). 11. Я обожаю ... (купать – купаться) в озере. 12. В жаркие дни Вова ходит ... (купать – купаться) на водоём три раза в день. 13. Перед сном мама ... (купать – купаться) дочь.

Упражнение 5. Вставьте глаголы, подходящие по смыслу, в правильной форме.

Глаголы для справок: попроситься, бояться, гордиться, относиться, надеяться,

смеяться, сомневаться, договориться, поздравиться, остановиться.

1. Наша команда мало тренировалась, и мы ..., что она победит в турнире. 2. Я хорошо занимался в этом месяце, и ..., что стипендию повысят. 3. Как ты ... к дополнительным занятиям? 4. Мы ..., и она ушла домой. 5. Виктор до сих пор ... собак. 6. Пётр очень ... своими успехами в учёбе. 7. Игорь Иванович вошёл в лекционный зал и ... со студентами. 8. Ты ... с ним о совместном проекте? 9. Я очень смешливая, если начинаю ..., то не могу ...

Упражнение 6. Измените предложения, заменяя глаголы возвратными.

Образец: Архитекторы создают проект нового здания. – Проект нового здания создается архитекторами.

1. Бабушка читает сказку. 2. Учитель проверяет тетради учеников. 3. Мои однокурсники изучают русский язык. 4. Хирурги часто делают сложные операции. 5. Мы каждый день выполняем домашние задания. 6. Этот прибор измеряет температуру. 7. Этот завод выпускает качественные автомобили. 8. Профессор на лекции объясняет новую тему. 9. Я решаю трудную задачу.

Упражнение 7. Ответьте письменно на вопросы, используя возвратные глаголы.

1. Как проходит ваше утро? 2. В каком часу начинаются занятия в институте? 3. Сколько часов обычно длится учебный день? 4. Во сколько заканчиваются занятия? 5. Как вы относитесь к своим однокурсникам? 6. С кем вы обычно встречаетесь после занятий в институте? 7. С кем вы договариваетесь о совместном выполнении домашних заданий? 8. Как вы обычно здороваетесь с людьми? 9. С кем вы обычно советуетесь? 10. Ссоритесь ли вы с друзьями или родственниками? 11. Как после ссоры вы обычно миритесь? 12. Чего вы боитесь больше всего? 13. Чем вы гордитесь? 14. На что или на кого в жизни вы надеетесь? 15. В чем вы сомневаетесь? 16. Всегда ли вы соглашаетесь с мнением родственников? 17. Чему вы радуетесь? 18. Что может заставить вас сердиться? 19. Как изменилась ваша жизнь после поступления в институт? 20. Какие

черты характера вам нравятся в людях? 21. Что заставляет вас улыбаться? 22. Часто ли вы тревожитесь?

Рассмотренные упражнения представляют собой лишь малую часть заданий, направленных на изучение иностранными обучающимися возвратных глаголов русского языка. Необходимы также упражнения коммуникативного характера, связанные с составлением предложений с

возвратными и соотносительными переходными глаголами.

Мы считаем, что комплексное выполнение на занятиях РКИ указанных в данной статье рекомендаций окажется полезным в устранении ошибок при употреблении возвратных глаголов иностранными обучающимися и переведет пассивное владение этой грамматической темой в область активного ее использования [10, с. 135].

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Л. Г., Елфимова А. В., Шевченко Н. Н. Обучение иностранных студентов глагольной системе русского языка : классификация возвратных глаголов // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannyh-studentov-glagolnoy-sisteme-russkogo-yazyka-klassifikatsiya-vozvratnyh-glagolov/viewer> (дата обращения: 18.07.2021).
2. Вязовская В. В. Возвратные глаголы в практике преподавания русского языка как иностранного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73) : в 3-х ч. Ч. 1. С. 183–185.
3. Современный русский язык : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др. / под ред. П. А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2007. 557 с.
4. Нивина Е. А. Изучаем возвратные глаголы : учебное пособие для студентов-иностранцев. Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2014. 92 с.
5. Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по спец. «Филология». М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 384 с.
6. Книга о грамматике : для преподавателей русского языка как иностранного / А. В. Величко (отв. ред.), Л. В. Красильникова, Е. А. Кузьминова и др. Санкт-Петербург : Златоуст, 2018. 750 с.
7. Дмитриева Д. Д. Особенности работы над возвратными глаголами на занятиях по русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-nad-vozvratnymi-glagolami-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu/viewer> (дата обращения: 17.07.2021).
8. Мохаммади Мохаммад Реза, Хадеми Могаддам Мохсен. Анализ типичных ошибок, допускаемых персоговорящими при употреблении русских возвратных глаголов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85) : в 3-х ч. Ч. 1. С. 150–156.
9. Коршунова И. Г., Смирнова М. И. Стратегии познавательной лингвистической деятельности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64) : в 3-х ч. Ч. 1. С. 193–195.
10. Капитонова Т. И., Московкин Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб. : Златоуст, 2006. 272 с.

© Атнагулова А. Д.

УДК: 378.635.016:811.161.1'221.24

Е. В. ГНЕЗДИЛОВА, доцент кафедры иностранных языков Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Барнаул)

E. V. GNEZDILOVA, associate-professor of the department of Foreign language of the Barnaul Law Institute, Candidate of Pedagogy, docent (Barnaul)

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ НАВЫКАМ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

FEATURES OF LEARNING SKILLS RUSSIAN SIGN LANGUAGE TO POLICE OFFICERS

Аннотация. Проблема общения с глухими людьми существовала всегда, хотя они такие же члены общества, как и другие граждане России. Они также нуждаются в помощи, за которой, как правило, идут в полицию. В соответствии с правительственной программой создания благоприятной среды для людей с ограниченными возможностями, а также приказами МВД России предусмотрено обучение сотрудников органов внутренних дел русскому жестовому языку (далее – РЖЯ). При организации этого обучения преподаватели образовательных организаций МВД России столкнулись с проблемой недостаточной разработанности дидактической базы, которая необходима полицейским для овладения базовым уровнем знаний, необходимым для установления контакта с глухими и слабослышающими людьми. Процесс обучения РЖЯ предполагает освоение дактильного алфавита (определенный знак обозначает букву русского словесного алфавита и передается с помощью пальцев рук), а также жестов (предметов, понятий, воспроизводимых с помощью мимики, артикуляции и рук) в рамках бытовых и профессиональных ситуаций. На основании этого преподавателями была разработана система организации занятий со своими этапами, наполняемостью и контролем. Это позволило за короткие сроки обеспечить сформированность базового уровня изучения РЖЯ на содержательном и смысловом уровнях.

Ключевые слова и словосочетания: русский жестовый язык, дактильная речь, жестовая речь, лексические особенности жестов, полиция, интерактивность обучения.

Annotation. The problem of communicating with deaf people has always existed, although they are the same members of society as other citizens of Russia. They also need help, which they usually go to the police for. In accordance with the government program for creating a favorable environment for people with disabilities, as well as orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia, training of employees of the internal affairs bodies in Russian sign language (RSL) is provided. When organizing this training, teachers of the Ministry of Internal Affairs universities faced the problem of insufficient development of the didactic base, which is necessary for police officers to master the basic level of knowledge necessary to establish contact with deaf and hard-of-hearing people. The process of learning the Russian language involves the development of the dactyl alphabet (a certain sign denotes the letter of the Russian verbal alphabet and is transmitted using the fingers), as well as gestures (objects, concepts, reproduced with the help of facial expressions, articulation and hands) in everyday and professional situations. Based on this, the teachers developed a system for organizing classes with their own stages, occupancy and control. This allowed for a short period of time to ensure the formation of the basic level of the study of RSL at the content and semantic levels.

Keywords and phrases: Russian sign language, dactylic speech, sign language, lexical features of gestures, police, interactivity of training.

Правительственная федеральная программа создания благоприятной среды для людей с ограниченными возможностями

от 29 марта 2019 г. № 363 «Доступная среда» является важной тенденцией развития современной России. Целью данного

документа является «создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни» [1].

Официальная статистика говорит о том, что в России проживает около тринадцати тысяч глухих и слабослышащих людей. В российских семьях один ребенок из тысячи имеет нарушение слуха. Вопрос коммуникации таких людей находится в рамках обучения их русскому жестовому языку как основы их социализации.

Русский жестовый язык (далее – РЖЯ) – это национальная языковая система, характеризующаяся наличием собственной грамматики и лексики для глухих и слабослышащих граждан Российской Федерации и СНГ. Этот язык является единственно важным средством общения и включения инвалидов в активную жизнедеятельность.

РЖЯ является важным средством общения с точки зрения взаимодействия людей с ограниченными возможностями с людьми здоровыми, без особенностей развития. Знание этого языка оказывает существенную помощь в развитии многогранной профессиональной деятельности и отдыха глухих и слабослышащих людей.

В 2012 году были внесены поправки в статью 14 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [2]. Эти поправки касаются статуса РЖЯ, который определяется как язык общения при наличии у человека нарушений слуха и/или речи. Данный язык применяется как устная форма коммуникации государственного языка РФ. Это значит, что необходима разработка целой системы сурдоперевода и использования субтитров в средствах массовой информации и всей социальной жизни инвалидов.

Если в предыдущей версии закона говорилось о том, что РЖЯ является средством межличностного общения (т.е. средством общения между инвалидами по слуху), то новая версия закона предлагает разные программы государственной поддержки.

Приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка» [3], а также приказ МВД России, Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации» [4] постановляют, что образовательные организации МВД России начинают обучать русскому жестовому языку сначала по программе повышения квалификации, а затем слушателей Факультета профессиональной подготовки и обучающихся на «Факультете подготовки сотрудников полиции и следователей».

Однако возникла проблема профессиональных кадров, которые смогли бы преподавать русский жестовый язык сотрудникам органов внутренних дел. Тех краткосрочных курсов, организованных для обучения преподавателей русскому жестовому языку, было недостаточно. На них преподаватели сформировали элементарные навыки дактилирования и владение некоторым набором жестов, но этого оказалось недостаточно для выработки общих представлений о методической и психологической составляющей всей системы преподавания РЖЯ.

Обратимся к разработчикам методики преподавания РЖЯ. Такие исследователи, как С. И. Буркова [5], О. О. Королькова [6], И. М. Востров, В. П. Камнева, В. Э. Ромашкина [7], Т. А. Соловьева, Н. С. Отдельнова и Е. З. Яхнина [8] и др., внесли огромный вклад в разработку методов и приемов преподавания русского жестового языка, а также его популяризацию. Несмотря на данные исследования, для преподавателей – практиков недостает специально разработанных рекомендаций и пособий для преподавания этой дисциплины.

Большую помощь при подготовке к занятиям оказывает учебное пособие ав-

торов В. П. Камневой, А. А. Константиновой, О. Ю. Полонской «Русский жестовый язык» [9]. Данное пособие имеет разделы, в которые включены: дактильная азбука и упражнения на ее отработку и «постановку руки», ряд профессиональных терминов для сотрудников полиции с описанием, а также такие ситуации общения, как «Установление коммуникативного контакта», «Ориентирование в городе», «Нарушение правил поведения в общественном месте», «Нарушение правила дорожного движения», «Пропажка вещей» [9, с. 13–15]. Данная разработка также снабжена диалогами, направленными на отработку навыков общения полицейского с глухими людьми. Однако данного пособия также недостаточно для формирования всех навыков, заявленных в образовательной программе.

В связи с этим возникает ряд сложностей как среди обучающихся и слушателей, так и среди преподавателей. Для обучающихся такими недостатками являются ограниченное количество часов, отводимых на дисциплину, отсутствие элементарных навыков общения с инвалидами по слуху и загруженность специальными предметами. Несмотря на это хочется отметить заинтересованность со стороны курсантов и слушателей в овладении дактильной и жестовой речью. На наш взгляд, это связано с интересом к невербальной коммуникации вообще. Этот вид общения считается самым древним и, по мнению ряда исследователей, он возник раньше, чем вербальная коммуникация, т. е. словесная. Язык жестов, поза, мимика действительно могут много сказать о состоянии коммуникантов. Общение с помощью языка жестов – новый, очень эмоциональный способ общения, который обучающиеся до этого никогда не применяли. Таким образом, они с легкостью запоминают и дактиль и жесты, даже переносят их в свое повседневное общение.

Со стороны преподавателей основной сложностью является организационная составляющая работы, т. к. в достаточной степени разработанных материалов именно для полицейских нет. Приходится использовать

различные Интернет сайты, самостоятельно отбирать из них лексику и предъявлять ее в группе.

Поскольку целью курса «Основы русского жестового языка» является практическое владение основами языка жестов, то в нашей статье мы сделаем упор именно на этой составляющей. Любое занятие РЖЯ почти всегда имеет похожую структуру: в начале урока обучающимся предлагается сделать специальную гимнастику рук, т. е. размять и разогреть суставы и связки кистей рук для работы с дактильной азбукой и жестами. Затем с целью отработки навыков дактилирования и считывания с «дактилирующей» руки обучающимися выполняются разноплановые упражнения. Следующим этапом идет предъявление жестов в соответствии с темой занятия, их закрепление. Это может быть работа в парах над составлением диалогов и монологов. На этом этапе обучающиеся представляют группе свою работу, а те, в свою очередь, должны понять их информацию. Занимательным моментом является предъявление пословиц, поговорок, смешных коротких рассказов. Таким образом, происходит оценка сформированности уровня умений и навыков диалогической, монологической речи и перевода.

Необходимо отметить, что каждый последующий этап занятия плавно вытекает из предыдущего. Например, развитие навыков дактильной речи предшествует этапу знакомства с жестами. Мы находим это целесообразным не только из-за того, что дактиль – это вспомогательная речь по отношению к жестовой речи, но также и потому, что в основе некоторых жестов лежат дактилемы. Поэтому, не усвоив дактилемы, обучающийся не сможет в должной мере овладеть жестовой лексикой, что говорит о невозможности осуществить прямой и обратный перевод.

Если в процессе обучения и закрепления дактильного письма особых трудностей не возникает ни со стороны обучающихся, ни со стороны преподавателей, то на этапе предъявления лексического материала открытые вопросы остаются до сих пор. Так,

при отборе лексических единиц нужно было определиться с их количеством на каждую тему [10]. Кроме того, необходимо было подобрать наиболее эффективные методы и приемы предъявления материала, что помогло бы более успешно развивать лексические навыки. По количеству лексических единиц было определено, что наиболее оптимальным на подтему или тему является 80–100 жестов. Важно, чтобы отобранные жесты отражали профессиональную направленность обучения и предполагали реальную возможность общения полицейского с глухим или слабослышающим человеком до приезда сурдопереводчика или при отсутствии такового.

На наш взгляд, тема «Знакомство» должна включать в себя жесты для установления контакта. Это общебытовая лексика, использование которой дает полицейскому представление о собеседнике: его имени, возрасте, месте проживания, семейном положении и т. д. Следующая же тема «Профессиональная лексика» включает в себя большой объем жестов и предполагает их использование в различных коммуникативных ситуациях: общественный транспорт, город, место происшествия, рассказ о случившемся и т. д. Важно, что при отборе лексического материала особую роль играет не только профессиональная ориентированность занятий и его количество, но и качество жестов, т. е. характер их воспроизведения.

Очевидно, что жесты, приобретенные преподавателями на специальных курсах, не совсем отражают их локальную специфику. Поэтому преподаватели нашей кафедры встречались с представителями Алтайского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» (далее – ВОГ). Заранее преподавателями были отобраны наиболее значимые жесты, а сотрудниками регионального ВОГ эти жесты были продемонстрированы. Преподаватели записали их на видео для дальнейшего использования при подготовке к занятиям, а также для введения на уроке с целью предъявления и закрепления лексики. На наш взгляд, важ-

но, чтобы обучающиеся овладевали именно территориально обусловленными жестами, т. к. их работа ограничена территорией Алтайского края, иногда близлежащими областями, а это значит, что полицейский и глухой человек будут «разговаривать на одном языке» и лучше поймут друга, нежели применялись бы классические жесты.

На этапе предъявления жестового материала преподаватель знакомит слушателей с особенностями лексического состава РЖЯ, что существенно помогает зафиксировать этот жест в памяти и без труда воспроизвести. Конечно, слишком большое количество жестов, введенных на одном занятии, трудно удержать в памяти и закрепить, поэтому необходимо предъявлять жесты только из отобранного лексического минимума.

Хотелось бы остановиться на некоторых лексических особенностях русского жестового языка:

1. Образность жеста. Г. Л. Зайцева структурирует жесты на: «*рисующие*», которые как бы прорисовываются в воздухе, повторяя контур предмета, о котором идет речь (шляпа, луна); «*пластические*», передающие пластическое изображение предмета (стакан, кровать); «*имитирующие*», которые очень точно передают суть называемого предмета, лица (глаза, пить, ругать, плакать) и т. д. [11, с. 44]. Некоторые жесты совмещают в себе признаки рисующих, имитирующих и пластических жестов (жест «скамейка» помимо пластического изображения скамейки имитирует, каким образом человек садится на нее). Практически все предметы одежды, домашнего обихода также относятся к образным жестам – рисующим, пластическим, имитирующим.

2. Отсутствие жеста для определенных понятий:

а) терминов (здесь на помощь приходит тактиль), либо придумывание собственного жеста, который будет известен и принят людьми определенной группы;

б) пространственных отношений, некоторых оттенков цвета и т. д.;

в) названий профессий (вместо одного жеста применяется жест, описывающий

сферу деятельности и жест «человек» (полицейский – полиция и человек и т. д.).

3. Жесты с ясной или неясной мотивацией происхождения: большинство жестов, связанных с мыслительной деятельностью выполняются у головы (знать, понимать, думать, забывать), а жесты, связанные с эмоциями, чувствами – у груди (радость, злость, страх).

4. Производные (состоящие из нескольких жестов) и производные (простые, состоящие из одного жеста) [6, с. 50];

5. Членимые (сложные, образующие словоформы жестов) и нечленимые жесты (простые).

6. Жесты-синонимы, -антонимы, -паронимы [7, с. 52].

7. Многозначность жестов. Необходимо отметить, что лексический состав русского жестового языка значительно беднее лексики русского языка. Этим и объясняется многозначность жестов (молодой – зеленый, коричневый – кофе). Это говорит об экономии языковых средств в РЖЯ. К тому же глухому или слабослышающему человеку важнее понять суть разговора, а не вдаваться в ненужные подробности. Чувства и эмоции они покажут с помощью мимики и телодвижений.

8. Заимствование из русского словесного языка (схожесть жестов «пока», «привет», «до свидания» и т. д.).

Преподаватель, предъявляя лексические особенности русского жестового языка и используя примеры, объясняет обучающимся мотивацию исполнения жеста [12]. В связи с этим у них создаются свои собственные ассоциации, жесты запоминаются быстрее и лучше удерживаются в памяти.

Существуют следующие этапы работы над жестами в процессе работы. На первом этапе происходит введение нового жеста, и объясняются его структурные особенности. Причем значение жеста не озвучивается, а дактилируется. Обучающиеся, в свою очередь, должны считать с руки и понять значение жеста. Таким образом, осуществляется контроль усвоения материала и его коррекция.

Второй этап работы над жестами – развитие лексических навыков. Здесь преподаватели предлагают различного рода упражнения, направленные «на анализ структуры жестов, определение семантических связей между жестами: поиск синонимов и антонимов, установление признаков сходства и различия жестов, классификацию жестов по какому-либо признаку (например, по признаку одной и той же конфигурации либо одной и той же локализации)» [12].

На промежуточном этапе нами используется следующий прием: преподаватель дактилирует слово, а обучающиеся показывают соответствующий этому слову жест. Благодаря этому решаются одновременно две задачи: преподаватель видит, насколько хорошо усвоен жест и как хорошо (плохо) считывается текст с дактилирующей руки.

Необходимо отметить значимость видеоматериалов на любом из этапов занятия, т. к. жестовый язык – это визуально-кинестическая система [8]. Видеофрагменты подбираются нами в соответствии с темой урока. Чаще всего это носитель или переводчик РЖЯ, который дактилирует небольшие предложения и известные пословицы. Задача обучающихся – считать их с руки. Очень интересным приемом считается показ песен на РЖЯ, очень яркие и эмоциональные выступления чтецов стихотворений, коротких рассказов, сказов и т. д. Эти приемы помогают расслабиться курсантам, снять напряжение с руки и вообще отдохнуть. В процессе просмотра они выделяют знакомые жесты, а также фиксируют новые, которые только что увидели. К тому же они видят некоторые различия между классическими жестами РЖЯ и регионально обусловленными, отмечают особенности принципа перевода на жестовой язык. Функция преподавателя при этом – проконтролировать деятельность обучающихся и скорректировать ее при необходимости.

На следующем этапе развития лексических навыков обучающимся предлагается осуществить обратный перевод предложений, начиная от словосочетаний и заканчивая несложными предложениями, используя

принцип нарастания трудностей материала. В качестве средств обучения на данном этапе используется раздаточный материал: карточки, рисунки, фото, а также видеофрагменты. Тренируя навык перевода с одного языка на другой, мы стараемся охватить всю лексику, которая входит в обязательный минимум. К тому же на всех этапах занятия рекомендуется применять метод цикличности подачи материалов, т. е. один и тот же жест должен фигурировать в разных сочетаниях в целях многократного повторения языковых единиц и доведения их употребления до автоматизма [13, с. 191].

Заключительный этап организуется таким образом, чтобы обучающиеся закрепляли навыки прямого и обратного перевода. Таким способом закрепляются навыки профессионально-ориентированной лексики в ситуациях, приближенных к реальным условиям [14, с. 84]. Что касается форм работы, то здесь может быть применена как групповая, парная, так и индивидуальная работа.

Необходимо сказать и об интерактивности обучения. Ни одно знание не будет приносить пользы, если оно не несет в себе подлинную ценность и значимость для ученика. Чтобы попытаться достичь значимости изучения РЖЯ, преподаватель должен использовать весь арсенал методов и средств, чтобы заинтересовать своим предметом и развивать внутреннюю сторону мотивации курсантов. Интерактивное обучение является наиболее подходящим при овладении РЖЯ. Используя принципы активности обучения, обучающиеся активно взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией и эмоциями [14, с. 82], они погружаются в процесс овладения языком, постепенно снижая психологические и языковые трудности. Если, например, один курсант переводит текст с русского словесного языка на РЖЯ, то другие выполняют параллельно синхронный перевод. Это говорит о том, что обучающиеся распознают жесты в потоке речи и адекватно переводят информацию на другой язык [15]. Таким образом, задействованы все участники образовательного процесса, и процесс этот активный. Нужно стремиться к

тому, чтобы все были включены в работу и не допускать пассивности и отсутствия интереса [16].

Несмотря на то, что используемые нами видеоматериалы не очень сложные и являются в основном учебными, курсантам и слушателям даются нелегко задания на обратный перевод этих видеотекстов. В качестве основных трудностей мы зафиксировали следующие: неполное понимание предложения, а лишь его частей; недостаточная сформированность навыков логического мышления и интуиции, чтобы попытаться понять информацию по контексту; неполное понимание дактильной речи, т. к. носители языка дактилируют очень быстро и т. д. При этом поддержку им оказывает эмоциональность диктора и артикуляция проговариваемых жестов.

Важно и то, что вид упражнений, формы работы и содержание материалов должны использоваться на основе учета индивидуальных достижений обучающихся, либо же целой группы. Важно уделять внимание тем курсантам, которым трудно, у которых менее развита моторная память, т. е. применять дифференцированный подход, предлагая на аудиторных занятиях более легкие задания, а на внеаудиторную самостоятельную работу – задания средней и повышенной трудности.

Подводя итог вышеизложенному, хочется отметить, что обучение русскому жестовому языку в Барнаульском юридическом институте МВД России имеет как свои положительные стороны, так и некоторые проблемные вопросы. Преподаватели с каждым годом устраняют эти проблемы, разрабатывая методические пособия и рекомендации, более детально углубляясь в тонкости этого мира – мира глухих людей, главным средством коммуникации и социализации которых является жестовый язык. Овладение полицейскими в определенном объеме РЖЯ поможет глухим и слабослышащим людям почувствовать себя более уверенными и востребованными гражданами современного общества, а сотрудникам полиции в очередной раз повысить свою квалификацию и быть полезными обществу в обеспечении личной и общественной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 363 об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» (с изменениями на 23 марта 2021 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/554102819?marker=6540IN> (дата обращения 12.04.2021).
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (последняя редакция) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения 12.04.2021).
3. Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка : Приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/14914> (дата обращения 12.04.2021).
4. Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России № 681, Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1055233> (дата обращения 12.04.2021).
5. Буркова С. И. Способы выражения именной множественности в русском жестовом языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 174–184.
6. Королькова О. О. Особенности синтаксиса русского жестового языка // В мире научных открытий. 2011. № 11. 6. С. 1638–1648.
7. Востров И. М., Каменева В. П., Ромашкина В. Э. От языка улицы до жестового художественного языка // Художественное образование и наука. 2015. № 1. С. 50–55.
8. Соловьева Т. А., Отдельнова Н. С., Яхнина Е. З. Новые возможности коммуникативного развития обучающихся с нарушением слуха при получении основного общего образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 4–2. С. 331–342.
9. Камнева В. П., Константинова А. А., Полонская О. Ю. Русский жестовый язык : учеб.-практ. пособие. Иркутск, 2016. 39 с.
10. Гусейнова И. А. Визуально-жестовый язык : к вопросу о разработке электронного глоссария для русского жестового языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5 (691). С. 52–60.
11. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология : учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2015. 192 с.
12. Базоев В. З. Билингвизм и образование глухих : современные тенденции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 4–2. С. 320–330.
13. Липина Е. А. Методика интенсивной иноязычной подготовки сотрудников органов внутренних дел в системе дополнительного профессионального образования // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 3. С. 191–195.
14. Липина Е. А. Из опыта преподавания русского жестового языка сотрудникам полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72). С. 79–85.
15. Мануева Ю. С., Гриф М. Г. Семантический аспект перевода с русского языка на жестовый язык // Наука, технологии, инновации : сб. тр. : в 9 ч. Новосибирск, 2016. Ч. 1. С. 105–107.
16. Скорняков С. В., Варинова О. А. Проблема языковой подготовки лиц с нарушениями слуха как основное препятствие к получению высшего образования // Специальные образовательные условия и качество профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями здоровья : сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2015. С. 252–254.

© Гнездилова Е. В.

А. А. ШАМСУТДИНОВА, преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

A. A. SHAMSUTDINOVA, lecturer of the Chair of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ИГРЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

GAMES IN LESSONS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. Согласно Государственным образовательным стандартам Российской Федерации к основным целям преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) относится следующее: развитие коммуникативных навыков, формирование мотивации к обучению, развитие навыков самостоятельной работы, адаптация к проживанию в России. На сегодняшний момент игровые технологии в образовательном процессе являются перспективным направлением. В данной статье говорится об использовании различных игр в аудиторной работе с иностранными обучающимися на занятиях по русскому языку как иностранному. Описанные в статье игры можно отнести к способу заинтересовать иностранных обучающихся к изучению русского языка. Также в процессе игры развиваются коммуникативная, языковая и речевая компетенции, необходимые для слушателей. В статье подчеркивается роль игры в повышении эффективности практических занятий по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова и словосочетания: русский язык как иностранный, практические занятия, игры, коммуникативная компетенция, речевая деятельность, мотивация.

Annotation. According to the State Educational Standards of the Russian Federation, the main goals of teaching Russian as a foreign language (RFL) include the following: the development of communication skills, the formation of motivation for learning, the development of independent work skills, and adaptation to living in Russia. At the moment, gaming technology in the educational process is a promising area. This article talks about the use of various games in classroom work with foreign students in the classroom in Russian as a foreign language. The games described in the article can be attributed to way to interest foreign students in learning the Russian language. Also, in the process of playing, the communicative, linguistic and speech competencies necessary for the listeners are developed. The article emphasizes the role of play in increasing the effectiveness of practical lessons in Russian as a foreign language.

Keywords and phrases: Russian as a foreign language, practical exercises, games, communicative competence, speech activity, motivation.

Поиск наиболее подходящей образовательной модели устанавливает «плавную гуманизацию процесса обучения, которая происходит в ходе использования игр на занятиях» [1, с. 1014]. Игры – это не только эффективное средство обучения русскому языку как иностранному, но и украшение любого занятия. Можно объяснить это тем, что в течение игры обучающиеся регулярно повторяют материал, изученный на заняти-

ях, самостоятельно отбирают и перерабатывают полученные знания, а также игры, в силу своей динамичности и увлекательности, как правило, увеличивают интерес иностранных слушателей к образовательному процессу и повышают их мотивацию [2, с. 102].

Нами был создан список игр, составленный на основе нашего опыта и опыта коллег-преподавателей РКИ, который и пред-

лагается в данной работе. Эти игры можно использовать на практических занятиях по русскому языку как иностранному, дополняя традиционные уроки.

Фонетические игры.

«Любимый звук». Необходимый инвентарь – текст для проведения игры. Данная игра помогает отработать определенный звук. Самый легкий вариант: преподаватель читает небольшой текст или стихотворение, в котором содержатся необходимые для отработки звуки, а иностранные слушатели аплодируют, когда слышат данный звук. Другой вариант: обучающимся предлагается самостоятельно прочитать такой текст и посчитать, сколько раз в нем встречается изучаемый звук. Более сложный вариант: обучающиеся сами должны прочитать текст и сделать это без ошибок. Можно разделить слушателей на команды и провести игру в формате соревнования, давая за правильное прочтение определенное количество баллов [3].

Игра «Тик-так». Необходимый инвентарь: карточки с буквами русского алфавита, непрозрачный мешочек или коробка, в которой будут находиться карточки, таймер/секундомер. Первый игрок получает мешочек с буквами, вытягивает одну из них и называет слово, которое начинается с этой буквы или содержит ее (если выпадает буква, на которую не начинаются слова в русском языке). Если участник справляется, то мешочек передается следующему игроку. Проигрывает или тот, кто не может назвать слово, или тот, кто называет неправильный вариант, или тот, кто не успевает назвать слово до окончания времени. Сложность заключается в том, что преподаватель ставит таймер на определенное время, но не говорит обучающимся, на какое. Таким образом, участники не знают, когда именно закончится время, поэтому стараются быстрее назвать подходящее слово и передать мешочек с буквами следующему игроку.

Можно усложнить игру, используя вместо карточек с буквами карточки со слогами. То есть игрок должен назвать слово, которое содержит в себе слог, который он вытянул.

Лексико-грамматические игры.

«Составь слова». Необходимый инвентарь – карточки с буквами. Обучающиеся получают карточки с буквами и составляют из них слова. Побеждает в игре тот, кто правильно составит наибольшее количество слов.

«Найди потерянные буквы». Необходимый инвентарь – список слов с недостающими буквами. Участники игры получают список слов с пропущенными в них буквами. Цель – вставить необходимые буквы.

Можно сделать эти задания индивидуальными, чтобы каждый самостоятельно работал в течение какого-либо времени, или групповыми [4, с. 289].

Игры с мячом. Необходимый инвентарь – небольшой мяч. Лучше использовать мяч-антистресс, так как такие мячи, во-первых, легкие, что позволит играть без травм, во-вторых, они помогают снять некое напряжение. Здесь могут быть разнообразные варианты игр. Предложим некоторые из них.

1. Преподаватель называет слово и кидает мяч слушателю. Тот должен поймать мяч и одновременно назвать синоним. Также можно работать с подбором антонимов. Если обучающийся смог назвать подходящее слово, он бросает мяч дальше любому слушателю, чтобы следующий сделал все по той же схеме.

2. Преподаватель задает вопрос слушателю и кидает мяч, а слушатель должен поймать мяч и ответить на вопрос.

3. Преподаватель называет тему. Слушатель бросает мяч вниз и при каждом касании мячом пола называет слово, которое подходит к этой тематике. Например, название темы – «Спорт». Обучающийся бросает мяч в пол и называет слово «футбол», мяч возвращается в руки и снова кидается вниз. При соприкосновении с полом обучающимся называется следующее слово – «волейбол» и так далее. Если нужно внести соревновательный элемент, то можно считать, сколько слов называет каждый, чтобы потом определить победителя.

«Детектив». Необходимый инвентарь – небольшие предметы, которые можно легко спрятать в аудитории. В данной игре отра-

бываются падежи. Сначала решается, какой предмет во время игры будут прятать. Например, брелок. Далее один из обучающихся выбирается детективом, то есть тем игроком, кто будет искать спрятанный предмет. Он выходит из аудитории на несколько секунд или отворачивается и закрывает глаза. Кто-то из обучающихся прячет предмет в аудитории. Детектив после этого начинает искать брелок, комментируя свои действия догадками, используя предложный падеж. Примерные фразы детектива: «Я думаю, брелок на столе», «Мне кажется, брелок за стулом», «Наверно, брелок находится в сумке» и т. п. Остальные обучающиеся в это время могут подсказывать товарищу, говоря «холодно», «тепло» или «горячо» в зависимости от того, как близко от спрятанного предмета находится детектив: «холодно» – если далеко от предмета, «тепло» – если рядом с предметом, «горячо» – если детектив почти нашел предмет [5].

Также можно с помощью этой игры отрабатывать, к примеру, винительный падеж. Тогда игрок в роли детектива должен произносить фразы, используя винительный падеж: «Я думаю, вы положили брелок на стол», «Возможно, кто-то убрал брелок в сумку» и др.

Игры для развития речи.

«Кубики историй» («Rory's Story Cubes»). Необходимый инвентарь – специальные кубики историй (рис. 1). Данная игра состоит из девяти кубиков. На гранях каждого кубика изображена абстрактная картинка, которая соответствует какому-либо действию, явлению или понятию. Картинки, оказавшись в той или иной последовательности, становятся основой для создания истории.

Есть несколько вариантов проведения игры, но преподаватель может корректировать правила для каждой группы так, чтобы занятие было наиболее эффективным и интересным [6]. Рассмотрим эти варианты.

1. Игрок бросает сразу все кубики и, опираясь на картинки, выпавшие на кубиках, придумывает, а потом рассказывает какую-либо историю. Далее кубики бросает следующий игрок и проделывает то же самое.

Рис. 1. Кубики историй

2. Каждый из игроков по очереди бросает по одному кубику и составляет свою небольшую часть рассказа. Важно помнить, что части должны быть связаны друг с другом, чтобы получился настоящий рассказ. Можно усложнить игру, определившись с конкретным жанром, в котором должна быть история.

3. Игрок бросает по три кубика три раза. Первые три кубика служат для составления начала рассказа, следующие три – для составления середины (кульминации), а последние – для конца (развязки).

В данной игре можно ввести правило использования определенной лексики. Например, той, которую иностранные слушатели изучили на прошлых занятиях [7]. Так, в игровой форме происходит процесс развития воображения, обучения монологической речи и закрепления лексическо-грамматического материала.

Коммуникативные игры.

«Скажи по-другому». Необходимый инвентарь: карточки со словами, коробка или непрозрачный мешок, в котором будут находиться карточки со словами, таймер/секундомер. Обучающиеся делятся на группы. От первой группы избирается один участник. Преподаватель включает таймер, а в этот момент игрок вытягивает из мешка/коробки слово и начинает объяснять его своей команде, не называя само слово [8]. Можно называть синонимы или антонимы, но нельзя использовать однокоренные слова, перевод и жесты. Главная цель – объяс-

нить наибольшее количество слов [9]. Далее игрок от другой команды объясняет слова своей группе. Так, все участники по очереди окажутся в роли того, кто объясняет слова другим участникам.

«Экивоки». Необходимый инвентарь: карточки со словами, игральный кубик, доска и мел, секундомер/таймер. Игрок одной команды кидает игральный кубик. Число, которое выпадает (от одного до шести), указывает на то, каким способом нужно объяснять слова. Эта игра похожа на предыдущую, но здесь пять способов семантизации слов:

1) слова (игрок с карточкой в руке объясняется только с помощью слов);

2) наоборот (игрок должен прочитать вслух слово наоборот, то есть справа налево (разрешается читать слово 3 раза), а участникам его команды необходимо восстановить слово и произнести его без ошибок, не делая никаких записей);

3) рисунок (игроку на доске нужно сделать рисунок, объясняющий слово, выпавшее в карточке);

4) жесты (игрок должен объяснить слово своей команде только с помощью жестов, не произнося ни слова);

5) да/нет (команда задает закрытые вопросы игроку с карточкой, а тот отвечает «да» или «нет»).

Число на кубике соответствует способу семантизации слов. Если же выпадает «шесть», то игрок сам выбирает любой из пяти данных способов для объяснения слов команде. Также отметим, что игроку разрешается озвучить тему карточки, чтобы команде было легче угадать слово. Карточки для игры можно создавать самостоятельно на любую тему и для необходимого языкового уровня обучающихся. Ниже приведем пример такой карточки (рис. 2).

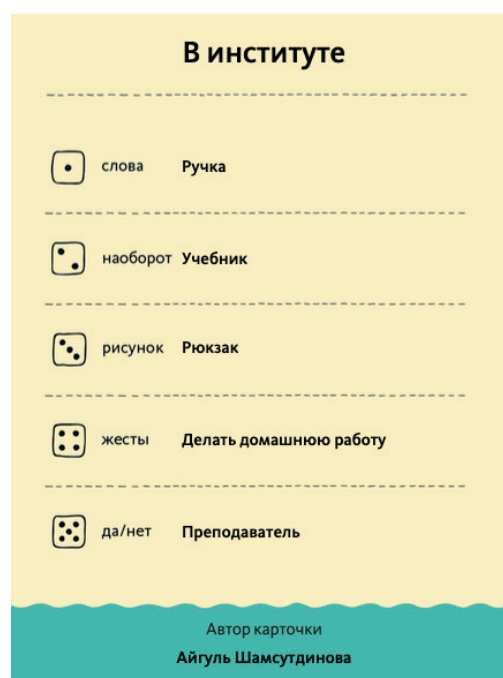

Рис. 2. Пример карточки для игры «Экивоки»

Предложенные игры можно использовать на занятиях с обучающимися любого уровня владения русским языком как иностранным, подготовив необходимый материал и отредактировав правила [8, с. 305]. Несомненно, игры должны быть дополнением к основной части занятия, а не центральным звеном всего урока.

Отметим значимое преимущество игр – возможность поместить любого обучающегося в ситуацию успеха [10]. Особенно это ценно для тех иностранных слушателей, которые чуть хуже учатся и поэтому на традиционных занятиях иногда чувствуют себя менее уверенно.

Таким образом, игра – это важнейший компонент на занятиях по русскому языку как иностранному, который имеет и мотивационное значение в процессе обучения, и функциональное, а также объединяет всех обучающихся и учит командной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казабеева В. А. Интерактивные технологии в практике преподавания русского языка иностранным студентам // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. Ч. 6. С. 1014–1018.
2. Азарина Л. Е. Игры на уроках РКИ // Вестник ЦМО МГУ. Практикум. Центр международного образования МГУ имени М. В. Ломоносова. 2009. № 3. С. 102–109.

3. Беляева А. Ю., Прокофьева Л. П. Интерактивные методы преподавания русского языка как иностранного // Предложение и слово : сб. науч. тр. Саратов, 2013. С. 265–269.
4. Козырева Н. Ю. Ролевая игра как один из методов интерактивного обучения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Том 25 (64). № 1. Часть № 2. С. 289–293.
5. Коньшева А. В. Игровой метод в обучении иностранному языку. СПб. : КАРО, 2008. 181 с.
6. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие учителя. М. : АРКТИ, 2003. 192 с.
7. Макшанцева Н. В. Содержание коммуникативной компетенции при обучении РКИ // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2012. С. 447–449.
8. Шамсутдинова А. А. Использование интерактивных методов обучения на занятиях по русскому языку как иностранному // Образование и культура : материалы Международной научно-практической конференции. Набережные Челны, 2020. С. 302–305.
9. Потапова М. М. Ролевая игра как прием активизации обучения русскому языку как иностранному студентов гуманитарных факультетов : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 301 с.
10. Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 474 с.

© Шамсутдинова А. А.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.635.013:316.48(470)

П. В. КУСТОВ, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

P. V. KUSTOV, professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (St. Petersburg)

Н. Н. СИЛКИН, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

N. N. SILKIN, professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation (St. Petersburg)

В. И. ДУДЧИК, доцент кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург)

V. I. DUDCHIK, Associate Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg)

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ**

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE
OF TRAINERS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MIA OF RUSSIA**

Аннотация. Статья посвящена актуальной сегодня проблеме формирования и развития конфликтологической компетентности курсантов образовательных организаций МВД России. Авторы

на основе теоретического анализа современных подходов к исследованию конфликтологической компетентности предлагают ее модель как совокупность когнитивного, регулятивного и мотивационного компонентов. Также в статье предлагается программа, направленная на совершенствование уровня конфликтологической компетентности.

Ключевые слова и словосочетания: модель, программа, тренинг, конфликтологическая компетентность, курсанты, образовательные организации МВД России.

Annotation. The article is devoted to the actual problem of the formation and development of conflictological competence of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The authors, on the basis of a theoretical analysis of modern approaches to the study of conflictological competence, propose its model as a set of cognitive, regulatory and motivational components. The article also offers a program aimed at improving the level of conflictological competence.

Key words and phrases: model, program, training, conflictological competence, cadets, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

В связи с тем что в последнее время активизировались оппозиционно направленные общественные организации, которые всесторонне и методично стремятся подорвать доверие граждан к действующей политической системе, в своей повседневной профессиональной деятельности сотрудник полиции все чаще сталкивается с провокативным, манипулятивным и конфликтным поведением и вынужден выполнять свои служебные обязанности в эмоционально-напряженных и сложных условиях. Во многом от конфликтологической компетентности сотрудника зависит успешность решения служебных задач и достижение профессиональных целей.

Как показывает практика, благодаря повседневному служебному общению с различными категориями граждан совершенствование конфликтологической компетентности сотрудников правоохранительных органов происходит спонтанно, а именно методом проб и ошибок. Однако очевидно, что быстрее профессионального мастерства можно достичь при целенаправленной подготовке сотрудников полиции. Конфликтологическую компетентность необходимо формировать и развивать еще на этапе обучения в образовательных организациях системы МВД России, что позволит сформировать у специалиста готовность выполнять на профессиональном уровне свои обязанности, не только в нейтральных, но и в экстремальных ситуациях или при проявлении провокативного поведения со стороны граждан или правонарушителей.

В психолого-педагогической литературе существуют множество подходов к определению термина «конфликтологическая компетентность». Ряд исследователей рассматривают конфликтологическую компетентность как структурный компонент профессиональной компетентности.

Теоретические и прикладные аспекты конструктивного управления конфликтами, в том числе структура и содержание конфликтологической компетентности отражены в работах А. Я. Анцупова, М. В. Башкина, А. Ю. Булатецкой, В. Г. Зазыкина, Д. П. Зеркина, О. В. Пашковой, Ю. В. Климовой, А. А. Кузиной, Г. Ю. Любимовой, Е. Н. Богданова, Е. В. Левкиной, А. С. Кашапова, В. И. Хасана, П. А. Сергоманова, Е. В. Рыбиной, Л. А. Петровской. Проведем анализ основных подходов к определению модели конфликтологической компетентности.

В своем исследовании О. В. Пашкова научно обосновывает модель конфликтологической компетентности, основанной на личностных качествах, представленных следующими компонентами: базовый – адекватная самооценка, креативность, высокий уровень самоконтроля, умение управлять внешними проявлениями своих эмоций, когнитивный – комплекс знаний о ведущих методах эффективного разрешения конфликтных ситуаций, поведенческий – на уровне действий в реальной конфликтной ситуации демонстрация способности оперативно выбрать наиболее оптимальную стратегию поведения [1].

В своих исследованиях А. С. Кашапов предлагает модель конфликтной компетентности, которая состоит из эмоциональной, познавательной, волевой, мотивационной, психомоторной составляющих, а также включает в себя личностную зрелость и самоактуализацию [2]. В своем исследовании Е. В. Рыбина акцентирует внимание на четырех компонентах конфликтологической компетентности: креативность в данной модели выступает и в роли способности к творчеству и в то же время является устойчивой личностной характеристикой; рефлексия рассматривается как способность оценивать конфликт с позиции оппонента; сензитивность как способность сочувствовать участникам конфликтной ситуации и отслеживать и свои чувства; коммуникативная культура как умение и стремление соблюдать общепризнанные правила и нормы общения [3; 4].

В своем исследовании В. И. Хасан и П. А. Сергоманов в качестве основных составляющих конфликтологической компетентности рассматривают готовность преодолевать затруднения, способность обнаруживать противоречие, которое лежит в основе конфликта, а также успешное владение различными способами разрешения противоречий [5].

С точки зрения практического применения предложенной модели конфликтологической компетентности значимо, что В. И. Хасан и П. А. Сергоманова описали несколько уровней формирования профессиональной конфликтологической компетентности, что может лечь в основу системы оценки уровня развития. Первый уровень – личность демонстрирует общее понимание механизмов развития конфликтной ситуации, а также владение основными стратегиями конструктивного разрешения типичных конфликтных ситуаций. Второй уровень – личность умеет проектировать развитие конфликтной ситуации, исходя из своих целей, непосредственно находясь в ситуации взаимодействия, демонстрируя владение приемами организации продуктивно ориентированного конфликтного поведе-

ния участников противоречия [6]. В своих трудах Л. А. Петровская рассматривает конфликтологическую компетентность как интегральное образование и выделяет уровень ценностей личности, уровень ее мотивов, установок и уровень умения. Таким образом, в исследованиях Л. А. Петровской на первый план выходит личностно-ценностный аспект данной компетентности [7; 8].

В данной работе конфликтологическая компетентность рассматривается как сложное интегративное образование, отражающее способность личности к конструктивному разрешению конфликтных ситуаций и состоящее из взаимосвязанных между собой когнитивного, регулятивного и мотивационного компонентов.

На основе анализа исследований в структуре конфликтологической компетентности можно выделить три взаимосвязанных компонента: когнитивный, регулятивный и мотивационный.

Когнитивный компонент можно условно разделить на информационную и креативную составляющие, он отражает умение личности свести к минимуму искажение информации о конфликтной ситуации, навык аргументировать свою точку зрения, оперируя объективными данными, не допуская вольной трактовки, исходя из сиюминутных желаний и скрытых мотивов. Креативная составляющая когнитивного компонента отвечает за умение находить новые алгоритмы компромиссного решения в сложившейся ситуации.

Мотивационный компонент обусловлен преобладанием в коммуникативном поведении личности мотивации стремления к успеху и демонстрирует способность личности оптимально управлять своими действиями и осознанно направлять их на поиск взаимоприемлемых путей решений возникших противоречий.

В рамках регулятивного компонента можно выделить следующие структурные элементы: волевой, рефлексивный и эмоциональный. Регулятивный компонент конфликтологической компетентности демонстрирует способность личности к эмоционально-воле-

вой саморегуляции в напряженных ситуациях конфликтного взаимодействия, навык конструктивно и аргументированно отстаивать свою точку зрения, контролируя свое эмоциональное состояние и не допуская оскорбительных или уничижающих выпадов в адрес оппонентов. Волевой компонент рассматривается нами как способность к целенаправленной мобилизации личностных ресурсов для разрешения конфликта и конструктивного выхода из него. Рефлексивный элемент отвечает за тщательный самоанализ и оценивание личностью своего поведения и действий в конфликте.

К основным функциям конфликтологической компетентности относятся превентивная, конструктивная, прогностическая, рефлексивная, коррекционная. Таким образом, специалист с высоким уровнем конфликтологической компетентности должен: во-первых, осуществлять профилактику деструктивных конфликтов, а также предупреждать возникновение необоснованных противоречий; во-вторых, знать приемы конструктивного разрешения конфликтов и уметь успешно их применять на практике, в том числе в сложных ситуациях экстремального взаимодействия; в-третьих, уметь прогнозировать развитие конфликтной ситуации, а также последствия своих действий; в-четвертых, владеть приемами самоанализа, находясь в ситуации конфликта; в-пятых, своевременно корректировать свое поведение, исходя из особенностей развития конфликта. На формирование данных компетенций и направлена разработанная программа.

В основе программы развития конфликтологической компетентности обучающихся в образовательных организациях системы МВД России лежит приведенная выше структурная модель конфликтологической компетентности.

Программа состоит из трех модулей, каждый из которых направлен на формирование определенного компонента конфликтологической компетентности. Выбор тренинга как основного метода активного обучения продиктован тем, он обеспечивает максимальный уровень вовлеченности всех

участников в совместную деятельность, а также дает возможность эксперту в рамках моделирования типичной профессиональной ситуации оценить полноту усвоения алгоритма, а также его правильность.

Цель программы: формирование и развитие профессионального уровня конфликтологической компетентности у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Достижение указанной цели предполагает решение следующих ведущих задач: формирование конструктивного и творческого отношения к конфликтам и противоречиям в профессиональной сфере, усвоение способов и приемов профилактики конфликтов, а также эффективным стратегиям поведения в них.

Первый модуль программы направлен на формирование у обучающихся когнитивного компонента конфликтологической компетентности. Задачи первого модуля:

1. Усвоение системы знаний в области конфликтологии: сущность и содержание конфликта, классификации профессиональных конфликтов, этапы протекания конфликтов в зависимости от вида, типы конфликтогенных личностей, стратегии конструктивного поведения в конфликтной ситуации.

2. Формирование способности на основе теоретических знаний анализировать конфликтную ситуацию и подбирать оптимальные стратегии поведения в ней.

3. Освоение на практике инновационных инструментов и технологий управления конфликтом.

Второй модуль программы направлен на формирование у курсантов и слушателей регулятивного компонента конфликтологической компетентности. Задачи второго модуля:

1. Формирование и развитие способности осознанно отслеживать и управлять своим эмоциональным состоянием, а также успешно использовать эмоциональное состояние оппонента.

2. Формирование навыков нервно-психической саморегуляции.

Третий модуль программы направлен на формирование у курсантов и слушателей мотивационного компонента конфликто-

гической компетентности. Задачи третьего модуля:

1. Закрепление полученных знаний, умений и навыков в рамках моделирования типичных профессиональных ситуаций конфликтного взаимодействия с различными категориями граждан.

2. Умение анализировать и прогнозировать конструктивное и деструктивное воздействие конфликта при решении оперативно-служебных задач.

3. Формирование индивидуальной модели управления конфликтами.

Разработанная программа может быть внедрена в образовательный процесс об-

разовательных организаций системы МВД России с целью повышения конфликтологической компетентности курсантов и слушателей как будущих сотрудников полиции. В рамках программы курсанты и слушатели получают опыт эффективного разрешения конфликтов в области профессионального взаимодействия с гражданами, а также сформируют навыки переговорной деятельности. Конфликтологическая компетентность обеспечивает готовность сотрудника полиции в реализации служебных обязанностей в условиях конфликтов, тем самым обогащает профессионализм специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашкова О. В. Конфликтологическая компетентность // Ярославский психологический вестник. Выпуск 9. Москва; Ярославль, 2002. С. 185–186.
2. Кашапов А. С. О модели становления конфликтной компетентности // Ярославский психологический вестник. Выпуск 21. Москва; Ярославль, 2007. С. 75–80.
3. Ковалевская Е. В. Социально-психологические факторы формирования конфликтологической компетентности у студентов гуманитарного профиля : монография. М. : Мир науки, 2019. 276 с.
4. Рыбина Е. В. К вопросу о структурных характеристиках конфликтной компетентности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. №1. Том 12. С. 51–55.
5. Хасан Б. И., Сергоманов П. А. Психология конфликта и переговоры. М. : Академия, 2004. 192 с.
6. Худаева М. Ю. Психологические условия развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте. Белгород : Эпицентр, 2014. 131 с.
7. Булатецкая А. Ю. Конфликтологическая компетентность управленческого персонала как фактор формирования интеллектуального капитала организации : монография. Пермь : Астер, 2015. 205 с.
8. Петровская Л. А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 1997. № 4. С. 41–45.

© Кустов П. В.
© Силкин Н. Н.
© Дудчик В. И.

Е. В. ФИЛИПЕНКО, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

E. V. FILIPENKO, Assistant Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate Pedagogical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg)

А. В. МАЛОЛЕТКОВА, доцент кафедры педагогики и психологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент (г. Стерлитамак)

A.V. MALOLETKOVA, Associate Professor of the Department pedagogy and psychology of Sterlitamak branch of the Bashkir State University, candidate of psychological sciences, Associate Professor (Sterlitamak)

В. В. БАЛАХОНСКИЙ, профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

V. V. BALAKHONSKY, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School Russian Federation (St. Petersburg)

Т. Л. ЖУРАВЛЕВА, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

T. L. ZHURAVLEVA, Assistant Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg)

Е. А. СТАРОВА, доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург)

E. A. STAROVA, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УМЕНИЙ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ С УЧЕТОМ НАЛИЧИЯ ПРОФИЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОПЫТА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPRESSION OF PEDAGOGICAL SKILLS OF HIGHER SCHOOL TEACHERS, TAKING INTO ACCOUNT THE PRESENTED EDUCATION AND EXPERIENCE OF PEDAGOGICAL WORK

Аннотация. Значительная роль в подготовке современного специалиста отводится педагогическому работнику образовательной организации высшего образования. Учитывая функциональную многоаспектность профессиональной деятельности следует отметить, что ее эффективность будет во многом зависеть от уровня сформированности у преподавателя необходимых профессиональных умений и навыков в различных видах педагогической деятельности: учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной.

Цель проведенного нами исследования заключалась в выявлении степени выраженности профессиональных умений по различным видам педагогической деятельности, что в дальнейшем поможет обосновать основные направления оптимизации подготовки педагогов высшей школы и внести необходимые коррективы в содержание учебных программ курсов профессиональной переподготовки кадров и в вариативную часть учебных планов, предназначенных для аспирантов (адъюнктов), обучающихся по программе подготовки научно-педагогических кадров с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь».

Взяв за основу ключевой показатель «умения», мы выделили систему критериев оценки результативности работы преподавателя высшей школы, сгруппировав их по вышеуказанным видам педагогической деятельности. Был проведен сравнительный анализ степени выраженности этих показателей у трех групп участников с учетом наличия у них профильного педагогического образования и практического опыта работы. Выводы, полученные в результате исследования, позволили выделить ряд рекомендаций по оптимизации профессиональной подготовки педагогов высшей школы.

Ключевые слова и словосочетания: профессионально- педагогическая деятельность, виды деятельности, компетентность, профессиональные компетенции, практические умения и навыки.

Annotation. A significant role in the training of a modern specialist is assigned to a pedagogical worker of an educational pedagogical organization of higher education. The functional multidimensionality of professional activity should be noted that its effectiveness will largely depend on the level of formation of the teacher's necessary professional skills in various pedagogical activities: educational, methodological, research and educational.

The purpose of our study was to identify the degree of expression of professional skills in various types of pedagogical activity, which will further help substantiate the main directions of optimization of the training of teachers of higher education and make the necessary adjustments to the content of curricula of professional retraining courses and to the variable part of curricula intended for postgraduate students (adjuncts) studying under the program for the training of scientific and pedagogical personnel with the qualification «Researcher. Research teacher».

Taking as a basis the key indicator of «skill», we have identified a system of criteria for assessing the performance of a teacher of higher education, grouping them according to the above types of pedagogical activity. Next, we carried out a comparative analysis of the severity of these indicators in three groups of participants, taking into account their specialized pedagogical education and practical work experience. The conclusions obtained as a result of the study made it possible to single out a number of recommendations for optimizing the professional training of teachers of higher education.

Key words and phrases: professional pedagogical activities, types of activities, competence, professional competencies, practical skills

Педагогическая деятельность в образовательной организации высшего образования имеет чрезвычайно важное социальное значение, поскольку речь идет о формировании будущего специалиста, от уровня профессиональной подготовленности которого в значительной степени зависит экономическое, политическое и культурное развитие современного общества.

Вопросам профессионально-педагогической деятельности и различным ее аспектам посвящены научные исследования И. А. Зимней, С. И. Архангельского, А. В. Барабанщикова, Е. А. Климова, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, Л. М. Митиной и других ученых. Однако, несмотря на большое количество научных трудов, следует отметить, что до настоящего времени в теории педагогики нет единого общепринятого определения данному феномену.

Так, например, рассматривая педагогическую деятельность в процессуальном плане, В. А. Сластенин отмечает, что по своей природе эта деятельность есть не что иное, как процесс решения неисчислимого множества типовых и оригинальных педагогических задач различных классов и уровней [1].

Педагогическую деятельность И. А. Зимняя трактует как воспитывающее и обучающее воздействие педагога, направленное на личностное, интеллектуальное и деятельностное развитие обучающихся, одновременно выступающее и как основа их саморазвития и самосовершенствования [2, с. 260].

Г. М. Коджаспирова, раскрывая сущность профессиональной деятельности педагога обращает внимание еще на одну важную особенность, а именно – на создание в образовательном процессе оптимальных педагогических условий для воспитания, обучения, развития и саморазвития обучающихся, предоставления им широкого выбора возможностей свободного и творческого самовыражения [3].

Несмотря на различное смысловое содержание приведенных определений, важ-

но отметить, что они не противоречат друг другу, напротив, гармонично дополняют и раскрывают различные стороны педагогической деятельности, которую в широком смысле можно определить как род профессиональной деятельности, направленный на достижение поставленных учебно-воспитательных целей и обеспечение отношений, возникающих между субъектами образовательного процесса при передаче научно-практического и профессионального опыта.

Цель педагогической деятельности, осуществляемой в том числе в условиях высшей школы, заключается в подготовке высококвалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного и ответственного специалиста, стремящегося к постоянному личностному и профессиональному росту, готового включиться в политическую, общественную, культурную и другие сферы жизни общества, проявляя социальную активность и высокий уровень гражданского самосознания.

Воплотить в жизнь поставленную цель призваны педагогические работники, которые, согласно п. 21 ст. 2. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», являясь «физическим лицом, состоят в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняют обязанности по обучению, воспитанию обучающихся» [4].

Должностные обязанности, основные виды деятельности, профессиональные компетенции педагогического работника образовательной организации высшего образования определяются (помимо указанного выше Закона «Об образовании в Российской Федерации») различными приказами, инструкциями и положениями Министерства просвещения Российской Федерации, Ми-

нистерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также Уставом образовательной организации, Федеральным государственным образовательным стандартом и иными документами, которые регламентируют его профессиональную деятельность.

Необходимо отметить, что деятельность педагогического работника высшей школы – явление многоаспектное. В связи с чем ее правомерно рассматривать как достаточно сложную систему, обладающую такими общими свойствами, как полиструктурность и целостность [5]. В частности, согласно п. 16 ст. 47. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», полиструктурность предполагает «... учебную (преподавательскую) и воспитательную работу, в том числе практическую подготовку обучающихся, индивидуальную работу с обучающимися, научную, творческую и исследовательскую работу, а также другую педагогическую работу, предусмотренную трудовыми (должностными) обязанностями и (или) индивидуальным планом» [4].

Объективно, в силу особенностей и специфики образовательных организаций высшего образования, деятельность каждого педагогического работника осуществляется одновременно в различных сферах, в каждой из которых он призван выполнять различные роли и реализовать разные функции в тех или иных видах профессиональной деятельности [5]. Традиционно в условиях высшей школы осуществляются следующие виды педагогической деятельности: учебно-методическая, научно-исследовательская, воспитательная.

Учебно-методическая работа является основным видом профессиональной деятельности педагогического работника и направлена на формирование у обучающихся научного мировоззрения, системы современных профессиональных знаний, умений, навыков и специальных компетенций, а также на реализацию в образовательном процессе целей воспитания и развития личности будущего специалиста.

Осуществляемая в высшей школе такая работа имеет свою специфику и кардинально отличается от деятельности, например, школьного учителя. Так, в частности, учебная деятельность педагогического работника высшей школы предполагает увеличение доли прикладного компонента в подготовке будущих специалистов, ориентацию учебного процесса на самостоятельную деятельность обучающихся и обеспечение их профессионально-личностного развития, что позволяет формировать целостную систему обобщенных знаний, комплекс профессиональных умений, навыков и необходимых компетенций. Учебная деятельность также предполагает практико-ориентированный, исследовательский характер, что позволяет обучающимся высшей школы проявлять познавательную активность, инициативность и высокую заинтересованность в получении образовательных результатов, необходимых профессиональных компетенций и т. д.

Специфика образовательной деятельности в высшей школе определяет основные обязанности педагога в области учебной работы, к которым традиционно относят: организацию и проведение учебных занятий (лекций, семинаров, практических, лабораторных работ); разработку лекционных курсов, читаемых дисциплин и планов учебных занятий; осуществление текущего и итогового контроля (зачетов, экзаменов); курирование учебных и производственных практик; осуществление консультаций; руководство курсовыми проектами, выпускными квалификационными работами, научно-исследовательскими работами, самостоятельной работой обучающихся и др.

С учебной деятельностью непосредственно связана методическая. Она в организации высшего образования, как правило, осуществляется по следующим основным направлениям: разработка и совершенствование содержания программ учебных дисциплин, учебно-методических комплексов и иных методических материалов, необходимых для проведения всех видов учебных занятий; внедрение в образовательный процесс новых образовательных технологий,

педагогических техник, форм, методов обучения и воспитания с целью повышения качества преподавания учебных дисциплин; изучение, обобщение и распространение передового педагогического опыта, участие в учебно-методических советах, секциях и иных мероприятиях, повышающих профессиональную квалификацию и методическое мастерство педагогических работников и др.

Неотъемлемой частью профессиональной деятельности педагогического работника высшей школы является обязательное проведение научных исследований. Научно-исследовательская работа является специфической формой реализации творческого потенциала и профессионализма преподавателей высшей школы. Она включает следующие виды: написание и защита диссертационных исследований; выполнение инициативных и заказных научно-исследовательских работ; публикация научных статей, монографий, издание учебных, учебно-методических и иных пособий, обеспечивающих образовательный процесс в вузе; участие в научных конференциях, форумах и семинарах; рецензирование и редактирование научных трудов; руководство научно-исследовательской работой обучающихся адъюнктуры (аспирантуры), магистратуры, бакалавриата и др.

Одним из значимых направлений педагогической деятельности является включение в научно-исследовательский процесс обучающихся, что создает не только необходимые предпосылки для активного развития научного мировоззрения последних, но и приобщает к самостоятельной научно-поисковой деятельности, формированию собственной научной позиции, внутренней мотивации и личностной установки на занятие исследовательской деятельностью на профессиональной основе.

Наряду с указанными направлениями, крайне актуальной в настоящее время становится воспитательная деятельность. Основной целью воспитания обучающихся является развитие их профессиональной культуры, формирование профессиональных установок, мотивов, отношений, ценностных ори-

ентаций, обеспечивающих их саморазвитие и самоактуализацию. Воспитательная работа в условиях высшей школы осуществляется как в процессе преподавания учебных дисциплин преимущественно гуманитарного цикла, так и во внеучебное время в процессе активного вовлечения обучающихся в различные виды просоциальной деятельности (творческую, спортивно-оздоровительную, волонтерскую, гражданско-патриотическую и т. д.). Важно, чтобы каждый педагогический работник, осуществляющий воспитательный процесс, отчетливо осознавал значимость воспитательного воздействия на формирование будущих специалистов, личную и коллективную ответственность за результаты воспитательной деятельности.

Реализуемые в совокупности рассмотренные виды педагогической деятельности обеспечивают не только эффективное обучение, воспитание и развитие будущих специалистов, но и требуют от профессорско-преподавательского состава постоянного повышения педагогического мастерства при выполнении различных профессиональных функций, объективно присущих педагогической деятельности.

Взяв за основу Приказ Минобрнауки России от 1 июля 2013 г. № 499 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» и проанализировав учебные планы по направлению подготовки 44.06.01 Образование и педагогические науки, направленность (профиль) подготовки – Общая педагогика, история педагогики и образования (научная специальность 13.00.01), по направлению подготовки 44.06.01 Образование и педагогические науки, направленность (профиль) подготовки – Теория и методика профессионального образования (научная специальность 13.00.08), а также образовательные стандарты, нами был определен ключевой показатель – «профессионально-педагогические умения», которыми должен владеть педагогический работник образовательной организации высшего образования, поскольку от уровня владения практическими уме-

ниями во многом зависит качество образовательного процесса. (В силу ограниченного объема данной статьи перечень значимых профессионально-педагогических умений будет приведен ниже в процессе описания и интерпретации результатов проведенного исследования).

Организуя данное исследование, мы предполагали, что, во-первых, полученные в ходе экспериментальной работы данные позволят нам провести сравнительный анализ показателей степени выраженности педагогических умений по различным видам педагогической деятельности в зависимости от наличия/отсутствия у испытуемых педагогического образования и опыта практической деятельности в вузе, во-вторых, помогут выявить основные направления оптимизации подготовки педагогов высшей школы к профессионально-педагогической деятельности, в-третьих, внести необходимые коррективы в содержание учебных программ курсов профессиональной переподготовки кадров и в вариативную часть учебных планов, а также рабочие программы дисциплин, которые предназначены для аспирантов (адъюнктов).

Исследование проводилось на базе следующих образовательных организаций высшего образования:

– ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России» (далее – СПбУ МВД России);

– ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)»;

– ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Институт права (Башкортостан, г. Уфа);

– Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (СФ БашГУ), (Башкортостан, г. Стерлитамак).

В качестве испытуемых выступили: преподаватели образовательных организаций высшего образования; аспиранты (адъюнкты) очной формы обучения, получающие образование по программе подготовки научно-педагогических кадров с присвоением

квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь» по ряду направлений; слушатели курсов профессиональной переподготовки по программам «Школа педагогического мастерства» (СПБУ МВД России), «Педагогика и психология» (СФ БашГУ). Курсы предназначены для педагогических работников, не имеющих базового педагогического образования.

Общее количество испытуемых – 85 человек. Все испытуемые были условно разделены на три группы с учетом имеющихся у них квалификационных характеристик:

1. В первую группу (31 человек) вошли педагогические работники вузов, имеющие педагогическое образование и практический опыт преподавания в высшей школе. К данной группе были отнесены педагоги, характеризующиеся обучающимися и коллегами как опытные, успешные в педагогической работе, качественно выполняющие свои профессиональные обязанности. Это дало нам возможность использовать данную группу как «эталонную», сравнивать ее с другими группами. Средний возраст испытуемых в данной группе – 39,7 лет, общий стаж работы – 18,4 года, в том числе стаж педагогической деятельности – 11,3 года.

2. Вторая группа (38 человек) была представлена аспирантами, совмещающими обучение с работой в качестве ассистентов различных кафедр, а также преподавателями, которые на момент исследования являлись слушателями курсов профессиональной переподготовки кадров. У участников данной группы отсутствует базовое педагогическое образование, но имеется опыт практической педагогической деятельности в вузе. Средний возраст участников исследования – 36,6 лет, общий стаж работы – 16,3 года, в том числе стаж педагогической деятельности – 3 года.

3. В третью группу (16 человек) вошли аспиранты (адъюнкты), а также слушатели курсов профессиональной переподготовки. Данная группа отличается от предыдущей отсутствием как педагогического образования, так и опыта педагогической деятельности. Однако представители данной группы

планируют связать свое будущее с педагогической деятельностью, имея при этом ярко выраженную мотивацию. Средний возраст испытуемых составил 25,7 лет, общий стаж работы – 2,1 года.

Учитывая специфику указанных групп, мы скомпоновали опросник, который включал оценку степени выраженности различных профессионально-педагогических умений у испытуемых путем самоанализа (от 0 до 10 баллов) по нескольким видам профессиональной деятельности: учебно-методическая работа, научно-исследовательская деятельность, воспитательная работа. Значимость различий определялась с помощью критерия Стьюдента (t-критерий).

Так, изучив результаты проведенного опроса по блоку учебно-методической работы, нами были сделаны некоторые выводы.

Все испытуемые наиболее успешно, по их мнению, выполняют следующие виды работ: «Планирование занятий по учебным дисциплинам», «Осуществление контроля в процессе промежуточной аттестации», «Проведение занятий по учебным предметам, курсам, дисциплинам», «Разработка и обновление рабочих программ и учебно-методического обеспечения», «Ведение документации, обеспечивающей реализацию рабочих программ». Менее компетентными участники считают себя в плане «Анализа научно-методических и учебно-методических материалов» и «Умения анализировать проведение учебных занятий, вносить коррективы в рабочую программу».

Отметим, что ряд компетенций оценен представителями третьей группы ниже всех остальных: «Разработка и обновление рабочих программ учебных предметов, учебно-методического обеспечения» и «Разработка образовательных программ». Такую ситуацию можно объяснить отсутствием опыта в данном виде деятельности.

Значимые различия с опытными преподавателями наблюдались у испытуемых второй и третьей групп. Они были выявлены по следующим параметрам: «Проведение занятий по учебным предметам, курсам, дисциплинам», «Умение разрабатывать учебные

задания», «Оценка освоения образовательной программы при проведении итоговой аттестации в составе экзаменационной комиссии». И если вторая группа оценивает свои учебно-методические возможности относительно адекватно, то высокие оценки третьей группы по показателю «Проведение занятий по учебным предметам, курсам, дисциплинам» являются весьма сомнительными и противоречивыми. Интерпретировать полученные результаты можно следующим образом: испытуемые, не имеющие ни педагогического образования, ни опыта работы в вузе, пока не до конца осознают, что без должной методической подготовки качественно провести учебные занятия на высоком профессиональном уровне весьма затруднительно, а в некоторых случаях вообще не представляется возможным.

Участники исследования из второй группы оценили свои профессионально-педагогические возможности значительно ниже, чем опытные преподаватели, по следующим показателям: «Организация самостоятельной работы обучающихся», «Умение контролировать и оценивать работу обучающихся, успехи и затруднения в освоении программы», «Планирование занятий по учебным предметам». Однако представители третьей группы оценили себя по данным показателям примерно на том же уровне, что и опытные преподаватели.

По показателям «Умение анализировать применение форм и методов педагогической диагностики, оценочных средств», «Разработка и обновление рабочих программ учебных предметов и методического обеспечения», «Разработка рекомендаций по совершенствованию качества образовательного процесса» и др. вторая и третья группы оценили себя значительно ниже, чем представители первой группы.

По параметру «Применение современных технических средств обучения и образовательных информационных технологий, в том числе при дистанционном обучении» представители третьей группы также высоко оценили свои умения по сравнению с другими группами. В данном случае такая оценка

вполне оправдана и может быть объяснена тем, что молодые люди лучше ориентируются в информационных и мультимедиа технологиях. Группа же опытных преподавателей отмечает не только недостаточную компетентность в данной области, но и указывает на причины, а именно: отсутствие времени на самообучение и высокую занятость на работе и др.

По показателю «Умение использовать в образовательном процессе интерактивные формы и методы обучения» все три группы испытуемых показали примерно одинаковый средний балл. Полученные результаты дают основания к пересмотру содержания некоторых учебных дисциплин, касающихся инновационных технологий образования, и включению в них преимущественно практико-ориентированных учебных занятий и заданий, направленных на формирование и развитие необходимых профессионально-педагогических умений.

В целом испытуемые во всех группах оценили свои профессиональные умения в области учебно-методической работы выше среднего. При этом наиболее высокие показатели были у опытных преподавателей; на втором месте – испытуемые, не имеющие педагогического образования и опыта работы; и наиболее низкие баллы – у представителей второй группы, которые имеют незначительный опыт работы в вузе и только осваивают программу педагогического образования.

Выводы, полученные в процессе сравнительного анализа, должны, по нашему мнению, быть учтены при разработке образовательных программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь» и лечь в основу курсов профессиональной подготовки и переподготовки кадров, поскольку методическое совершенствование, – отмечает А. Ю. Швацкий, – способствует развитию профессионального сознания педагога, формирует особый методический взгляд на педагогический процесс и заключается не только в реализации принципов и конкретных приемов организации

учебного процесса в вузе, но и в разработке новых методических приемов и средств обучения, позволяющих обучающимся легче ориентироваться в огромном потоке научной информации [6].

Следующим важнейшим видом педагогической деятельности является научно-исследовательская работа. Так, по параметрам «Участие в организации научных, научно-практических конференций», «Подготовка и представление публикаций в ведущие научные журналы», «Создание и обновление учебных, учебно-методических и иных пособий», «Экспертиза и рецензирование учебников и учебных пособий», «Участие в научно-исследовательских работах» преподаватели со стажем и профильным образованием оценили свои профессиональные умения достаточно высоко от 8 до 10 баллов.

Сильными сторонами педагогов без базового образования, но с опытом работы стали: «Умение организовывать работу научного сообщества обучающихся», «Консультирование обучающихся в подготовке выпускных квалификационных работ, в процессе прохождения производственных практик», а наименьшие баллы были выставлены ими по параметрам «Экспертиза и рецензирование учебников и учебных пособий» и «Подготовка и представление публикаций в ведущие научные журналы». Следует подчеркнуть, что эти умения все чаще предъявляются педагогическим работникам образовательных организаций высшего образования как обязательные требования.

Важно отметить, что по показателю «Создание электронных учебников и учебных пособий» опытные преподаватели и испытуемые второй группы выставили себе минимальные баллы. Вместе с тем, подчеркнем, что именно электронные учебные пособия (далее – ЭУП) создают ту интегрированную информационную среду, в которой обучающиеся обретают качественно новые возможности по сравнению с печатными материалами, поскольку ЭУП имеют большую графическую наглядность (видео, звук, анимацию и др.), удобный пользовательский интерфейс, предоставляют широкие

возможности обучающимся самостоятельно приобретать и актуализировать знания, сочетая их с возможностью глубокого освоения специальных профессиональных дисциплин [7]. В связи с чем современному преподавателю необходимо не только создавать высококачественные научные тексты учебных пособий, но и облекать их в доступный, более привычный для обучающихся электронный формат, тем самым обеспечивая существенное повышение их дидактической ценности.

Вызывают определенную настороженность данные, полученные по параметру «Научное и консультационное сопровождение исследовательских проектов обучающихся» (без учета курсовых работ). Данный параметр был оценен опытными преподавателями и представителями второй группы весьма скромно – от 4 до 7 баллов. Создавшаяся ситуация объяснялась испытуемыми недостаточным уровнем имеющихся у них проектно-технологических знаний, отсутствием должного опыта в организации и руководстве (учебными, исследовательскими, творческими, техническими и др.) проектами, непониманием места данного метода в структуре учебного занятия, неверием в эффективность применения учебных проектов в процессе обучения и низкой мотивацией в целом.

Важно обратить внимание на то, что в третьей группе выявилось практически полное отсутствие указанных умений. По всем показателям имеют место значимые различия, а общий уровень по параметру «научно-исследовательская деятельность» – меньше половины из возможных баллов. Это тем более странно, поскольку научно-исследовательская работа является ведущей деятельностью аспирантов (адъюнктов), в которой они принимают самое непосредственное участие. Возможно, низкие показатели обусловлены тем, что аспиранты (адъюнкты) реализуют себя в ней по-прежнему в качестве обучающихся, ожидающих указаний со стороны научного руководителя. Невысокий уровень сформированности научно-исследовательской компетентности обучающихся

аспирантуры (адъюнктуры) может быть объяснен и другими не менее значимыми факторами, к которым, например, Н. В. Сердюк и Н. В. Ходякова относят: недостаточную целеустремленность и мотивацию адъюнктов; отсутствие должной информированности об организации и проведении научного исследования; низкий уровень культуры речи в сфере научной коммуникации; отсутствие способностей к исследовательской деятельности; отсутствие базового профильного образования и опыта научной деятельности, а также недисциплинированность адъюнктов. Мы солидарны с указанными авторами в том, что большая часть затруднений объясняется когнитивной, мотивационной и практической неготовностью соискателя к научной деятельности и обучению в адъюнктуре в целом. В связи с чем актуальным становится вопрос о «совершенствовании и содержании процедур не только вступительных испытаний в части определения уровня общекультурной, общенаучной и профильной подготовки соискателей на этапе поступления в адъюнктуру» [8, с. 49], но и вопрос, связанный с необходимостью повышения качества как теоретико-методологической, так и практико-ориентированной подготовки аспирантов (адъюнктов) в условиях учебного процесса при реализации программы подготовки научно-педагогических кадров с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь».

Следующий вид педагогической деятельности, который крайне востребован в образовательных организациях любого типа – воспитательная работа. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает, что воспитание, наряду с обучением, является одним из компонентов образования, суть которого заключается в развитии личности обучающегося [4]. Анализ представленных результатов исследования по данному виду профессиональной деятельности позволяет сделать следующие выводы:

1. Общее соотношение баллов имеет те же тенденции, что и в предыдущем блоке – наиболее высокие баллы у первой группы,

самые низкие – в третьей. Однако разница в баллах более сглажена, чем в компетенциях по научно-исследовательской работе.

2. Несмотря на разные значения средних показателей, значимых различий между испытуемыми первой и второй группы не выявлено. Можно сделать вывод о необходимости непосредственного опыта педагогической работы для формирования компетентности в плане воспитательной деятельности. Этот вывод подтверждается и наличием значимых различий между показателями участников первой и третьей группы, ведь у последних опыт работы в качестве педагога отсутствует.

3. Наиболее высокие показатели у опытных преподавателей выявлены по параметрам «Умение обеспечивать на занятиях порядок и сознательную дисциплину» и «Умение организовывать проведение конференций, выставок, конкурсов и воспитательных мероприятий». Наименьшие показатели – «Умение оказывать методическую помощь активу группы в организации воспитательных мероприятий» и «Умение мотивировать участие обучающихся в волонтерской деятельности, разработке социальных проектов».

4. В наименее компетентной третьей группе максимальными оценками были отмечены следующие параметры: «Умение обеспечивать на занятиях порядок и сознательную дисциплину», «Создание условий для воспитания и развития обучающихся, мотивирование их деятельности по освоению учебного предмета», а наибольшие затруднения вызывает «Умение готовить обучающихся к участию в конференциях, выставках, конкурсах и иных мероприятиях».

5. По показателю «Осуществление кураторства учебной группы» почти всеми испытуемыми были выставлены оценки от 4 до 8 баллов. Такой разброс в оценках объясняется тем, что не все участники исследования задействованы в кураторской работе. Однако заставляет задуматься тот факт, что третья часть всех опрошенных нами респондентов имеет лишь общее представление о данном виде деятельности, методике организации

воспитательных мероприятий, формах и методах воспитательной работы с обучающимися. Вместе с тем именно куратор через разнообразные виды деятельности организует систему отношений группы, создает условия для индивидуального самовыражения личности каждого обучающегося, призван способствовать становлению гражданской позиции и нравственному самоопределению. Кураторство следует рассматривать как эффективную систему взаимодействия преподавателя и обучающихся, как неотъемлемую часть системы учебно-воспитательной работы вуза [9]. В связи с чем, считаем, что данному виду работы следует уделять особое внимание как в рамках курсов профессиональной переподготовки, так и в процессе освоения аспирантами (адъюнктами) программы подготовки научно-педагогических кадров с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь» вне зависимости от того задействованы они в кураторской работе или осуществляют воспитательную деятельность эпизодически.

Таким образом, результаты нашего исследования дают основания полагать, что для качественной профессиональной подготовки преподавателя высшей школы важно не только базовое педагогическое образование, но и опыт практической работы. При этом особое внимание следует обратить на формирование научно-исследовательской компетентности и организацию воспитательной работы с обучающимися. Именно эти виды профессиональной деятельности преподавателя высшей школы необходимо усилить путем включения в учебные планы практико-ориентированных дисциплин и спецкурсов. Для опытных преподавателей, имеющих педагогическое образование и опыт практической работы, важным аспектом для профессионального самосовершенствования является методическая работа, практика использования информационно-коммуникационных технологий, а также освоение специфики организации учебного процесса в формате дистанционного обучения.

Заключая сказанное отметим, что стать профессионалом, мастером своего дела под силу не только тем педагогам, кто уже успешно воплощает в своей профессиональной деятельности педагогические знания,

умения и навыки, но и тем, кто искренне заинтересован в результатах своей деятельности, которую умело сочетает с неиссякаемым энтузиазмом, терпением и большим трудолюбием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слостенин В. А., Мищенко А.И. Целостный педагогический процесс как объект профессиональной деятельности учителя. Москва : Прометей, 1997. 200 с.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. Москва : Издательская корпорация «Логос», 2000. С. 262.
3. Педагогический словарь : для высш. и сред. пед. учеб. заведений / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. Москва : Академия, 2000. 175 с.
4. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 8 июня 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2020 г.). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2021 г.).
5. Титова Е. В. Качество деятельности преподавателя вуза : подход к пониманию и оценке. Непрерывное образование: XXI век. Выпуск 1 (13). 2016. URL: <http://dop.uchebalegko.ru> (дата обращения: 24.09.2021).
6. Швацкий А. Ю. Методическая деятельность преподавателя вуза как основа развития его профессиональной деятельности. URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/1004/1/1754-1759.pdf>.
7. Снадченко С. В. Применение электронных учебных пособий в образовательном процессе вуза // Научный электронный архив академии естествознания. URL: <https://s.econf.rae.ru/pdf/2011/07/424.pdf>
8. Сердюк Н. В., Ходякова Н. В. Подготовка научно-педагогических кадров в адъюнктуре : поиск путей повышения эффективности // Академическая мысль. 2021. № 3 (16). С. 47–51.
9. Тимошенко А. И., Тазетдинова Е. Н. Роль куратора в формировании гражданской идентичности обучающихся // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 2 (26). С. 122–125.
10. Костина Н. И. Профессионально-педагогическая подготовка преподавателя высшей школы США : дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2000. 190 с.

© Филипенко Е. В.
© Малолеткова А. В.
© Балахонский В. В.
© Журавлева Т. Л.
© Старова Е. А.

УДК 37/.015.3:351.741.08(470)

Н. В. ХОДЯКОВА, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор педагогических наук, доцент (г. Москва)

N. V. KHODYAKOVA, Professor of the Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Moscow)

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

PERSON-CENTERED STRATEGIES FOR EDUCATING POLICE OFFICERS

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования педагогических стратегий обучения сотрудников полиции. Предложена целевая модель подготовки полицейских, включающая личностные, профессиональные и социальные компетенции. Акцентируется особая роль личностных компетенций и их системообразующего ядра – личностной позиции сотрудника полиции – в обеспечении его эффективной профессионально-служебной деятельности. Через понятие «ситуация развития личности» раскрыта взаимосвязь личностных и средовых факторов в развитии личностных компетенций полицейского. С позиций личностно-ориентированного подхода в педагогике охарактеризованы четыре типа ситуации развития личности (адаптация личности к образовательной среде; самостоятельная деятельность в образовательной среде; оформление личностной позиции в образовательной среде; изменение образовательной среды и самоизменение) и соответствующие им педагогические стратегии обучения сотрудников полиции (адаптирующая, вариативная, диалогическая, креативная). Представлены результаты анкетирования обучающихся Академии управления МВД России на предмет выбора подходящей им стратегии обучения.

Ключевые слова и словосочетания: личностно-ориентированное образование, стратегии обучения, личностные компетенции, профессиональные компетенции, социальные компетенции, ситуация развития личности.

Annotation. The article presents the results of a theoretical and empirical study of pedagogical strategies for educating police officers. A target model of police educating is proposed, including personal, professional and social competencies. The special role of personal competencies and their systemically important core – forming core – the personal position of a police officer-in ensuring his effective professional and official activity is emphasized. Through the concept of «the situation of personal development», the interrelation of personal and environmental factors in the development of personal competencies of a police officer is revealed. From the standpoint of a person-centered approach in pedagogy, four types of personality development situations are characterized (adaptation of the individual to the educational environment; independent activity in the educational environment; formation of a personal position in the educational environment; change of the educational environment and self-change) and the corresponding pedagogical strategies for educating police officers (adapting, variative, dialogic, creative). The results of a survey of students of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia for choosing a suitable educating strategy are presented.

Keywords and phrases: person-centered education, educating strategies, personal competencies, professional competencies, social competencies, the situation of personal development.

Возрастающие требования к сотрудникам полиции обусловлены современными

криминальными вызовами и угрозами безопасности, связаны с обучением полицейских,

обеспечивающим эффективное предупреждение и противодействие преступности. Они предполагают их непрерывный профессиональный и личностный рост, постоянное развитие уровня компетентности. Однако традиционный подход к обучению сотрудников полиции, ограничивающийся передачей им заранее заданных объемов знаний, умений и навыков, на сегодняшний день не может обеспечить достижение цели подготовки компетентных специалистов (под компетентным специалистом здесь и далее будем понимать сотрудника полиции, который обладает функциональной грамотностью в профессии и одновременно проявляет себя как личность, так и как активный субъект непрерывного образования и профессионального развития).

В эпоху цифровой трансформации деятельность полицейских структур характеризуется не только использованием новых информационных технологий как инструментов выполнения тех или иных профессиональных действий, но и перестройкой привычных подходов к обучению сотрудников. Образовательная подготовка полицейских становится все более персонализированной, а программы профессионального обучения сотрудников полиции приобретают характеристики вариативности и адаптивности [1]. Полицейский рассматривается как активный субъект обучения, который имеет определенные природные способности, жизненный и профессиональный опыт, собственные образовательные потребности, может самостоятельно сформулировать цели своего обучения, выбрать индивидуальную образовательную траекторию, темпы и средства ее освоения. В этой связи актуальность приобретают личностно-ориентированные стратегии обучения, которые учитывают особенности личности сотрудников полиции, психологические механизмы и факторы их личностного развития [2]. Этим стратегиям посвящена данная статья.

Подготовка сотрудника полиции начинается с поиска ответа на вопросы: Для чего планируется это обучение? Какого специалиста мы хотим увидеть по окончании обучения?

Современная компетентностная модель подготовки сотрудника полиции имеет триединую структуру. В нее входят:

- 1) личностные компетенции (Я-концепция и личностная картина мира);
- 2) профессиональные компетенции (hard skills);
- 3) социальные компетенции (soft skills).

В структуре личностных компетенций исследователи выделяют: мотивацию и целеполагание, избирательность и нравственную ответственность, ценностные и смысловые ориентации, рефлексивность, креативность, самоорганизацию, самореализацию и саморазвитие [3]. В дополнение к этому принятый в 2020 году федеральный государственный образовательный стандарт подготовки специалистов с высшим образованием в области правоохранительной деятельности [4] предусматривает формирование у сотрудников полиции таких личностных компетенций, как критическое мышление, гражданская позиция, нетерпимость к противоправному поведению, патриотизм, психическая саморегуляция, адекватная самооценка и готовность к непрерывному образованию. Все личностные компетенции можно объединить с помощью системообразующего ядра личности – ее позиции. Личностная позиция представляет собой синтез отношений личности к себе (Я-концепция) и отношений личности к миру (личностная картина мира).

Личностные компетенции опираются на внутренние ресурсы сотрудника и поддерживают равновесие между ними и внешними требованиями, что позволяет полицейскому принимать адекватные решения в проблемных ситуациях. Личностные компетенции являются системообразующими в модели подготовки полицейского. Они руководят поведением сотрудника и напрямую отражаются на эффективности его деятельности независимо от профессии. Личностные компетенции относительно устойчивы и образуют базис профессионализма и социализации. Они позволяют сотруднику сохранять внутреннюю целостность и успешно функционировать в динамичной среде.

Именно их следует развивать в обучении в первую очередь.

Профессиональные и социальные компетенции более изменчивы, носят подчиненный характер, существенно зависят от специфики профессиональной деятельности и особенностей взаимодействия полицейского с различными социальными группами.

Так, профессиональные компетенции (*hard skills*) в соответствии с уже названным федеральным государственным образовательным стандартом включают: знание правовых понятий и принципов, методик раскрытия и расследования преступлений, знание и умение применять нормы права; способности к системному анализу, принятию обоснованных профессиональных решений, выявлению и силовому пресечению преступлений и правонарушений, их профилактике и предупреждению, использованию технико-криминалистических методов и тактики следственных действий, управлению проектами, обеспечению безопасности жизнедеятельности, оказанию первой медицинской помощи, юридической оценке фактов, разработке нормативных правовых актов; умение составлять процессуальные и служебные документы.

Определенные стандартом социальные компетенции (*soft skills*) определяют способности к командной работе и лидерству, к применению современных коммуникативных технологий, к межкультурному и инклюзивному взаимодействию с людьми; умения применять методы, приемы и средства профессионального общения, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные профессиональные и служебные ситуации.

Соотношение между профессиональными и социальными компетенциями не одинаково. По данным исследований, выполненных в Гарварде, Стэнфорде и Фонде Карнеги [5], в структуре практического опыта *soft skills* составляют 85 %, *hard skills* – только 15 %.

Развитие личности (т. е. личностных компетенций) и создание условий образовательной среды для такого развития выступают главными целевыми доминантами в обра-

зовании. В связи с этим возникают вопросы: Как именно должен быть спроектирован процесс личностно-ориентированного обучения? Как создать личностно-развивающую образовательную среду? Постараемся ответить на эти вопросы.

Личность сотрудника полиции является его сущностным и целостным свойством. Она задает направленность его развитию, определяет его уникальность. Личностный опыт (т. е. опыт быть личностью, владеть личностными компетенциями) есть процесс и результат формирования внешних и внутренних отношений сотрудника с действительностью. Он не передается от учителя к ученику посредством обычного преподавания в виде трансляции учебной информации или научения деятельности по образцу. Он накапливается самой личностью в ее собственном взаимодействии с условиями среды – образовательной или профессиональной. От педагога же требуется создать эти условия, спроектировать профессионально-образовательную среду таким образом, чтобы ее условия актуализировали, приводили в движение естественные психологические механизмы развития личности [6, с. 28].

Личность и среда являются взаимосвязанными феноменами. В выполненном нами исследовании [7] показано, что движущей силой развития личности является противоречие между внешними факторами (требования и возможности среды) и внутренними факторами (потребности и способности личности). Диалектика этого противоречия (равновесие и накопление, конфликт и борьба, разрешение) лежит в основе ситуации развития личности.

Сущность личностно-развивающей ситуации состоит в репрезентации сложных субъект-объектных отношений и активного взаимодействия между личностью и средой. В структуре ситуации выделяются взаимосвязанные пары факторов:

– внутриличностные (потребности и цели, ожидания, личностные смыслы, самооценка, личностная позиция, личностный опыт, импровизация);

– средовые (требования и возможности, социальные роли, объективные значения, общественное мнение, социальный статус, образ жизни, правила).

Ситуация развития личности – это динамически изменяющийся феномен. Поступательному и непрерывному развитию личностных компетенций в обучении адекватна логика смены четырех этапов:

- 1) адаптация личности к образовательной среде;
- 2) самостоятельная деятельность в образовательной среде;
- 3) оформление личностной позиции в образовательной среде;
- 4) изменение образовательной среды и самоизменение.

Каждому из этапов соответствует свой уровень личностной активности сотрудника полиции (т. е. уровень развитости его личностных компетенций) и специфические факторы образовательной среды. Рассмотрим каждую из ситуаций подробнее, выделив в них определяющие характеристики личности, ведущие психологические механизмы развития и средообразующие стратегии обучения.

Ситуация адаптации личности к образовательной среде

Сотрудник полиции, находящийся в данной ситуации взаимодействия со средой обучения, выступает по отношению к ней субъектом адаптации и рецепции. Он приспосабливается к ней, воспринимает и стремится понять новую для него учебную информацию, усваивает действующие в ней нормы и правила, исполняет учебные действия по предложенной ему педагогом методике.

Механизмами личностного роста выступают полимодальное восприятие средовой информации и воспроизведение заданных в среде понятий и образцов деятельности.

Адаптирующая стратегия обучения (или стратегия пошагового освоения содержания по И. А. Колесниковой [8]) на данном ситуационном этапе носит характер традиционного обучения (объяснение – понимание – воспроизведение) и требует обеспечения в образовательной среде условий новизны,

системности и дозированной поступающей информации, предъявления обучающимся актуальных требований, правил, норм поведения и деятельности, реализации парной коммуникации с педагогическим субъектом и педагогической оценки активности сотрудника, обеспечения психологической безопасности и эмоциональной привлекательности среды.

Ситуация самостоятельной деятельности в образовательной среде

Сотрудник полиции в данной ситуации уже овладел опытом адаптации в образовательной среде, знает и исполняет принятые в ней традиции и стандарты. У него возникает потребность испытать себя, свои силы в ходе самостоятельной деятельности. Он структурирует среду, выделяет в ней значимые для себя субъекты и объекты, самостоятельно определяет цели профессиональной деятельности и свободно выбирает средства их достижения.

Механизмом личностного развития в этой ситуации выступает свободный выбор в среде.

Вариативная стратегия обучения состоит в обеспечении вариативности условий среды, наличии альтернативных вариантов для выбора учебного контента, видов и средств учебной деятельности. На этом этапе необходимо также обеспечить сравнительную оценку учебной успешности сотрудника, сформированную на основе объективных критериев и показателей, с результатами других обучающихся, предусмотреть в среде условия соревновательности и учебно-игровой деятельности.

Ситуация оформления личностной позиции в образовательной среде

В данной ситуации сотрудник полиции предстает как уже овладевший разнообразным опытом учебно-профессиональной деятельности обучающийся, проявляющий критическое мышление. Он готов к осознанию своей учебно-познавательной мотивации, личностных смыслов и базовых ценностей образования, профессии и службы в полиции, осмысления профессиональных планов и перспектив.

Механизмами личностного роста в ситуации данного типа становятся рефлексия и диалог в среде. Диалогическая стратегия обучения (или стратегия информационного взаимодействия в типологии И. А. Колесниковой [8]) предполагает создание в образовательной среде условий для обсуждения индивидуально значимых ценностно-смысловых проблем в референтной для сотрудника группе, обеспечение возможностей представить свои идеи и замыслы, сравнить их с социальными представлениями и культурными образцами. Особую роль приобретает социально-групповая оценка личностной позиции сотрудника в значимой для него коммуникации.

Ситуация изменения образовательной среды и самоизменения

У сотрудника, находящегося в ситуации данного типа, уже сформирована определенная система убеждений (личностная позиция), поэтому он испытывает необходимость в ее проверке на практике и самоутверждении. Реализуя инновационные преобразования в учебно-профессиональной среде, он закономерно изменяется сам, на основе самооценки корректирует свои взгляды и представления [9].

Ведущие механизмы развития личностных компетенций на данном этапе – творчество и саморегуляция. Креативная стратегия обучения заключается в предоставлении сотруднику полиции максимальной творческой свободы, устранении барьеров для креативного мышления, минимизации внешнего контроля и руководства.

Смоделировав в теории личностно-ориентированные стратегии обучения сотрудников полиции, мы задались вопросом: насколько эти стратегии востребованы обучающимися?

С целью выявления предпочитаемых сотрудниками полиции стратегий обучения нами в 2018 и 2019 гг. было проведено эмпирическое исследование (анкетирование), в котором приняли участие 422 сотрудника, проходивших обучение в Академии управления МВД России по различным направлениям подготовки в магистратуре, адъюнктуре и по программам повышения квалификации [10].

Каждому из респондентов было задано четыре вопроса. Первые три вопроса анкеты были ориентированы на выяснение отношения респондентов к связанным со стратегиями обучения дидактическим характеристикам обучения: его целям, содержанию и методам. Четвертый вопрос позволял выбрать наиболее подходящую для каждого респондента стратегию обучения: адаптивную, вариативную, диалогическую или креативную. На вопросы можно было ответить, выбрав только один из пяти вариантов ответов: первые четыре ответа соответствовали четырем охарактеризованным выше типам ситуаций обучения, пятый вариант предусматривал неучтенный автором анкеты возможный вариант и предлагался для заполнения в открытой форме.

Ответы анализировались по совокупности всех пяти вопросов. Адаптивную стратегию как наиболее подходящую выбрали для себя чуть менее трети опрошиваемых (среднее значение по пяти вопросам – 32,09 %). Связанная с этой традиционной стратегией относительно пассивная роль в обучении сотрудников характеризовала преимущественно тех из них, кто до этого момента не имел управленческого опыта, либо давно не обучался в стенах образовательной организации.

Вариативную стратегию избрала для себя в качестве наилучшей почти пятая часть анкетированных (среднее значение по анкете – 19,58 %). Эти обучающиеся характеризовались относительно молодым возрастом, небольшим стажем службы в полиции, широким диапазоном карьерных ориентиров. Для них было свойственно стремление к самопознанию и экспериментированию в учебном процессе.

Более чем третья часть респондентов (среднее значение по всем вопросам – 37,16 %) предпочла диалогическую стратегию обучения. Преобладание этой стратегии наблюдалось у обучающихся, проходящих службу на руководящих должностях, имеющих свою личностную позицию, определенную жизненный и профессиональный опыт, которым они готовы поделиться с коллегами в дискуссионно-диалогических формах организации учебной коммуникации.

Ответы, соответствующие креативной стратегии, были даны более чем десятой частью респондентов (среднее значение по всем вопросам – 11,19 %). Полученный малочисленный результат можно интерпретировать как осознание обучающимися сотрудниками полиции большой доли ответственности за производимые в учебно-профессиональной среде изменения, необходимости преодоления сопротивления среды и трудностей работы над собой.

Сказанное позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. Личностно-ориентированное обучение сотрудников полиции, направленное на развитие их личностных компетенций, – это не благое пожелание и не декларация, это жизненная необходимость. От уровня личностных компетенций полицейских напрямую зависит эффективность деятельности полиции в современных быстро изменяющихся реалиях, а, значит, – безопасность и правопорядок в обществе.

2. Развитие в процессе обучения личностных компетенций сотрудников полиции невозможно на основе исключительно тра-

диционного подхода в логике: объяснение – понимание – запоминание – воспроизведение. Личностно-ориентированное обучение сотрудников полиции невозможно без учета ситуаций их субъектного взаимодействия с условиями специально проектируемой образовательной среды.

3. Типы личностно-ориентированных стратегий обучения сотрудников (адаптивная, вариативная, диалогическая, креативная) соответствуют типам личностно-развивающих ситуаций (адаптация личности к образовательной среде; самостоятельная деятельность в образовательной среде, оформление личностной позиции в образовательной среде, изменение образовательной среды и самоизменение), актуализируют характерные для этих ситуаций ведущие психологические механизмы личностного развития и обеспечивают специфические условия образовательной среды.

4. Эмпирическое исследование, проведенное на базе Академии управления МВД России, продемонстрировало востребованность всех четырех типов стратегий обучения с преобладающим выбором обучающимися диалогической стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Е. Н. Ситуационно-средовое проектирование развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел : дисс. ... кандидата педагогических наук. М., 2021.
2. Литвин Д. В. Стратегии личностно-средового взаимодействия обучающихся взрослых в системе МВД России // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т. 1. № 3 (76). С. 120–137.
3. Сериков В. В. Развитие личности в образовательном процессе. М. : Логос, 2012.
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность : приказ Минобрнауки России от 28 августа 2020 г. № 1131 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2021 г.).
5. The Soft Skills Disconnect. URL: <https://www.nationalskills.org> (дата обращения: 28.08.2021).
6. Сериков В. В. Педагогические закономерности развития личности // Учебный год. 2020. № 1 (59).
7. Ходякова Н. В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно-развивающего образования : методологические предпосылки и концепция. Волгоград, 2012.
8. Колесникова И. А. Образовательные стратегии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (14). С. 15–21.
9. Купавцев Т. С. Личностное саморазвитие как условие и результат непрерывного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–1. С. 196–199.
10. Ходякова Н. В., Митин А. И., Ульянина О. А. Психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов с учетом их субъектной позиции // Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195–209.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процес. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатаются прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация последовательная.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК УФИМСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**